У СКАНДИНАВОВЪ

И

ФЛАМАНДЦЕВЪ

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

К. Скальковскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 11—2
1880

3

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

ПО

ШВЕЦІИ, ДАНІИ И БЕЛЬГІИ.

У СКАНДИНАВОВЪ

И

ФЛАМАНДЦЕВЪ

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

К. Скальковскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2.
1880

Гос. Истор.-Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ 204574
193 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

У скандинавовъ.

стр.

I. Пароходъ „Константинъ". — По берегамъ Финляндіи. — Стокгольмъ, общее впечатлѣніе.—Шведскій аппетитъ.—Культъ героевъ.—Національный музей и шведское искусство.—Экономическое положеніе Швеціи.—Дюргарденъ.—Белманъ и шведская литература 3

II. Маневры шведской арміи.—Шведская военная организація.—Крестьяне въ Швеціи.—Политическія партіи.—Положеніе періодической печати.—Королевскій дворецъ.—Дворянское собраніе и церковь Рыцарскаго острова.—Прахъ Карла XII. — Политическія отношенія Швеціи къ Россіи 24

III. Плаваніе по Готской системѣ каналовъ. — Пароходъ „Wadstena".—Теорія Франклина.—Шлюзы.—Земскія и крестьянскія учрежденія.—Сельская жизнь въ Швеціи.—Озера.—Легенда о Густавѣ Вазѣ.—Водопадъ Трольгетанъ.—Гетеборгъ.—Полярныя экспедиціи. 47

IV. Зундъ.—Могила Гамлета.—Копенгагенъ.—Бомбардировка 1807 года.—Первое впечатлѣніе отъ датской столицы.—Принцъ Лулу.—Датская литература.—Торвальдсенъ и его музей.—Достопримѣчательности Копенгагена. 67

V. Копенгагенъ.—Графиня Даннеръ.—Струензе.—Тиволи.—Датскія политическія партіи.—Датскіе крестьяне.—Желѣзная дорога въ Корзеръ.—Киль 83

У фламандцевъ.

стр.

VI. Нидерланды.—Брюссель.—Замѣчательный городской голова.—Наружность города.—Политическая жизнь въ Бельгіи, партіи, періодическая печать, засѣданіе въ парламентѣ, бельгійскіе государственные люди. 99

VII. Брюссель. — Фантастическое сооруженіе на казенныя деньги.—Соборъ и процессія въ честь св. сердца Іисусова. — Знаменитые банки.—Манекенъ-Писъ.—Картинная галлерея и Вирцъ.—Кружевное производство 116

VIII. Французскіе фламандцы.—Лилль.—Пьянство.—Достопримѣчательности Лилля.—Табачная мануфактура, табачные инженеры и табачная монополія во Франціи.—Сношенія Лилля съ Россіей 132

IX. Брюгге. — Фламандская Венеція. — Значеніе Брюгге въ средневѣковой торговлѣ. — Наружность города.—Мемлингъ и старая фламандская школа.—Общество св. Себастіана.—Испанское вліяніе на фламандскій типъ. — Бегинажъ и бегинки. — Влюбленный король 148

X. Антверпенъ.—Превратность судебъ города, его современное значеніе.—Конкуренція Флиссингена.—Наружность Антверпена и новыя постройки. — Рубенсъ и его новѣйшіе критики.—Мелочи изъ записной книжки 167

Экскурсія въ область медицины 181

ПРЕДИСЛОВІЕ.

On ne voyage plus on revient.

Путешествія, здѣсь описанныя, не изъ тѣхъ, за которыя географическія общества выдаютъ медали и дипломы. Это прогулки туриста, выгоняемаго лѣтомъ изъ Петербурга перекладкой мостовыхъ и перекраской стѣнъ. Если описанныя впечатлѣнія дерзнули явиться въ печати, то потому, что оригинальная литература путешествій у насъ очень ужъ бѣдна, а переводная никогда не удовлетворитъ русскаго читателя. Путешествовать значитъ видѣть, а для послѣдняго очень важна точка зрѣнія.

Шведы, датчане, фламандцы народъ отличный, авторъ будетъ очень доволенъ, если возбудитъ въ комъ либо охоту поближе ознакомиться съ ними.

У СКАНДИНАВОВЪ.

I.

Пароходъ „Константинъ“.—По берегамъ Финляндіи.—Общее впечатлѣніе Стокгольма.—Шведскій аппетитъ.—Культъ героевъ.—Національный музей и шведское искусство.—Экономическое положеніе Швеціи.—Дьюргарденъ.—Белманъ и шведская литература.

Одна дама, живущая въ Парижѣ, посѣтила Бернъ и вернувшись разсказывала, что цѣлый день просидѣла тамъ, глядя на медвѣдей. Когда ей замѣтили, что такую страсть къ медвѣдямъ гораздо проще можно удовлетворить въ Jardin des plantes, она воскликнула:

— Помилуйте! это такъ далеко.

Этотъ анекдотъ можетъ характеризовать отношенія петербуржцевъ къ скандинавскому сѣверу. Гдѣ, гдѣ только не перебывали русскіе туристы, а рѣже всего заглядываютъ они въ Швецію и, кажется, только потому, что она лежитъ у нихъ подъ бокомъ! Между тѣмъ по личному моему опыту могу засвидѣтельствовать, что трудно придумать поѣздку болѣе пріятную какъ черезъ Швецію и Данію, особенно сравнительно съ избитою дорогою на Литву, Вержболовъ и бранденбургскія тощія равнины. Мнѣ еще, по причинѣ болѣзни, Скандинавія

представилась въ менѣе благопріятномъ видѣ и я ограничилъ свой маршрутъ только самымъ необходимымъ.

Въ Стокгольмъ можно попасть изъ Петербурга гораздо скорѣе, если ѣхать по финляндскимъ желѣзнымъ дорогамъ на Ганге, а тамъ сѣсть на пароходъ, содержащій круглый годъ прямое сообщеніе со столицею Швеціи. Я предпочелъ, однако, болѣе медленный, но болѣе удобный во многихъ отношеніяхъ и дешевѣйшій путь прямо изъ Петербурга, съ набережной Васильевскаго острова противъ 13-й линіи. Такая поѣздка стоитъ въ I классѣ всего 17 рублей. Пароходъ заходитъ по дорогѣ въ Гельсингфорсъ и Або, дѣлая до Стокгольма путину въ1,300 верстъ въ три дня.

15-го іюня 1878 г. сѣлъ я на прекрасный пароходъ „Великій князь Константинъ“ и сразу очутился въ Скандинавіи. Хотя я еще находился въ Петербургѣ и видѣлъ собственными глазами Исакій и Петропавловскую крѣпость, но никто не понималъ меня по-русски, надписи и опрятность были также шведскія; кромѣ двухъ купцевъ всѣ физіономіи были настолько скандинавскія, что я какую-то финляндскую баронессу принялъ сначала за повивальную бабку. Къ обѣду вмѣсто хлѣба подавали уже знаменитыя сухія лепешки изъ ржанаго тѣста пополамъ съ овсянымъ, knäckebrod, которыя сначала кажутся кусками старыхъ подошвъ, а потомъ очень нравятся, особенно съ прекраснымъ коровьимъ масломъ. Капитанъ парохода, г. Венербергъ,—красивый шведъ, тотъ самый, который привелъ изъ Стокгольма на буксирѣ „Сѣверную Звѣзду“ г. Сидорова, пробравшуюся изъ Енисея въ Петербургъ, вопреки сказаніямъ разныхъ

мудрыхъ адмираловъ, пятьдесятъ лѣтъ утверждавшихъ, что Карское море недоступно для плаванія.

„Константинъ“ шелъ въ морѣ отлично, какъ ходитъ человѣкъ на-легкѣ, съ пустымъ желудкомъ; дѣйствительно, въ трюмѣ парохода, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ мѣшковъ съ ржаной мукой, ничего не было. Финляндское пароходство давно работаетъ въ убытокъ, а между тѣмъ число пароходовъ постоянно прибавляется. Я спрашивалъ объ этомъ странномъ явленіи одного пассажира, русскаго купца, живущаго чуть не съ рожденія въ Гельсингфорсѣ.

— Помилуйте, какъ же не ходить, со вздохомъ отвѣчалъ купецъ-акціонеръ, когда линія назначена.

— Да вѣдь нельзя же работать вѣчно въ убытокъ, замѣтилъ я.

— Уповаемъ на будущее. Послѣ крымской войны заработывали 30 копѣечекъ на рубль, да вотъ вздумали чухонцы заводить свою монету, съ тѣхъ поръ всякая торговля съ Россіей и прекратилась, а со шведами Финляндіи торговать нечѣмъ.

Финляндцы, впрочемъ, болѣе всего заботились, чтобы не имѣть общей монетной системы съ Россіей; съ скандинавскимъ монетнымъ союзомъ у нихъ также нѣтъ ничего общаго. Въ Стокгольмѣ я познакомился съ г. Меландеромъ, изъ вѣжливости носящимъ титулъ „министра финансовъ“ Финляндіи, хотя онъ только сенаторъ, вѣдающій финансовую экспедицію сената. Этотъ почтенный человѣкъ, отлично говорящій—замѣчу кстати—по-русски, съ гордостью показывалъ мнѣ только-что выпущенную въ первый разъ въ обращеніе финляндскую золотую монету въ 20 марокъ. Недоумѣваю, для чего по-

надобилась эта монета; во всякомъ случаѣ въ Финляндіи въ обращеніи она едва ли останется, такъ какъ эта страна всегда болѣе покупаетъ, нежели отпускаетъ товаровъ, и пополняетъ дефицитъ международнаго оборота фрахтомъ, заработываемымъ ея торговымъ флотомъ. Я указывалъ Меландеру на упадокъ русской торговли въ Финляндіи.

— Это вѣрно, замѣтилъ онъ, и мы всячески желаемъ улучшенія вашихъ финансовъ, чтобы и вы могли имѣть металлическую валюту.

То есть, другими словами, Россія должна подняться до уровня Финляндіи!

Монетная единица не единственная только вещь, чѣмъ финляндцы стараются отличиться отъ Россіи. На Ладожскомъ озерѣ позавели они теперь столько таможень и столько таможенныхъ чиновниковъ, точно тутъ граничитъ какая-то враждебная страна. Затѣмъ въ Выборгской губерніи, гдѣ еще съ прошлаго столѣтія многія земли сдѣлались собственностью русскихъ, финляндская казна скупаетъ земли русскихъ помѣщиковъ, межуетъ ихъ на участки и продаетъ крестьянамъ. Финляндцы объясняютъ это заботливостью о меньшей братіи, но странно, что они не поступаютъ такъ же съ имѣніями богатыхъ финляндцевъ.

Антагонизмъ продолжаетъ проявляться и въ мелочахъ. Въ Гельсингфорсѣ подъ русскимъ флагомъ меня везли вмѣстѣ съ прочею публикою на увеселительныя дачи на пароходѣ „Adlerkreutz“ — это имя храбраго генерала, который чуть не выгналъ русскихъ изъ Финляндіи въ 1808 году и крѣпко поколотилъ насъ подъ Сикайоки. Затѣмъ ничего особеннаго новаго я въ столицѣ фин-

ляндской не нашелъ, не смотря на то, что не былъ въ ней съ 1862 года; тотъ же Societetshaus, та же Эспланада, деревья на которой стали какъ будто пожиже, та же пустота на улицахъ и еще большая пустота въ гавани. Только русская церковь давно окончена и очень украшаетъ недурной вообще видъ Гельсингфорса.

Дорога шхерами до Або и самъ Або мнѣ были уже знакомы. Славное это путешествіе шхерами, и надобно удивляться, какъ не организуются у насъ постоянныя parties de plaisir изъ Петербурга въ тамошнія мѣста. Глядя на эти тысячи островковъ съ ихъ прихотливыми очертаніями, удивляешься ёгипетской работѣ тѣхъ гидрографовъ, которые умѣютъ нанести ихъ на карту и сдѣлать плаваніе безопаснымъ. Еще болѣе надобно удивляться, что эти достойные люди сидятъ обыкновенно по двадцати лѣтъ въ чинѣ подпоручика корпуса штурмановъ. Почему?—никто не знаетъ; развѣ считать серьезною легенду, производящую какимъ-то образомъ офицеровъ морскаго вѣдомства непосредственно отъ разныхъ дѣтей Ноя.

Но я уклонился далеко въ сторону и возвращаюсь прямо въ Або, гдѣ нашъ пароходъ простоялъ нѣсколько часовъ, исполняя формальности, неизбѣжныя передъ отправкою за границу. Або хоть и не вѣсть какой бойкій городокъ, но все пооживленнѣе Гельсингфорса. По обѣ стороны Ауры тянется непрерывный рядъ складовъ и разныхъ заведеній, между которыми выдается извѣстная судостроительная фабрика Крейтона; навигаціонная школа и тюрьма живописнымъ мѣстоположеніемъ украшаютъ оригинальный видъ города. Затѣмъ старинный соборъ подновленъ, а скверъ вокругъ памятника Пор-

тана содержится въ порядкѣ. Ближе къ морю, по островамъ устроены дачи, хотя житье въ финляндскихъ городахъ мало чѣмъ отличается отъ житья на нашихъ загородныхъ дачахъ.

Къ вечеру пароходъ вышелъ въ море и только качка среди ночи въ теченіи двухъ часовъ дала знать, что мы идемъ открытымъ моремъ, отдѣляющимъ финляндскія шхеры отъ Аландскихъ острововъ. Далѣе путь уже до самаго Стокгольма совершенно покоенъ. Аландскихъ острововъ я за ночнымъ временемъ не видалъ, а утромъ проснулся, когда уже пароходъ шелъ шведскими шхерами, которыя отъ финляндскихъ отличаются развѣ характеромъ растительности. Болѣе теплый климатъ позволяетъ здѣсь къ хвойнымъ деревьямъ примѣшиваться значительному числу лиственныхъ деревъ.

Шхеры эти вообще красивы, а по мѣрѣ приближенія къ Стокгольму пріятно оживляются дачами, сельскими постройками и лугами, на которыхъ пасутся породистыя коровы. Особенно эффектна мѣстность, пройдя Вакгольмъ—этотъ ключъ къ шведской столицѣ. Морской рукавъ тутъ, обогнувъ крѣпость, сразу расширяется. Находишься точно въ озерѣ, обстроенномъ со всѣхъ сторонъ хорошенькими дачами. Надъ каждою развѣвается національный желто-синій флагъ. Я замѣтилъ давно, что маленькіе народы вообще злоупотребляютъ флагами и безъ приглашенія полиціи этими невинными эмблемами заявляютъ о своей отдѣльности.

Какъ крѣпость, Вакгольмъ едва ли представляетъ серьезную защиту — это гранитное сооруженіе старинаго типа въ родѣ нашихъ прежнихъ кронштадтскихъ укрѣпленій. Изъ амбразуръ торчатъ, впрочемъ, орудія

и по валамъ ходятъ часовые изъ шведской индельты, довольно неуклюжаго вида, очевидно только что взятые изъ-подъ сохи.

Отъ Вакгольма менѣе чѣмъ въ часъ пароходъ подходитъ къ Стокгольму или, какъ писали у насъ въ старину, къ городу Стекольному и подтягивается прямо къ набережной Slieppsbron у стараго города. Нѣсколько таможенныхъ чиновниковъ дѣлаютъ видъ, будто бы осматриваютъ багажъ пассажировъ.

Хотя современная эстетика и учитъ, что нѣтъ красивыхъ видовъ въ природѣ, а красота чисто субъективна и зависитъ лишь отъ настроенія и воспріимчивости лица, смотрящаго на извѣстный видъ, но я, по рутинѣ, скажу, что видъ Стокгольма очень красивъ, мало того, одинъ изъ красивѣйшихъ въ Европѣ. Подъ холоднымъ небомъ сѣвера не достаетъ только воздушной перспективы, чтобы панорама шведской столицы могла поспорить—хотя и въ меньшихъ пропорціяхъ—съ Константинополемъ, Неаполемъ и др. прославленными видами.

Самый лучшій видъ на Стокгольмъ не съ моря, а съ такъ-называемаго Мозебака. Это большая терасса съ кафе, въ довольно бѣдной части города, носящей названіе Седермальмъ. Отсюда открывается восхитительное зрѣлище на большое пространство. Стокгольмъ называли сѣверной Венеціей, но такое названіе ничего ровно не опредѣляетъ, едва ли даже и имѣетъ какой-либо смыслъ по отношенію къ шведской столицѣ. Она построена на семи островахъ и двухъ полуостровахъ, составляющихъ родъ перешейка между Балтійскимъ моремъ и озеромъ Мелларомъ. Съ Мозебака весь городъ представляется какъ на ладони, съ его оригинальною

смѣсью водяныхъ пространствъ, домовъ, церквей, мачтъ, деревьевъ и дикихъ скалъ. Городъ опоясывается роскошными парками и красивыми дачами, а морскіе и озерные рукава прихотливо извиваются на далекое разстояніе. Расположеніе нѣкоторыхъ кварталовъ амфитеатромъ и красный цвѣтъ крышъ, рѣзко выступающій на зеленомъ фонѣ морской воды, много способствуютъ красотѣ мѣстоположенія. При этомъ разнообразіе впечатлѣнія замѣчательное; можно сказать, что съ каждой набережной, съ каждаго моста любуешься новымъ видомъ, одинъ оригинальнѣе другаго, и одно это удовольствіе окупаетъ поѣздку въ Стокгольмъ.

Еще тридцать лѣтъ назадъ Стекольный былъ очень неважный городокъ, безъ мостовыхъ и тротуаровъ; въ немъ не было даже гостинницъ, и небогатые чиновники ходили на пристань зазывать пріѣзжихъ къ себѣ въ квартиру, предлагая за скромнѣйшее вознагражденіе постель и продовольствіе. Теперь гостинницы въ Стокгольмѣ поспорятъ роскошью съ какою угодно столицею. Въ особенности хороша Grand Hôtel на Blasie-Holm, по набережной, прямо противъ королевскаго дворца. Эта набережная вся новой постройки; Стокгольмъ не отстаетъ отъ Европы и также быстро застраивается, какъ и другія столицы, не включая, конечно, Петербурга, который пока только надстраивается.

Въ Grand-Hôtel нѣтъ ничего отличнаго отъ другихъ роскошныхъ гостинницъ въ Европѣ; единственная couleur locale—это подаваніе передъ обѣдомъза куски. Надобно замѣтить, что закуска или smorgasbrod, состоящая, какъ у насъ, изъ разныхъ водокъ — особенно очищенной и кюмеля, и соленыхъ и копченыхъ вещей, мелко нарѣ-

занныхъ, считается шведами ихъ національнымъ установленіемъ, и шведы относятся къ ней съ религіознымъ благоговѣніемъ. Даже на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ вы непремѣнно найдете приготовленную закуску, мимо которой не можетъ никогда равнодушно пройдти ни одинъ шведъ. Этотъ обычай также русскій, и любопытно, кто его у кого заимствовалъ — мы у шведовъ, шведы у насъ, или оба народа дошли до закуски своимъ собственнымъ умомъ? Если первое предположеніе справедливо, то вотъ новый аргументъ въ пользу норманской теоріи, одинъ изъ тѣхъ, который былъ пропущенъ Гедеоновымъ въ его извѣстномъ изслѣдованіи о варягахъ.

Замѣчательно, однако, что smorgasbrod существуетъ только у шведовъ: ея не знаютъ ни датчане, ни норвежцы, хотя нравы и образъ жизни всѣхъ скандинавовъ весьма сходны. Сходство замѣчательное, особенно по части аппетита, но шведы превосходятъ, кажется, всѣ сѣверные народы въ этомъ отношеніи, кромѣ развѣ англичанъ. Начиная отъ дворца, гдѣ по оффиціальному гиду существуетъ 32 кухни и 102 винныхъ погреба, до послѣдней хижины, шведы ѣдятъ и пьютъ преисправно. Только на дальнемъ сѣверѣ крестьяне въ неурожайные годы питаются древесною корою; въ обыкновенное же время шведскіе крестьяне садятся за столъ по пяти и шести разъ въ день, а въ горячее время жатвы успѣваютъ еще въ промежуткахъ съѣсть что-либо на лету.

Соотвѣтственно съ этимъ, конечно, идетъ и выпивка. Шведы, даже дамы и дѣвицы, не забавляются какою-нибудь кислятиною, а пьютъ обыкновенно, провозглашая

многочисленные тосты, шведскій пуншъ стаканами. Это прекрасный напитокъ, приготовленный заранѣе и розлитый въ бутылки; онъ состоитъ изъ араку, или рому, пополамъ съ водою и съ сахаромъ, положить надлежащее количество котораго и составляетъ секретъ фабриканта. Понятно, что послѣ двухъ, трехъ стакановъ подобнаго питья щечки бѣлокурыхъ шведокъ дѣлаются очень розовыми, а о мужчинахъ, обязанныхъ, по старой студентской привычкѣ, глотнувъ пунша, непремѣнно перевернуть стаканъ на воздухѣ вверхъ дномъ, я могу привести отзывъ одной очень милой дѣвицы изъ Гамбурга, гостившей въ Стокгольмѣ у родныхъ и возвращавшейся на континентъ на томъ же датскомъ пароходѣ, что и я.

— Славный народъ шведы, говорила она, такіе любезные; только я не помню ни одного пикника, по окончаніи котораго дамы не вели бы подъ руку кавалеровъ.

Симпатія шведовъ къ шведскому пуншу такъ велика, что они особенно любили Карла XV именно за горячую симпатію къ этому напитку, симпатію, говорятъ, сгубившую короля-артиста. Карла XV любили еще за то, что онъ мечталъ быть Карломъ XII, хотя въ жизни никогда не видалъ сраженія, а Карлъ XII до сихъ поръ еще самый популярный герой Швеціи. Культъ великихъ людей вообще вещь похвальная въ народѣ и шведы на этотъ счетъ превосходятъ, пожалуй, другія націи, по крайней мѣрѣ я нашелъ въ шведскомъ гидѣ „всемірнаго генія Олофъ Рудбека“, о которомъ, признаюсь откровенно, никогда не слыхалъ, но удивительно, чѣмъ руководится иногда народъ, создавая себѣ кумировъ для обожанія.

Карлъ XII былъ, безспорно, злымъ геніемъ Швеціи.

Человѣкъ лично храбрый и съ военнымъ соображеніемъ, но легкомысленный, безсердечный, если даже не прямо помѣшанный, — онъ своими инстинктами авантюриста сдѣлался причиною позорнаго паденія Швеціи изъ разряда первоклассныхъ державъ въ третьеклассныя; мало того, онъ до такой степени безконечными наборами, тягостнѣйшими податями и постояннымъ отсутствіемъ изъ страны возбудилъ противъ себя народъ, что по смерти его серьезно былъ поднятъ вопросъ объ уничтоженіи въ Швеціи монархическаго образа правленія. Этимъ воспользовалась, какъ извѣстно, аристократія и интригами своихъ олигарховъ довела Швецію до послѣднихъ степеней униженія.

И что-жъ! Шведскій народъ забылъ все это, и популярность, мало того, обожаніе Карла XII теперь крѣпче, чѣмъ когда онъ съ горстью храбрецовъ гналъ русское воинство подъ Нарвою.

Нынѣшній король Оскаръ II человѣкъ серьезный и положительный; онъ, конечно, не думаетъ корчить маленькаго Карла XII и потому ли, по другому ли, но не пользуется большою любовью своего народа, хотя предубѣжденіе, создавшееся еще въ то время, когда онъ былъ наслѣднымъ принцемъ, теперь нѣсколько разсѣялось. Оскара II подозрѣваютъ въ симпатіяхъ къ Германіи, никогда не любимой шведами, а послѣ датской войны и пораженія французовъ, издавна въ Швеціи популярныхъ, сдѣлавшейся особенно антипатичною. Въ придачу—королева Софія—нѣмка, урожденная нассауская принцесса, постоянно больная и живущая болѣе на континентѣ.

Король Оскаръ писатель и поэтъ въ патріотическомъ

духѣ, онъ владѣетъ свободно стихомъ, хотя и не такъ искусно, какъ его братъ, очень напоминавшій своею поэзіею г. Фета. Литературное занятіе всегда уважалось на шведскомъ престолѣ. Густавъ Адольфъ и Густавъ III были писателями. Домъ Бернадоттовъ прибавилъ еще склонность къ художествамъ. Король Оскаръ I занимался живописью и состоитъ въ числѣ лучшихъ шведскихъ музыкантовъ, а Карлъ XV былъ такимъ страстнымъ живописцемъ, что наполнялъ всѣ музеи королевства своими посредственными пейзажами.

Я припомнилъ о Карлѣ XII потому, что площадь его имени лежитъ рядомъ съ гостинницею и украшается новымъ бронзовымъ памятникомъ. На немъ герой изображенъ во весь ростъ, съ огромною шпагою и въ своихъ монументальныхъ сапогахъ. Сапоги эти считаются шведами, кажется, одною изъ тайнъ храбрости Карла XII; по крайней мѣрѣ я замѣтилъ на всѣхъ шведскихъ солдатахъ огромные сапоги, какъ будто бы съ обувью армія должна унаслѣдовать свойства своего идола. Непосредственно къ площади Карла XII примыкаетъ площадь Карла XIII, гдѣ среди четырехъ великолѣпныхъ львовъ работы Фогелберга стоитъ памятникъ Карла XIII, ничѣмъ уже не замѣчательный, какъ и король, дѣла котораго онъ увѣковѣчиваетъ. Зато соединеніе обѣихъ площадей, обращенныхъ въ скверъ и обстроенныхъ роскошными домами, дѣлаютъ изъ этого мѣста красивѣйшую часть Стокгольма. Между домами выдается зданіе такъ-называемой желѣзной конторы, Iern-kontoret—замѣчательнаго учрежденія. Ему Швеція обязана развитіемъ своей извѣстной горной промышленности. Въ свое время контора роздала заводчикамъ-помѣщикамъ боль-

шія суммы въ долгъ, которыя теперь почти всѣ погашены. Кромѣ кредитныхъ операцій, контора поощряла еще и технику горнозаводскаго производства, почему фасадъ ея новаго зданія украшенъ именами многихъ знаменитыхъ шведскихъ химиковъ и металлурговъ; между ними имена Сведенборга и Берцеліуса извѣстны каждому мало-мальски образованному человѣку.

Въ честь Берцеліуса устроенъ неподалеку особый скверъ, гдѣ собирается по вечерамъ хорошее общество слушать оркестровую музыку. Скверъ украшенъ памятникомъ знаменитаго химика, буржуазная фигура котораго, напоминающая стараго аптекаря, какъ будто не была создана для увѣковѣченія бронзою. Памятниковъ вообще не оберешься въ Стокгольмѣ. Съ одной стороны это дѣлаетъ честь признательности народа, а съ другой—показываетъ изобиліе великихъ людей. Дѣйствительно, пропорціонально числу населенія едва ли какая-либо страна рождала столько знаменитостей, какъ Швеція; соотвѣтственно тому вся исторія ея отмѣчена оригинальнымъ характеромъ и едва ли не самая занимательная изъ всѣхъ исторій, послѣ французской. Только въ послѣднее время шведы успокоились и сопричислились къ лику „счастливыхъ народовъ“, признакомъ которыхъ, по словамъ Монтескье, служитъ то, что у нихъ нѣтъ исторіи. Бессемеръ, Эриксонъ, Норденшельдъ и друг. указываютъ, однако, что знаменитыми людьми страна отъ этого не оскудѣла.

Улицы вымощены въ Стокгольмѣ отлично, гранитомъ; по нимъ ходятъ конно-желѣзныя дороги, которымъ удается, вѣроятно, захватить иногда пассажира, потому что въ нормальное время, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, на

улицахъ пустота и тишина; кромѣ того, множество маленькихъ пароходовъ на каждомъ шагу—такъ какъ городъ пересѣкается въ разныхъ направленіяхъ морскими каналами — къ услугамъ желающихъ передвигаться. Имѣются также и извозчики, по таксѣ. Кромѣ названія улицъ и площадей, названій, звучащихъ для нашего уха подчасъ довольно дико, каждый кварталъ домовъ имѣетъ еще особую кличку, хотя и безъ того заблудиться очень трудно въ городѣ, распланированномъ совершенно правильно. Число новыхъ большихъ зданій очень значительно. Недавно окончены великолѣпная консерваторія, публичная библіотека, національный музей, почтамтъ, желѣзнодорожная станція и пр.

Публичная библіотека занимаетъ новое зданіе въ паркѣ, которое стоило 60 тысячъ рублей, а у насъ обошлось бы впятеро, и замѣчательна тѣмъ, что содержитъ самую большую книгу въ свѣтѣ: „Gigas librarum“. Она состоитъ изъ 300 ослиныхъ шкуръ, на которыхъ бенедиктинскіе монахи писали пятьсотъ лѣтъ! Книга украшается громаднѣйшимъ портретомъ діавола, конечно, не съ фотографіи. Еще интереснѣе National Museum, громадное зданіе въ стилѣ Возрожденія на набережной, содержащее самыя разнообразныя коллекціи, между которыми, однако, наиболѣе любопытны коллекціи, относящіяся къ шведской исторіи. Петербургу давно пора устроить у себя что-либо подобное.

Цѣлая зала, весьма поучительная, содержитъ предметы, принадлежавшіе разнымъ знаменитостямъ. Тутъ и чучело лошади, на которой Густавъ Адольфъ былъ убитъ подъ Люценомъ, и часы Христины, и скрипка Бельмана, и дипломъ Линнея, и реторты Берцеліуса, и мно-

жество другихъ вещей; не мало пустяковъ, но они рисуютъ взглядъ и отношенія народа. Любимый герой шведовъ Карлъ XII является со своими нечищенными сапожищами и въ съѣденной молью татарской шапкѣ, которую король носилъ въ Бендерахъ. Другая шляпа съ дыркой на лбу снята была съ короля, когда онъ палъ, сраженный пулей въ траншеѣ подъ Фредерикгальдомъ. Затѣмъ идетъ Густавъ III, такъ удачно прозванный Екатериною „фуфлыгою горе-богатыремъ". Театръ, гдѣ покончилъ дни свои отъ руки заговорщика этотъ легкомысленнѣйшій монархъ, существуетъ до сихъ поръ. Судя по коллекціи одѣяній, видно, Густавъ III былъ изъ всѣхъ королей франтъ; особенно роскошенъ нарядъ, въ которомъ онъ представлялся Екатеринѣ II въ 1777 году, въ Царскомъ селѣ. Рядъ его костюмовъ заключается разорваннымъ и окровавленнымъ чернымъ шелковымъ домино. Въ немъ былъ король, когда въ разгаръ масляничнаго карнавала пистолетъ Анкарштрема прекратилъ бурное существованіе фуфлыги.

Замѣчательна, какъ я сказалъ, популярность Карла XII и Густава III. Карлъ импонировалъ военной славою, Густавъ — блескомъ своихъ праздниковъ, роскошью построекъ, мотовствомъ. Народъ не сознавалъ, что затѣи того и другаго ему достаются кровавымъ потомъ. Наоборотъ, наименѣе популярности досталось Карлу XI, самому полезному изъ всѣхъ шведскихъ монарховъ, который создалъ армію, военный флотъ, заплатилъ государственный долгъ, уничтожилъ казнокрадство, издалъ сводъ законовъ, завелъ фабрики, и самое важное—подорвалъ значеніе аристократіи; онъ боролся даже успѣшно съ остзейскими помѣщиками, а всѣмъ извѣстно, какъ

Гос. Истор...
Н...
№

это не легко. Точно также непопулярна королева Христина—одна изъ умнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ женщинъ своего времени, хотя и окончившая жизнь нѣсколько недостойно своихъ талантовъ, соскучившись по коронѣ, отъ которой сама же добровольно отказалась въ минуту женскаго каприза.

Христина первая ознакомила шведовъ съ изящными искусствами, собравъ коллекціи и пригласивъ иностранныхъ художниковъ. Національный музей даетъ теперь понятіе, какіе плоды принесла эта заботливость. За исключеніемъ нѣсколькихъ второстепенныхъ картинъ Рафаеля, Тиціана, Корреджіо, Рубенса, Кранаха, недурныхъ—Буше, Ванло и Іорденса и древнихъ статуй, между которыми извѣстенъ Эндиміонъ, открытый въ виллѣ Адріана и купленный Густавомъ III за 2,000 золотыхъ, стокгольмскій музей содержитъ образчики преимущественно національнаго искусства. Шведская скульптура, которая вообще выше шведской живописи, не имѣетъ, къ сожалѣнію, ничего самобытнаго. Лучшіе шведскіе скульпторы Сергель и Фогелбергъ, несмотря на сюжеты, чистѣйшіе итальянцы. Они реальны въ томъ же смыслѣ, какъ Канова. Сергель отличается тонкостью отдѣлки, какъ бы облизанностью своихъ многочисленныхъ статуй. Намъ понравилась болѣе вакханка Молина, котораго бронзовая группа борцевъ довольно извѣстна въ копіяхъ. Шведы гордятся еще статуями Гёте и Биштрема. Изъ новыхъ недуренъ въ музеѣ мальчикъ съ ракомъ Борьесона.

Живописцы также не образовали своей школы, хотя число ихъ въ Швеціи не малое. Знаменитѣйшій по части декоративной живописи Эренштраль манерою на-

поминаетъ старую французскую школу. Въ музеѣ его картины не важны, но шведскіе критики цѣнятъ плафоны въ дворянскомъ собраніи (Riddarhuset) и особенно „Страшный судъ“ въ Storkyrkan—стокгольмскомъ соборѣ. Нѣкоторыя картины музея очень плохи, напр. тѣла Ольсона Бломера—мертвыя, по водѣ Веренъ Кронберга можно ѣздить верхомъ, смерть Густава Адольфа, Вальбона—совершенная каррикатура; но нѣсколько полотенъ недурны: старыхъ живописцевъ Пино—видъ Венеціи, Рослина—портретъ Густава III, Вертмюллера—Марія-Антуанета и покинутая Аріадна, жанры Линдегрена и Норденберга; изъ новыхъ живописцевъ выдаются Тидемана—Религіозный фанатикъ, Кютле—Церковный совѣтъ, пейзажи Ландштрема и др. Современные живописцы въ Швеціи, какъ и у насъ, съ особою любовью занимаются жанромъ и пейзажемъ. Это самое благоразумное направленіе, потому что сѣренькое небо и скудное освѣщеніе никогда не дастъ шведамъ колорита, необходимаго для академической декоративной живописи. Я еще буду имѣть случай сказать нѣсколько словъ объ условіяхъ скандинавскаго искусства, когда коснусь музея Торвальдсена въ Копенгагенѣ.

Отъ искусствъ, золотымъ вѣкомъ которыхъ въ Швеціи считается царствованіе Густава III, переходъ къ торговлѣ покажется вездѣ страннымъ, но не въ Стокгольмѣ, гдѣ чрезвычайно прихотливо перемежаются дворцы, матросскія слободки, парки, а корабли и пароходы попадаются на каждомъ поворотѣ улицы. Нѣсколько свѣдѣній объ экономическомъ положеніи Стокгольма сообщилъ мнѣ нашъ генеральный консулъ, г. Молеріусъ, весьма любезный и почтенный человѣкъ, болѣе

тридцати лѣтъ живущій въ Швеціи и знающій страну и ея языкъ превосходно.

Въ моментъ моего пребыванія Швеція испытывала на себѣ экономическій кризисъ, тяготѣвшій еще съ 1873 г. надъ всею Западною Европою. Такъ какъ Швеція торгуетъ главнымъ образомъ съ Англіей, то застой въ торговлѣ послѣдней отражался и на шведской торговлѣ; вообще потери, понесенныя шведами въ заграничной торговлѣ, для нея очень чувствительны. Существуетъ, однако, отрасль торговли, гдѣ и теперь можно наживать деньги и даже большія—это лѣсная торговля.

Съ лѣсомъ въ Швеціи спекулируютъ такъ же, какъ у насъ въ Одессѣ съ пшеницею, а въ Петербургѣ съ саломъ. Два простые норвежца Сьерсонъ и Асмусъ нажили въ послѣднее время на лѣсѣ въ какіе нибудь двѣнадцать лѣтъ по 6 милліоновъ кронъ и сдѣлались одними изъ богатѣйшихъ людей въ Стокгольмѣ. Состояніе Диксона, извѣстнаго снарядителя экспедицій Норденшельда по новому морскому пути въ западную Сибирь, тоже нажито на лѣсѣ.

Замѣчателенъ при этомъ фактъ постепеннаго захвата торговли евреями,—и ихъ не миновалъ скандинавскій сѣверъ! Шведы, впрочемъ, всегда торговали довольно пассивно, такъ какъ разсчетливый и аккуратный шведъ желаетъ взять навѣрное и избѣгаетъ спекуляціи. До еврейской монополіи внѣшняя торговля Швеціи главнымъ образомъ была въ рукахъ ганзейцевъ, особенно любчанъ. Распложенію евреевъ, которые выстроили себѣ въ Стокгольмѣ красивую синагогу, содѣйствуетъ и то обстоятельство, что шведъ любитъ жить широко и впередъ. Кромѣ синагоги евреи озаботились устройствомъ

и другихъ своихъ храмовъ — банковъ; послѣднихъ въ Швеціи очень много: едва ли не 18 банковъ имѣютъ право выпускать бумажки въ обращеніе, въ томъ числѣ даже банкъ въ Гапарандѣ, гдѣ кромѣ морошки, сѣверныхъ оленей и лопарей ничего, кажется, нѣтъ. Не смотря на изобиліе банковъ, всѣ жалуются на недостатокъ денегъ. Свобода циркуляціи дѣлаетъ то, что въ обращеніи нѣтъ ни крупной монеты, ни казенныхъ билетовъ, а исключительно билеты частныхъ банковъ.

Другая жалоба въ Швеціи на медленность судопроизводства. Въ то время, когда ея администрація преобразована и отличается отъ Европы развѣ нѣкоторымъ излишествомъ коллегіальныхъ учрежденій и тѣмъ, что участь чиновниковъ гарантирована различными способами отъ произвола начальства, судебная часть находится еще въ Швеціи въ такомъ положеніи, въ какомъ оставило ее XVIII столѣтіе. Судопроизводство медленно и чуждается состязательнаго процесса. Въ Швеціи до сихъ поръ нѣтъ сословія адвокатовъ, а существующіе ходатаи по дѣламъ носятъ въ народѣ ироническое прозвище „винныхъ адвокатовъ“.

Къ вечеру Стокгольмъ окончательно пустѣетъ, пароходики увозятъ публику по загороднымъ гуляньямъ. Этихъ гуляній не мало, потому что шведъ любитъ зелень и чистый воздухъ. Изо всѣхъ гуляній наиболѣе славится Дъюргарденъ или по нашему „звѣринецъ“, хотя звѣрей уже въ этомъ паркѣ болѣе нѣтъ. Шведы находятъ, что ни одна столица Европы не имѣетъ такого загороднаго гулянья. Пожалуй они и правы. Булонскій лѣсъ и Пратеръ игрушки сравнительно съ дикою природою Дьюргардена, хотя, конечно, для пріѣзжаго мѣстный

энтузіазмъ всегда кажется нѣсколько преувеличеннымъ. Правда, шведы рекомендуютъ изучать Дьюргарденъ годами, чтобы понять всѣ прелести его камней и толстыхъ деревьевъ. Я замѣтилъ, впрочемъ, что число любителей чистой природы очень мало, большинство публики толпится у въѣзда въ паркъ, гдѣ устроенъ рядъ кафе-шантановъ, пивныхъ и другихъ увеселительныхъ заведеній. Особымъ предпочтеніемъ изъ этихъ учрежденій пользуется Гассельбакенъ, гдѣ за дешевую цѣну можно познать всѣ прелести шведской кухни.

Въ Дьюргарденѣ также есть свой памятникъ и одинъ изъ популярнѣйшихъ въ Стокгольмѣ — шведскому Беранже и Альфреду de Мюссе Белману. Белманъ былъ bon-vivant, импровизировавшій съ гитарою за стаканомъ вина и въ кругу женщинъ стишки анакреонтическаго содержанія. Шведы не могутъ говорить объ этихъ стихахъ безъ восторга, но прелесть ихъ для иностранца непонятна. Въ этомъ случаѣ мнѣ всегда припоминается разсказъ Даля, какъ грекъ плакалъ надъ стихами, которые „по-русски ницево не знацатъ, а погрецески оцень цувствительны...“ Такова и поэзія Белмана. Шведы, однако, на стѣны отъ нея лѣзутъ и ежегодно на памятникѣ поэта происходитъ эффектное народное торжество. Эти манифестаціи начались при участіи королевской фамиліи еще съ 1826 года и удивили болѣе всѣхъ вдову Белмана.

— Если бы вы знали, ваше величество, какой онъ былъ несносный у себя дома, наивно сказала старушка королевѣ.

Белманъ поэтъ вина и дешевой любви, хотя и съ меланхолическимъ оттѣнкомъ. Шведы считаютъ въ своей

литературѣ и нѣсколько высоконравственныхъ знаменитостей. Тегнеръ, Кельгренъ и др. переводились и у насъ, но русская публика никакъ не могла оцѣнить прелести писателей, къ стихамъ которыхъ требуется черезъ каждые двѣ строки ученое примѣчаніе въ десять строкъ, и въ концѣ концовъ поэзія испаряется, а остается сумбуръ изъ скандинавской миѳологіи. Теперь, повидимому, изящная литература въ Швеціи въ застоѣ или упадкѣ. Хотя иногда переводятъ на другіе языки романы шведскихъ романистокъ—эту квинтъ-эссенцію скуки, которую я съ ужасомъ вспоминаю отъ временъ дѣтства, но книжные магазины въ самой Швеціи завалены исключительно переводами съ французскаго, особенно романовъ. Научная литература представляетъ, кажется, болѣе новостей, особенно по естественнымъ наукамъ.

II.

Маневры шведской арміи. — Шведская военная организація. — Крестьяне въ Швеціи. — Политическія партіи. — Положеніе періодической печати. — Королевскій дворецъ въ Стокгольмѣ. — Дворянское собраніе и церковь Рыцарскаго острова. — Прахъ Карла XII. — Политическія отношенія Швеціи къ Россіи.

Въ Стокгольмѣ меня поразило совершенное отсутствіе военныхъ на улицахъ. Это зависѣло отъ того, что вся небольшая дѣйствующая шведская армія, вмѣстѣ съ частью резервовъ, находилась на маневрахъ, гдѣ былъ и король, котораго обыкновенно можно встрѣтить на загородныхъ гуляньяхъ, какъ совершенно частнаго человѣка. Изъ Россіи на эти маневры, гдѣ сосредоточилось 11,000 человѣкъ войска, былъ присланъ начальникъ николаевскаго училища, г. Бильдерлингъ. Не знаю, какое впечатлѣніе вынесъ онъ, но образованная часть шведскаго общества недовольна положеніемъ своей арміи и требуетъ реформы, которая встрѣчаетъ, однако, непреодолимое препятствіе въ палатѣ, вслѣдствіе группировки шведскихъ политическихъ партій.

Шведская армія въ общихъ чертахъ сохранила устрой-

ство, данное ей еще Карломъ XI, слишкомъ два вѣка тому назадъ. Число постоянныхъ войскъ въ Швеціи ничтожно, около 6,000, и то почти исключительно артиллеріи, кавалеріи и саперъ; войска эти пополняются вербовкою. Затѣмъ главная часть арміи, особенно пѣхота, пополняется такъ-называемыми военно-поселенцами (indelta). Съ этою цѣлью извѣстная часть казенныхъ и бывшихъ церковныхъ земель была распредѣлена по участкамъ, съ обязательствомъ собственникамъ и арендаторамъ земель давать государству, за жалованье отъ казны, опредѣленное число пѣхотинцевъ, кавалеристовъ и матросовъ, а въ мирное время снабжать тѣхъ же лицъ усадьбой, клочкомъ земли, коровой, топливомъ, или же содержаніемъ деньгами и натурой. Сверхъ того, отъ хозяина полагается каждому солдату обмундированіе и вооруженіе утвержденнаго правительствомъ образца, а кавалеристу, кромѣ того, и лошадь; семейство военно-поселенцевъ всегда обезпечивается тѣми же землями. Это устройство, напоминающее нѣсколько нашихъ казаковъ, давало въ прежнее время Швеціи возможность имѣть безъ большихъ расходовъ храбрую армію; солдатъ дрался сознательно, защищая свою жену и свою собственную корову. Но въ настоящее время индельта какъ по численности—она даетъ 30,000 солдатъ—такъ и по военному образованію—военно-поселенцы обучаются лишь одинъ мѣсяцъ, хотя могутъ быть созываемы и на четыре мѣсяца—не удовлетворяетъ условіямъ современнаго военнаго устройства. Существуетъ еще ополченіе, пополняемое всесословною повинностью молодыхъ людей отъ 20 до 25 лѣтняго возраста, но ополченцы обучаются только по двѣ недѣли въ теченіи двухъ лѣтъ.

Мы ничего не говоримъ о милиціи острова Готланда, потому что правительство не имѣетъ права употреблять ее внѣ острова, и о „вольныхъ стрѣлкахъ“, которые напоминаютъ своею организаціею англійскихъ „волонтеровъ“ и не представляютъ серьезной боевой силы.

Правительство желаетъ теперь уничтожить индельту и, для образованія болѣе удовлетворительнаго и лучше обученаго для потребностей военнаго времени резерва, ввести прусскую систему, повсемѣстно принятую, кромѣ Англіи, но она встрѣчаетъ упорное сопротивленіе въ риксдагѣ. Уже три проекта правительства были отклонены нижней палатой, а послѣдняя имѣетъ въ Швеціи рѣшительное преимущество въ законодательствѣ, потому что, въ случаѣ разногласія между палатами, онѣ соединяются въ общее собраніе и, очевидно, при подачѣ голосовъ нижняя палата своею численностью беретъ всегда верхъ. Въ этой же послѣдней палатѣ преобладаютъ крестьяне—народъ въ Швеціи крайне разсчетливый, даже скупой, который и слышать не хочетъ объ увеличеніи военнаго бюджета. Значительная масса крестьянъ заинтересована къ тому же матеріально въ сохраненіи военно-поселенной системы и согласна на ея уничтоженіе только при условіи безвозмездной уступки въ полную собственность казенныхъ земель и угодій, находящихся теперь какъ бы во временномъ пользованіи, но это опять несогласно съ видами правительства. Надобно еще замѣтить, что всѣ офицеры индельты чиномъ выше поручика, а также часть унтеръ-офицеровъ владѣютъ участками земли (bostel) въ натурѣ, а эти земли, хотя и различнаго достоинства, даютъ среднимъ числомъ не менѣе 25% болѣе того, что полагается офицерамъ жалованья

по штату. Поэтому и военные, кромѣ выдающихся по образованію личностей, не очень-то склонны къ преобразованію.

Группировка шведскихъ партій заслуживаетъ особаго вниманія. Какъ извѣстно, въ Швеціи конституція существуетъ очень давно и она только нарушалась, но не отмѣнялась абсолютными монархами въ родѣ Карла XII и Густава III. По этой конституціи, весьма схожей съ существующей до сихъ поръ въ Финляндіи, государственные чины раздѣлялись на четыре сословія. Такъ какъ каждый старшій въ родѣ дворянинъ засѣдалъ лично, а прочія сословія избирали депутатовъ, то понятно, что дворянское сословіе преобладало на сеймѣ. Затѣмъ всѣ либеральныя профессіи, пополнявшіяся преимущественно дѣтьми крестьянъ, не имѣли вовсе представителей. Такой порядокъ привелъ къ реформѣ 1865 года, когда была введена англійская система двухъ палатъ. Этотъ законъ былъ принятъ послѣ упорнаго сопротивленія, благодаря только личному вліянію короля Карла XV, избравшаго своимъ девизомъ: „Государство должно стоять на законѣ“. Шведскіе короли, по старому обычаю, обыкновенно избираютъ себѣ девизы во время коронаціи.

Такъ какъ высшая палата, имѣющая почти такой же объемъ власти, какъ и нижняя, пополняется по новому закону депутатами, избираемыми на десять лѣтъ земскими и городскими собраніями, то произошло совершенное перемѣщеніе политической силы. Дворянство потеряло большую часть своего значенія и образовало юнкерскую или придворную партію. Она имѣетъ, впрочемъ, въ числѣ своихъ представителей лучшихъ ораторовъ палаты, а именно графа Платена и графа Шпарре.

Часть дворянъ съ демократическимъ оттѣнкомъ перешла на сторону крестьянъ, такъ, графъ Поссе считается однимъ изъ талантливѣйшихъ ораторовъ крестьянской партіи. Горожане и духовенство утратили прежнее значеніе и это было причиною, что въ 1870 году удалось, наконецъ, отмѣнить законъ, по которому только лютеранинъ аугсбургскаго исповѣданія могъ быть въ Швеціи членомъ палаты, избирателемъ и вообще занимать какую-либо должность. По новой конституціи, половина членовъ государственнаго совѣта, т. е. министровъ, должна быть непремѣнно не дворянскаго происхожденія. Такимъ образомъ верхняя и нижняя палаты и министерство фактически нынѣ въ рукахъ крестьянъ.

Торжество крестьянъ не должно быть нисколько удивительнымъ. Въ Швеціи крестьяне всегда играли важную роль, а дворянство было искусственно создано и поощряемо королевскою властью. Рабства и крѣпостнаго права въ Швеціи не существовало и крестьянство составляло сословіе не только свободное, но и относившееся постоянно съ недовѣріемъ и нѣкоторою завистью къ высшимъ классамъ. Дворянское сословіе образовалось въ Швеціи не ранѣе XIV столѣтія, и притомъ какъ чисто служилый элементъ. Лишь король Іоаннъ III въ концѣ XVI столѣтія не только сдѣлалъ дворянство наслѣдственнымъ, но и дозволилъ носить дворянскіе титулы тѣмъ даже, у кого не было земли. Абсолютизмъ Карла XI и Карла XII понизилъ на время значеніе дворянства, но по смерти Карла XII оно забрало всю власть въ свои руки. „Секретный комитетъ“, избиравшійся сеймомъ, былъ единственною властью, передъ которою пассовала даже королевская власть. Это продолжалось до извѣстнаго

coup d'Etat Густава III, когда вновь, до паденія короля Густава IV, возобновили абсолютизмъ, пользовавшійся высшимъ сословіемъ только какъ декораціей. Всѣ эти перевороты происходили въ верхнихъ слояхъ общества, а масса сельскаго населенія оставалась въ прежнемъ положеніи и продолжала пользоваться извѣстною долею самоуправленія. Въ ней лежало ядро шведской національности и она своимъ осмысленнымъ консерватизмомъ спасала государство въ критическія минуты, которыхъ Швеція пережила не мало въ теченіи своей бурной и кровавой исторіи.

Такую же политическую роль крестьяне теперь играютъ и въ Даніи, и въ Норвегіи. Послѣдняя совершенно осуществляетъ собою идеалъ „мужицкаго царства". Съ тѣхъ поръ, когда депутаты норвежскихъ крестьянъ по собственной иниціативѣ собрались въ Эйдевольдѣ, при извѣстіи, что ихъ отечество тайнымъ соглашеніемъ Россіи со шведскимъ наслѣднымъ принцемъ оторвано отъ Даніи, и вотировали себѣ либеральнѣйшую конституцію, которую имѣлъ достаточно такта принять Бернадоттъ, Норвегія управляется крестьянами и управляется—замѣтимъ—отлично. Нищая при отдѣленіи отъ Даніи, она уже давно не имѣетъ прямыхъ налоговъ и богатѣетъ постоянно.

Шведы поругиваютъ норвежцевъ и норвежскіе порядки. Они, дѣйствительно, не совсѣмъ пріятны для шведскаго монарха. Когда онъ вноситъ предложеніе въ норвежскій стортингъ, то двери палаты отворяются настежь, членъ государственнаго совѣта въ полномъ мундирѣ несетъ королевское посланіе въ сопровожденіи шести членовъ палаты; палата встаетъ съ мѣста и молча вы-

слушиваетъ чтеніе; затѣмъ посланникъ съ такою же церемоніей удаляется, дверь затворяется и... стортингъ безъ разговоровъ отвергаетъ королевское посланіе. Если стортингъ два раза вотировалъ безъ измѣненія законъ и король наложилъ veto, то при третьемъ голосованіи палата „умоляетъ“ (это оффиціальный терминъ) короля принять законъ, если же король опять кладетъ veto, то законъ самъ собою входитъ въ силу. Мало того, конституція не даетъ королю права заключать трактаты и объявлять войну, и требуетъ, чтобы король, liste-civile котораго не превосходитъ 150,000 р. въ годъ, непремѣнно жилъ въ Норвегіи два мѣсяца въ году, причемъ строго воспрещаетъ кому-либо изъ шведовъ сопровождать короля. Неудивительно, что послѣдній на свое періодическое пребываніе въ Норвегіи смотритъ, какъ на родъ почетной ссылки. Въ остальное время король сносится съ норвежскимъ правительствомъ при помощи особаго министра, проживающаго въ Стокгольмѣ. Нашъ статсъ-секретаріатъ по финляндскимъ дѣламъ составляетъ копію этого послѣдняго учрежденія.

Не смотря на вполнѣ демократическій составъ норвежскаго представительства, оно отличается чрезвычайнымъ уваженіемъ къ печатному слову. Разсказываютъ, что стортингъ прекратилъ однажды обсужденіе какого-то важнаго закона, ибо появилась интересная статья въ газетѣ, обѣщавшая продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ! Въ Швеціи также уваженіе къ печати чрезвычайное, что тѣмъ удивительнѣе, что почти всѣ газеты опозиціонныя. Для охраненія свободы печати шведскій сеймъ, на основаніи закона, изданнаго еще въ 1812 году, избираетъ постоянную „коммисію свободы печати“ изъ шести

членовъ, засѣдающую подъ предсѣдательствомъ прокурора (justitie ombudsman), назначаемаго сеймомъ для наблюденія за ходомъ правосудія и администраціи.

Печать въ Швеціи совершенно свободна. Законъ дозволяетъ публиковать что угодно, не нарушая, однако, внутренняго спокойствія и внѣшней безопасности государства. Онъ предписываетъ также уваженіе къ Богу, къ королевской фамиліи, къ репутаціи частныхъ лицъ и къ нравственности. Проступки печати судятся присяжными, причемъ составъ послѣднихъ опредѣляется слѣдующимъ оригинальнымъ способомъ: трое присяжныхъ выбираются подсудимымъ, трое обвинителемъ и трое судомъ. Для обвинительнаго приговора по дѣламъ печати необходимо большинство двухъ третей голосовъ.

Хотя и пользуясь совершенною свободою, шведская печать по условіямъ экономическимъ не могла создать органовъ, которые въ состояніи сравниться разнообразіемъ съ газетами первоклассныхъ европейскихъ державъ. Наилучшіе шведскіе органы выходятъ, впрочемъ, въ объемѣ большаго газетнаго листа, содержатъ по нѣсколько передовыхъ статей и фельетоны лучшихъ туземныхъ романистовъ. Свѣдѣніями о Россіи всѣ шведскія газеты очень бѣдны, но за то Финляндіи, равно какъ и другимъ скандинавскимъ землямъ, отведено весьма почетное мѣсто. Изобиліе объявленій показываетъ, что газета вошла въ народную потребность въ Швеціи; оно одно позволяетъ покрывать расходы изданій, которыя не могли бы существовать при незначительномъ тиражѣ каждой газеты отдѣльно.

У шведовъ есть черта нѣсколько сходная съ нашею— это восхищеніе всѣмъ иностраннымъ и дениграція сво-

его собственнаго. Когда я изъявилъ желаніе осмотрѣть королевскій дворецъ, то мнѣ съ разныхъ сторонъ замѣтили:

— Стоитъ ли того. Послѣ разныхъ дворцовъ въ Европѣ, нашъ долженъ произвесть весьма ничтожное впечатлѣніе.

Я не послушался и остался осмотромъ этого величественнаго зданія очень доволенъ. Чтобы пройдти изъ Grand-Hôtel во дворецъ, надобно оставить въ сторонѣ площадь Густава-Адольфа, на которой стоитъ неважный памятникъ этого короля—работы француза Ларшевека, и нѣсколько красивыхъ зданій, между прочимъ оперный театръ, гдѣ былъ убитъ Густавъ III. Хотя Европа обязана Швеціи Дженни Линдъ и Нильсенъ, но сама шведская столица обречена слушать такихъ соловьевъ, что затыкай только уши. Впрочемъ, хоровое пѣніе отличается въ Швеціи и пальма первенства принадлежитъ тутъ студентамъ. Эта молодежь — по большей части дѣти крестьянъ—не стѣсняются образовать кружки и пѣть въ разныхъ городахъ за деньги. Корни ученія всюду горьки и пѣть для молодаго человѣка все-таки лучше, нежели чистить чужіе сапоги—чѣмъ обыкновенно занимаются небогатые испанскіе студенты для прокормленія.

Студентское сословіе популярно вообще въ Швеціи и студенты съ гордостью носятъ свои шапочки. Этому движенію содѣйствуетъ и то обстоятельство, что всѣ дѣти короля Оскара I, въ томъ числѣ и нынѣшній король, окончили вполнѣ серьезно курсъ въ упсальскомъ университетѣ.

Отъ площади къ дворцу ведетъ широкій мостъ Norrbro, перекинутый черезъ порожистый каналъ, соеди-

няющій озеро Меларъ съ Балтійскимъ моремъ. По правую сторону этого широкаго моста устроены лавки, преимущественно книжныя и эстампныя, а по лѣвую— скверъ съ неизбѣжнымъ кафе, гдѣ можно получать менѣе духовную пищу. Дворецъ, построенный изъ гранита, тяжелъ на видъ, но производитъ впечатлѣніе внушительное. Строилъ его въ первой половинѣ XVIII столѣтія графъ Тессинъ, извѣстный государственный человѣкъ прошлаго столѣтія, другъ Франціи и врагъ Россіи; его не нужно смѣшивать съ Никодимомъ Тессиномъ, считаемымъ шведами ихъ величайшимъ архитекторомъ. Нѣкоторыя пристройки къ дворцу сдѣланы, впрочемъ, позднѣе; таковъ, напримѣръ, монументальный подъѣздъ со стороны Сѣвернаго моста, украшенный бронзовыми львами; онъ построенъ въ 1830 годахъ. Эти пристройки, а равно флигеля въ итальянскомъ вкусѣ, не могли уничтожить излишней массивности сооруженія, спасаемаго только красивымъ мѣстоположеніемъ на островѣ.

Лучшій и наиболѣе пропорціональный видъ имѣетъ королевскій дворецъ съ южной стороны, съ площади Slottsbacken. На этой сторонѣ находится главная зала дворца, гдѣ король открываетъ и закрываетъ сеймы. Эта хваленая зала отдѣлана драпировкою изъ довольно грубаго синяго сукна съ желтыми каймами (національные шведскіе цвѣта). Такимъ же сукномъ покрыты деревянныя скамьи для депутатовъ. Около трона стоятъ колоссальныя мраморныя статуи Густава Адольфа и Карла XIV Іоанна, т. е. Бернадотта. Но самаго трона нѣтъ. Онъ обыкновенно запертъ въ чуланѣ, хотя и показывается охотно публикѣ. Это — знаменитый тронъ, око-

ванный серебромъ, который Магнусъ де-Лагарди подарилъ королевѣ Христинѣ. Тутъ же хранятся скипетры; король выбираетъ одинъ изъ нихъ по произволу, хотя времена, когда Швеціей можно было командовать по мановенію болѣе или менѣе длиннаго жезла, давно прошли.

Неподалеку отъ сеймовой залы находится зала совѣта министровъ, собирающагося подъ предсѣдательствомъ короля. Зала—комната, обитая недорогими обоями. Столъ съ зеленымъ сукномъ обставленъ креслами съ потертыми кожаными сидѣньями; другой такой же столъ заваленъ печатными стенографическими отчетами сеймовыхъ преній и докладами парламентскихъ коммисій. Эти потертые стулья и этотъ тронъ въ чуланѣ хорошо опредѣляютъ современное значеніе королевской власти въ Швеціи. Самый сеймъ собирается ежегодно 15-го января собственною властью, безъ всякаго приглашенія и не можетъ быть распущенъ ранѣе, какъ черезъ четыре мѣсяца по его собраніи.

Король живетъ во дворцѣ совершенно богатымъ буржуа. Комнаты его, отдѣланныя еще Карломъ XV со вкусомъ, не превосходятъ роскошью помѣщеній многихъ богатыхъ людей. Коллекціи оружія, рѣдкостей, восточныхъ вещей украшаютъ различныя комнаты. Тутъ есть и картинка, рисованная Карломъ XII, когда ему было шесть лѣтъ, и ножикъ Линнея, и маршальскій жезлъ Бернадотта, и бокалъ барона Герца, знаменитаго финансиста и дипломата временъ Карла XII, которому аристократія отрѣзала голову, и сабля Клебера, и персидскія вещи, подаренныя императоромъ Александромъ I, и блюдо, поднесенное Москвою во время посѣщенія ны-

нѣшняго короля Оскара II въ 1873 году. Въ томъ же буржуазномъ стилѣ отдѣланы комнаты королевы. Одна изъ залъ здѣсь вся зеркальная и служитъ для танцевъ на рѣдкихъ придворныхъ балахъ.

Внутренніе покои занимаютъ, впрочемъ, небольшую часть дворца, остальная составляетъ родъ музея, сохраняя отдѣлку, современную тому государю, который въ ней жилъ. Доступъ въ эти помѣщенія очень простъ: служитель или какая нибудь старушка показываетъ комнаты безъ длинныхъ церемоній. Когда увидѣли, что я даю на водку по двугривенному, то начали усердно таскать меня по всѣмъ аппартаментамъ, такъ что завели даже въ комнаты принцессы Евгеніи, уже ровно ничѣмъ не интересныя, и я вынужденъ былъ сбавить подачку на гривенникъ, дабы прекратить дальнѣйшее хожденіе по 583 комнатамъ дворца.

Истиннымъ царемъ жилъ только Густавъ III. Его комнаты напоминаютъ Версаль. Большія залы отдѣланы съ большимъ вкусомъ знаменитыми французскими художниками, въ особенности живописью Тараваля и Жакъ Фуке и ваяніями Лапорта, Бернаръ Фуке, Анріонона и Шово. Богаче всѣхъ такъ называемая „Большая галлерея“. Фрески, рѣзная и лѣпная работа очень любопытны для любителей XVIII вѣка. Также роскошна Красная зала, бывшая спальнею Густава III. Главнымъ украшеніемъ этой комнаты служатъ прелестныя картины Ванло: Зефиръ и Флора, изъ лучшихъ произведеній этого элегантнѣйшаго живописца, совершенно достойнаго, чтобы украшать альковъ такого галантнаго короля. Замѣчательно, что въ то время, когда Густавъ обращался во Францію за артистами для своего оби-

хода, шведскіе художники нашли себѣ тамъ пріютъ, а портретисты Вертмюллеръ и Рослинъ и миніатюристъ Галлъ имѣли даже такой успѣхъ, что французы не стѣсняются включать ихъ въ число своихъ собственныхъ національныхъ живописцевъ.

Послѣ роскоши комнатъ Густава III аппартаменты короля Карла XIII въ псевдо-античномъ стилѣ первой имперіи производятъ очень мизерное впечатлѣніе; тутъ есть, впрочемъ, недурные гобелены, подаренные королю Екатериною II. Одна изъ залъ замѣчательна тѣмъ, что въ ней 13 марта 1809 года собрались, подъ предсѣдательствомъ Адлеркрейца и Адлершпарре, заговорщики, свергнувшіе съ престола Густава IV. Вазы все-таки сохраняли традиціи величія. Образцомъ скромности и безвкусія можетъ служить половина покойнаго короля Оскара I. Внукъ безвѣстнаго адвоката не хотѣлъ окружать себя роскошью разбогатѣвшаго parvenu; правда, во всей Европѣ время было убійственное по части изящнаго вкуса, когда отдѣлывалась эта часть дворца.

Королевскій дворецъ лежитъ на островѣ Riddareholmen, который заключаетъ наиболѣе драгоцѣнные предметы въ глазахъ шведскаго патріота. Тутъ и статуя Биргеръ-Ярла—основателя Стокгольма, и обелискъ, воздвигнутый Густавомъ IV гражданамъ столицы за ихъ преданность во время несчастной войны съ Россіей 1788—1790 годовъ, и замѣчательный памятникъ виновника этой войны Густава III—работы Сергеля, и соборъ, и дворянское собраніе и множество другихъ зданій. Даже образцовая тюрьма одиночнаго заключенія, оконченная въ 1852 году, пріютилась тутъ же. На площади Stortorget, противъ биржи, происходили въ 1520 году знаменитыя

„кровавыя бани“, гдѣ въ крови эшафота началась заря шведской свободы и независимости. Здѣсь кровожадный король датскій Христіанъ II, подъ предлогомъ папскаго проклятія, отрубилъ головы девяносто шести именитѣйшимъ стокгольмскимъ гражданамъ, надѣясь тѣмъ лишить, въ буквальномъ смыслѣ слова, оппозицію ея головы и головъ. Но эта жестокость, сопровождавшаяся подобными же казнями и въ провинціяхъ, особенно въ Финляндіи, въ результатѣ привела къ разрыву кальмарской уніи, прекращенію датскаго владычества и къ уничтоженію въ Швеціи католицизма. Шведы до сихъ поръ говорятъ о „кровавыхъ баняхъ“ съ азартомъ, какъ будто бы эти событія происходили вчера, между тѣмъ эшафотъ до нынѣшняго столѣтія игралъ чрезвычайно важную роль въ перипетіяхъ шведской исторіи. Такое противорѣчіе, впрочемъ, легко объяснить. Въ памяти народа всегда оставляетъ сильное впечатлѣніе не жестокость, а вопіющая несправедливость.

Изъ многочисленныхъ зданій Рыцарскаго острова, мною осмотрѣнныхъ, упомяну о двухъ наиболѣе примѣчательныхъ: Дворянскомъ собраніи и Рыцарской церкви.

Дворянское собраніе, Riddarhuset, довольно оригинальное кирпичное зданіе конца XVII столѣтія. Оно представляетъ длинный четырехугольникъ, по карнизамъ идутъ замысловатыя надписи по-латыни, а на фронтонѣ историческія изображенія. Въ настоящее время это скорѣе дворянскій клубъ. Хотя до сихъ поръ дворянское сословіе сохранило кое-какія привиллегіи, въ сужденіи о которыхъ оно одно компетентно, такъ какъ всѣ вопросы о дворянскихъ правахъ изъяты по конституціи изъ вѣдѣнія сейма, но въ былое время, а осо-

бенно съ 1718 по 1772 годъ, здѣсь находился политическій центръ управленія. Это время, неправильно называемое „временемъ свободы“, было эпохою величайшаго позора и униженія для Швеціи. Россія и особенно Франція закупали сотнями голоса на сеймѣ и съ помощью подкупленныхъ членовъ творили что хотѣли. Законъ наказывалъ подкупленнаго на сеймѣ депутата смертью, но это не мѣшало обѣднѣвшимъ дворянамъ продавать себя совершенно открыто. Имъ давали деньги и, кромѣ того, привозили и кормили въ особыхъ столовыхъ на счетъ иностранныхъ посланниковъ. Теперь утрачено не только политическое значеніе дворянства, но оно окончательно разорилось; только очень немногія семейства, напримѣръ, графовъ Платеновъ, сохранили значительныя наслѣдственныя имѣнія. Зала засѣданій дворянства украшена фресками Эренштраля и гербами всѣхъ дворянскихъ фамилій. На столѣ президента лежитъ огромный молотокъ и также гербовникъ для необходимыхъ справокъ. Я перелистывалъ этотъ объемистый томъ, который начинается съ гербовъ графовъ де-Лагарди и Браге—самыхъ аристократическихъ фамилій въ Швеціи, и заключаетъ всего 964 дворянскихъ фамиліи, часть которыхъ вѣроятно давно угасла.

Другая зала украшена прекрасными портретами всѣхъ маршаловъ или предводителей дворянства, начиная съ XVI вѣка. Какъ во дворцѣ дожей въ Венеціи нѣтъ портрета Марино-Фальеро, желавшаго демократизировать управленіе царицы Адріатическаго моря, такъ въ этой коллекціи до сихъ поръ недостаетъ портрета маршала, предводительствовавшаго въ 1772 году, когда 19-го августа, вскорѣ послѣ своей коронаціи, Гу-

ставъ III, опираясь на подтасованное рѣшеніе представителей духовенства, горожанъ и крестьянъ, возстановилъ, подъ именемъ „акта единенія и безопасности“, неограниченную королевскую власть. Дворянство, которое никогда не давало согласія на это нарушеніе конституціи, сочло измѣною противоположное поведеніе своего маршала. Оно молчало, пока Густавъ III былъ популяренъ, даровавъ впервые Швеціи свободу печати и уничтоживъ пытку; но мотовство короля, неудачная война съ Россіей и особенно хвастливое желаніе сдѣлаться рыцаремъ королевы Маріи-Антуанеты и стать во главѣ коалиціи, собравшей войска для усмиренія революціонной Франціи, возбудили въ дворянствѣ надежду возстановить свое прежнее значеніе. Заговоръ окончился извѣстнымъ покушеніемъ, въ ночь съ 15-го на 16-е марта 1792 года, послѣ котораго смертельно раненый король жилъ еще тринадцать дней.

Противъ дворянскаго собранія стоитъ памятникъ Густава Вазы, сооруженный еще въ прошломъ столѣтіи и носящій комическій псевдо-античный пошибъ монументовъ того времени. Этотъ умный король, который съ тонкостью политика, храбростью полководца и разсчетливостью банкира соединялъ нѣжное сердце, совершенно во вкусѣ—какъ увидимъ далѣе—героевъ романовъ Авдѣева, заслуживалъ монумента посерьезнѣе.

Нѣсколько далѣе, перейдя еще одинъ мостъ, находится весьма любопытная внутри и красивая снаружи церковь шведскаго дворянства—Riddarsholmskyrkan, съ высокою колокольнею. Въ обыкновенное время туда пускаютъ за деньги. Это шведскіе Петропавловскій соборъ и Вестминстерское аббатство: усыпальница государей, собраніе

военныхъ трофеевъ и мѣсто погребенія многихъ знаменитыхъ мужей: Кнутсона, Банера, Ленартъ Торстензона и др. Стѣны церкви покрыты гербами всѣхъ кавалеровъ ордена Серафимовъ, самаго важнаго и уважаемаго въ Швеціи. Гербъ ставится послѣ увѣдомленія о смерти кавалера ордена. Изъ болѣе новыхъ русскихъ кавалеровъ этого ордена я замѣтилъ гербы императора Николая I, графа Нессельроде, князя Волконскаго, князя Меньшикова, графа Чернышева и свѣтлѣйшаго князя Воронцова.

Королевскіе саркофаги поставлены въ особыя капеллы, надъ склепами, вдающимися въ стѣну церкви, перестроенной заново въ готическомъ стилѣ уже въ нынѣшнемъ столѣтіи. Эти капеллы украшены военными трофеями, добытыми тѣмъ королемъ, котораго стоитъ саркофагъ. Величіе опредѣляется здѣсь числомъ барабановъ и литавръ; у Густава Адольфа и Карла XII пирамиды ихъ подпираетъ потолокъ, а знаменъ навѣшано страсть сколько, хотя это малая часть того, что набрали эти войнолюбивые короли. Не мало знаменъ и русскихъ. Подъ Нарвою шведы, кажется, заразъ взяли ихъ столько, что хватило на всѣ музеи королевства, правда, что въ обмѣнъ шведы потомъ оставили намъ свои знамена. Если мѣрить достоинство королей числомъ захваченныхъ ими непріятельскихъ трофеевъ, то династія Бернадоттовъ весьма на этотъ счетъ небогата; только у Карла XIV Іоганна повѣшено нѣсколько французскихъ и норвежскихъ знаменъ. Трофеи, оригинальные для короля Норвегіи и бывшаго французскаго солдата, генерала конвента и, наконецъ, имперскаго маршала! Эти

жиденькіе трофеи заставили Наполеона I сказать съ горечью:

— Бернадоттъ могъ жениться на комъ угодно (т. е. на Швеціи), но это не резонъ, чтобы колотить свою мать (т. е. Францію).

Императоръ не предсказывалъ новому королю ничего хорошаго; но эти предсказанія, какъ и многія другія, сдѣланныя на островѣ св. Елены, не сбылись. А съ тѣхъ поръ домъ Бернадоттовъ породнился даже, черезъ семейство герцоговъ Лейхтенбергскихъ, съ Бонапартами.

Много трофеевъ сложено также на могилахъ Банера и Торстензона, двухъ знаменитыхъ полководцевъ тридцатилѣтней войны. Банеръ, командовавшій шведской арміей послѣ взятія въ плѣнъ Горна, считается лучшимъ генераломъ послѣ Густава Адольфа, на котораго онъ походилъ лицомъ. Это одинъ изъ оригинальныхъ людей въ исторіи. Осторожный, изобрѣтательный, Банеръ съ неустрашимостью и быстротою исполненія соединялъ глубокое теоретическое знаніе военнаго дѣла. Его отступленія въ Помераніи отъ Галласа и въ Богеміи отъ эрцгерцога Леопольда считаются образцовыми. Банеръ часто напивался пьянъ и былъ тогда побиваемъ, но протрезвившись всегда немедленно колотилъ своихъ противниковъ. Пьянство погубило его на сорокъ пятомъ году жизни.

Саркофагъ Карла XII, удачно прозваннаго однимъ изъ нашихъ московскихъ профессоровъ „послѣднимъ варягомъ“, служитъ предметомъ особаго почитанія. Шведы не хотятъ знать дѣйствительнаго короля, а только того, который имъ создалъ впервые воображеніе Вольтера въ его извѣстной „Исторіи Карла XII“, вполнѣ мо-

гущей быть названной историческимъ романомъ. Карлъ XII кажется шведамъ не только героемъ, посланнымъ Провидѣніемъ для прославленія шведскаго имени во всѣхъ концахъ Европы, но высшимъ, идеальнымъ представителемъ ихъ національности. Все, что касается Карла XII, заботитъ ихъ, и уже два раза, въ 1746 и 1859 годахъ, они тревожили его прахъ, добиваясь разрѣшенія неразрѣшенной загадки: былъ ли убитъ Карлъ XII выстрѣломъ изъ крѣпости или измѣннически застрѣленъ французомъ Сигье, подкупленнымъ за 1,000 червонцевъ сестрою короля, Ульрикою Элеонорою? Сигье болталъ что-то подобное въ припадкѣ горячки, но взялъ свои слова назадъ, когда выздоровѣлъ. Но затѣмъ еще многія лица, сходя съ ума, выдавали себя за убійцъ Карла XII.

Въ послѣдній разъ гробъ былъ вскрытъ въ присутствіи короля Карла XV, и комиссія врачей и ученыхъ анатомовъ пришла къ заключеніямъ, одобреннымъ шведской академіей, что смерть Карла XII произошла отъ вражьей пули. Надобно, однако, имѣть особую ученую проницательность, чтобы сдѣлать такое рѣшительное заключеніе по дыркѣ въ черепѣ, пролежавшемъ 141 годъ! По крайней мѣрѣ можно надѣяться, что послѣ означеннаго протокола гробъ безпокойнѣйшаго изъ историческихъ героевъ будетъ лежать спокойно. На парижской всемірной выставкѣ 1878 г. въ шведскомъ отдѣлѣ была недурная картина, изображавшая перенесеніе трупа убитаго Карла XII по снѣжному ущелью растроганными солдатами. Отъ нихъ первоначально скрывали смерть героя, павшаго въ глухую, темную ночь.

Вспомнивъ о Карлѣ XII, нельзя не сказать нѣсколько

словъ объ отношеніяхъ Швеціи къ Россіи. Шведы, какъ поляки, венгерцы и турки, считаются на Западѣ естественными нашими врагами; до сихъ поръ въ самой Швеціи существовало убѣжденіе, будто только стремленіе Россіи къ завоеваніямъ было причиною паденія Швеціи. Такія воззрѣнія ошибочны. Для этого стоитъ безпристрастно взвѣсить всѣмъ извѣстные историческіе факты.

Шведская монархія внезапно выдвинулась изъ ничтожества на первое мѣсто геніемъ Густава Адольфа. Заслуга послѣдняго состояла не въ военныхъ только подвигахъ, но въ умѣніи принять подъ свое покровительство протестантскіе интересы, составлявшіе въ XVII вѣкѣ партію прогресса въ Европѣ. Къ сожалѣнію, созданная на окровавленныхъ поляхъ Германіи монархія не имѣла прочнаго основанія; она представляла собою какъ бы пирамиду, стоявшую острымъ концомъ къ странѣ, т. е. въ положеніи равновѣсія наиболѣе неустойчиваго. Въ апогеѣ своего величія Швеція считала только 5 милліоновъ жителей. Роль покровителей протестантскихъ государствъ противъ соединенныхъ усилій папы, императора и испанскаго короля съ такимъ же успѣхомъ поспѣшили принять Ришелье и Кромвель, и первенствующее значеніе Швеціи быстро померкло. Громовой ударъ нанесъ ему Карлъ XII.

Какъ ни дорогъ шведамъ этотъ коронованный кондотьеръ, но можно ли сомнѣваться, что его близорукое непониманіе возникающаго значенія Россіи и было причиною внезапнаго паденія Швеціи на степень третьекласнаго государства—паденія, подобныхъ которому по быстротѣ немного примѣровъ во всемірной исторіи.

Россія не явилась по отношенію къ шведамъ въ роли завоевателя. Часть Финляндіи, Олонецкій край, берега Финскаго залива, значительная часть Прибалтійскаго края были исконно-русскими владѣніями, и Россія вступила только въ свои права, какъ вступаетъ наслѣдникъ, достигнувъ совершеннолѣтія, а эта-то возможность и настала для нея при Петрѣ Великомъ. Наши западники говорятъ объ окнѣ, прорубленномъ въ Европу, но Россія всегда понимала значеніе для себя Балтійскаго моря; имъ пользовался Новгородъ; Иванъ Грозный раздавалъ на этомъ морѣ каперскія свидѣтельства. Окно всегда было русскимъ: оно было только временно заткнуто шведскою тряпкою. Шведское владычество было даже очень непродолжительно *), потому что въ Эстляндіи шведы водворились въ самомъ концѣ XVI вѣка, въ Лифляндіи и Ингерманландіи въ началѣ XVII вѣка, а къ началу XVIII вѣка уже не осталось въ этихъ земляхъ и слѣдовъ шведскаго владычества.

Никто изъ русскихъ не уважалъ такъ шведовъ, какъ нашъ великій преобразователь, позаимствовавшій у нихъ очень много въ военномъ, административномъ и судебномъ отношеніи, но никто не нанесъ имъ такихъ сильныхъ ударовъ. Вся шведская исторія XVIII вѣка была повтореніемъ ошибки Карла XII; шведская аристократія не хотѣла признать существующихъ фактовъ и страна теряла все болѣе и болѣе. Не было, конечно, недостатка въ людяхъ проницательныхъ, но постоянно преобладала партія, искавшая для „французовъ сѣвера“,

*) Тѣмъ болѣе странная претензія шведовъ, всѣми признанная въ XVII вѣкѣ, считать Финскій заливъ mare clausum.

какъ тщеславно называли себя шведы, отдаленныхъ союзниковъ противъ Россіи.

Окончательный ударъ нанесъ Швеціи Наполеонъ I своей коварной и эгоистической политикой. Война 1808—1809 года и континентальная система разорили въ конецъ бѣдную страну и привели ее на край гибели; къ счастью. удачная перемѣна династіи спасла Швецію и не только подняла ее внутреннее благосостояніе, но династическимъ союзомъ съ Норвегіей усилила и ея политическое значеніе въ Европѣ.

Безъ сомнѣнія, не всѣ шведы успокоиваются на подобныхъ результатахъ; существуетъ меньшинство горячихъ головъ, мечтающихъ о прошедшихъ безвозвратно временахъ мюнстерскаго и оливскаго мира, но масса, повидимому, чужда подобныхъ мнѣній и желаетъ укрѣпленія съ Россіей чувствъ добраго сосѣдства, которыя, несомнѣнно, повлекутъ за собою и тѣснѣйшее сближеніе въ экономическомъ отношеніи. Со Швеціей наши счеты закончены. Претензіи, которыя имѣли взаимно другъ противъ друга оба государства, должны быть давно исключены изъ ихъ актива. Войдя, такъ сказать, въ естественныя границы свои, Россія и Швеція не имѣютъ болѣе осязательныхъ причинъ искать случая вредить другъ другу. Къ тому же исторія оставила на этотъ счетъ такіе указанія и уроки, которые нельзя изгладить изъ человѣческой памяти.

Общественное мнѣніе по отношенію къ Россіи измѣнилось въ Швеціи даже со времени Крымской войны. Извѣстно тогдашнее злорадство шведовъ, едва не приставшихъ къ коалиціи. Между тѣмъ теперь я слышалъ въ Стокгольмѣ отъ людей, заслуживающихъ полнаго до-

вѣрія, что во все время войны 1877 г. сочувствіе шведовъ было не на сторонѣ турокъ, ихъ старинныхъ союзниковъ, а на сторонѣ Россіи, какъ представительницы гуманныхъ и освободительныхъ началъ, которыя всегда найдутъ отголосокъ въ странѣ, не знавшей никогда рабства.

III.

Плаваніе по готской системѣ каналовъ.—Пароходъ „Wadstena“.—Теорія Франклина.—Шлюзы.—Земскія и крестьянскія учрежденія.—Сельская жизнь въ Швеціи.—Озера.—Легенда о Густавѣ Вазѣ.—Водопадъ Трольгетанъ.—Гетеборгъ.—Полярныя экспедиціи.

Кратчайшій и дешевѣйшій способъ бѣгло ознакомиться со Швеціей—это проѣхать водою поперегъ всей страны изъ Стокгольма въ Гетеборгъ системою озеръ и каналовъ. Три раза въ недѣлю срочные пароходы ходятъ по этому направленію, отправляясь съ набережной Рыцарскаго острова, на озерѣ Меларъ, изъ самаго, такъ сказать, центра Стокгольма.

Уже прозвонилъ второй звонокъ, а трюмъ нашего парохода продолжалъ наполняться множествомъ ящиковъ съ бутылками. Одинъ изъ пассажировъ выразилъ удивленіе, зачѣмъ понадобилось такое количество бутылокъ для такого короткаго переѣзда.

— Вамъ, вѣроятно, не случалось слышать о теоріи Франклина, замѣтилъ я. Великій американецъ совѣтывалъ для спасенія кораблей имѣть всегда запасъ пустыхъ и плотно закупоренныхъ бутылокъ. Такимъ образомъ, если на озерахъ откроется въ пароходѣ течь, то вмѣсто

работы на насосахъ, намъ прійдется—что гораздо пріятнѣе—осушать эти бутылки.

Мой спутникъ посмотрѣлъ на меня съ недовѣріемъ. Это былъ берлинскій коми-вояжеръ Готорнъ, который, когда я замѣтилъ, что въ Америкѣ былъ знаменитый романистъ того же имени, не задумываясь, съ нахальствомъ коми-вояжера, воскликнулъ:

— Это мой близкій родственникъ! Причемъ подалъ карточку, на которой красовалось: Hothorn, романистъ же назывался: Hauthorne.

Общество на пароходѣ „Wadstena“, принадлежащемъ „Motala Ströms Ängfartygs-Actiebolag“, т. е. мотальской пароходной компаніи, было многочисленное. Провожать насъ собралась толпа еще больше, и при прощаніи многія дамы и дѣвицы плакали, хотя плаваніе по готской системѣ считается увеселительной прогулкой. Но я вообще замѣтилъ, что шведки легко плачутъ на прощаньи. Пароходы, для удобнѣйшаго прохода черезъ шлюзныя камеры, дѣлаются короткими; эта куцость производитъ невольную тѣсноту, но она не мѣшаетъ порядку и опрятности.

Опрятность такая, что пассажиры, хочешь-не-хочешь, „обязаны“ вставать въ 6 часовъ утра, такъ какъ совершается общее омовеніе каютъ. Не знаю даже, откуда взялось у шведовъ подобное влеченіе къ опрятности, по крайней мѣрѣ опрятность въ шведскомъ лексиконѣ значится propreté—слово едва ли скандинавскаго происхожденія. Прислуга на пароходѣ вся женская и ея немного; порядку содѣйствуетъ сама публика. Такъ, за обѣдомъ каждый требуетъ того и другого, горничныя едва успѣваютъ откупоривать бутылки. Никакого же

учета потребляемаго тутъ нѣтъ; на столѣ лежитъ книга, къ ней на розовой ленточкѣ привязанъ карандашъ и пассажиръ самъ обязанъ вписать, что онъ съѣлъ и выпилъ, въ книгу. При отъѣздѣ онъ также самъ сводитъ итогъ своего счета. Понятно, что всѣ ошибки остаются на совѣсти пассажира, но шведы предпочитаютъ лучше потерять что нибудь, нежели подвергать путешественниковъ унизительному контролю. Къ тому же и потеря не можетъ быть велика, потому что все обходится на пароходѣ весьма дешево.

Къ шведской кухнѣ не можетъ быть приложена программа Жанъ-Поль-Рихтера, который желалъ, „чтобы за обѣдомъ, какъ въ газетныхъ статьяхъ, лучшее подавалось въ началѣ, а худшее въ концѣ, а не наоборотъ“. У шведовъ нѣтъ такого логическаго порядка блюдъ. Послѣ необыкновенно изобильной закуски, которая бы, кажется, должна была на вѣки испортить желудки всей шведской націи, отличающейся великолѣпнымъ цвѣтомъ лица и крѣпкими мускулами, очень часто идетъ сладкій супъ, потомъ жареная прокопченая макрель съ крыжовниковымъ вареньемъ, потомъ простокваша и въ заключеніе телятина! Меню уму непостижимый. Сахаръ, инбирь, корица подмѣшаны во всѣ блюда щедрою рукою; злоупотребляютъ также озерною форелью. Ею богаты всѣ шведскія воды и она своимъ каждодневнымъ появленіемъ въ разныхъ видахъ наводитъ легкое уныніе на путешественника, разгоняемое только пуншемъ.

Я забѣжалъ, однако, впередъ, не распростившись съ Стокгольмомъ. Пароходъ, какъ я сказалъ, отходитъ съ набережной озера Меларъ, гдѣ видъ на городъ еще, пожалуй, оригинальнѣе, чѣмъ съ Балтійскаго моря. Въ

особенности долженъ быть эффектенъ онъ при полномъ лунномъ освѣщеніи. Лѣвая сторона озера съ его почти отвѣсными скалами мало застроена, но правая быстро обстраивается зданіями, между которыми выдается прекрасное помѣщеніе новой военной школы. Озеро Меларъ, отъ множества острововъ, похоже скорѣе на широкій каналъ и очень оживлено. Множество дачъ украшаютъ его берега; старинныхъ замковъ осталось мало, потому что всѣ эти окрестности были безпощадно разорены въ 1719 году русскими войсками, подъ начальствомъ Апраксина—это обстоятельство и послужило къ скорѣйшему заключенію Ништадтскаго мира.

Прелестенъ видъ у Седертельи: рѣчка тутъ подпружена и образуетъ озеро, въ которомъ тонутъ вѣтви деревъ. Тонутъ, впрочемъ, не однѣ вѣтки. Мы прошли мимо затонувшаго недавно парохода, проломившаго себѣ, вѣроятно, дно о подводный камень. Это зрѣлище нѣсколько охладило веселые разговоры публики на палубѣ и еще болѣе содѣйствовало тихой грусти, навѣваемой сѣвернымъ меланхолическимъ пейзажемъ съ его мягкими, неуловимыми тонами. Седертелья, вѣроятно, знаменита своими пряниками; по крайней мѣрѣ здѣсь всѣ пассажиры покупали ихъ и дѣлали запасы въ дорогу. Отсюда начинается также искусственный водяной путь, путешествіе по которому и служитъ главною цѣлью поѣздокъ туристовъ.

Этотъ путь, или такъ называемая Готская система, состоитъ изъ соединенія цѣлаго ряда озеръ, рѣкъ и морскихъ рукавовъ помощью трехъ системъ каналовъ: Södertelje kanal—между озеромъ Меларомъ и Балтійскимъ моремъ, Göta kanal—между Балтійскимъ моремъ

и озеромъ Венеромъ и Trollhätta kanal—между озеромъ Венеромъ и Категатомъ. Эти три системы, изъ которыхъ главная, Готская, длиною болѣе 200 верстъ, начаты были въ 1810 году, окончены въ 1832 году и обошлись въ 18.550,000 риксдалеровъ. Такія крупныя затраты для Швеціи было сдѣлать тѣмъ легче, что до 1857 года никакого государственнаго долга эта страна не знала, да и съ тѣхъ поръ всѣ займы были сдѣланы исключительно для общеполезныхъ сооруженій. Каналы имѣютъ вездѣ глубину въ 10 и ширину 48 футовъ по дну и 90 футовъ по поверхности. Эти размѣры позволяютъ свободно проходить глубоко сидящимъ пароходамъ, но судоходство стѣсняется шлюзами, а рельефъ мѣстности сдѣлалъ необходимымъ постройку послѣднихъ въ огромномъ числѣ: на одномъ Готскомъ каналѣ 58 шлюзовъ.

Будь такая масса шлюзовъ въ Россіи, то, сиди на нихъ самъ г. Клокачевъ, никогда бы, кажется, ни одно судно не дошло бы по назначенію, не говоря уже о томъ, что въ Россіи на каждомъ шлюзѣ устроилось бы по десяти кабаковъ и публичныхъ домовъ, а ругань висѣла бы въ воздухѣ и заглушала шумъ пароходныхъ колесъ. Въ Швеціи нѣтъ ничего подобнаго; каналы и шлюзы содержатся въ удивительномъ порядкѣ; обстановка напоминаетъ скорѣе декораціи комическихъ оперъ. Безъ малѣйшаго шума въ нѣсколько минутъ дѣти лѣтъ двѣнадцати, четырнадцати отодвигаютъ перекидные мосты, наполняютъ камеру водою и открываютъ шлюзы. Пароходъ въ полчаса проходитъ такимъ образомъ черезъ шесть шлюзовъ и нигдѣ не ждетъ лишней минуты. Правда, воды на системѣ изобиліе, а встрѣчное

движеніе не очень велико; кромѣ пароходовъ компаніи мы встрѣтили очень немного судовъ, лямку которыхъ тянули волы. Бичевникъ вездѣ въ порядкѣ и служитъ для прогулокъ; точно также всѣ искусственныя сооруженія ремонтируются исправнѣйшимъ образомъ. Для немногочисленной прислуги на шлюзахъ построены уютные домики. Печатный регламентъ подъ стекломъ на лицевой сторонѣ дома достаточенъ для поддержанія порядка. Кто, какъ я, плавалъ по нашимъ водянымъ путямъ—невольно удивится здѣсь тишинѣ и благообразію. Шведы, впрочемъ, молчаливы по природѣ и горячатся только за стаканомъ вина.

Такъ какъ ожидать движенія по шлюзамъ отъ однообразія пріемовъ ихъ открытія наскучаетъ, то обыкновенно все общество выскакиваетъ на бичевникъ и далеко уходитъ впередъ до послѣдняго по очереди шлюза. Эти прогулки по красивой и веселой мѣстности получаютъ семейный характеръ. Молодежь бѣгаетъ въ запуски, дѣвицы собираютъ по дорогѣ цвѣты, плетутъ вѣнки и украшаютъ ими побѣдителей въ этихъ псевдоолимпійскихъ играхъ.

Красота шведскихъ женщинъ многими восхваляется. Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, Вандаль (En karriole à travers la Suède et la Norvège), увѣряетъ даже, что въ Дьюргарденѣ въ Стокгольмѣ всѣ женщины показались ему красавицами! Впрочемъ, прибавляетъ галантный французъ, при такихъ похвалахъ невольно припоминается анекдотъ о путешественникѣ, разсказывавшемъ о необыкновенномъ островѣ, гдѣ всѣ женщины будто бы красивы.

— Это, очевидно, ложь, замѣтилъ одинъ старикъ, слу-

шая разсказъ, иначе бы вы никогда не вернулись съ этого острова...

Замѣчу кстати, что Вандаль въ своей книжкѣ фантазируетъ не только на счетъ красоты шведскихъ женщинъ; онъ увѣряетъ, напримѣръ, что „норманы основали Новгородъ въ степяхъ Россіи“, что въ „Нижнемъ въ одной церкви подъ византійскимъ куполомъ сохраняются серебряные ворота шведскаго города Сигтуна, разореннаго до тла русскими въ XII столѣтіи“, и т. д.

Въ этихъ прогулкахъ вдоль канала, которыя повторяются по нѣсколько разъ въ день, надобно, однако, быть осторожнымъ и держаться общества. Я рискнулъ разъ ночью пройдтись одинъ, дорога куда-то завела меня далеко и черезъ часъ къ ужасу я увидѣлъ вдали фонари удалявшагося парохода. Не зная ни слова пошведски, я не могъ ничего разспросить у крестьянъ, да и ночью никто по дорогѣ не попадался. Я пошелъ на удалую, проклиная вавилонскую башню, смѣшавшую языки; къ счастью, впереди оказалась еще система шлюзовъ и послѣ получасовой ходьбы или, вѣрнѣе, бѣга я таки нагналъ задержанный шлюзомъ пароходъ. Прогулки даютъ возможность ознакомиться со шведской сельской жизнью и образомъ жизни шведскихъ крестьянъ.

Суровый въ средней и сѣверной части Швеціи климатъ и скудная почва препятствуютъ земледѣлію, но рудники, фабрики и кустарное производство, до сихъ поръ еще довольно развитое въ Швеціи, служатъ источникомъ косвенныхъ заработковъ. Поэтому, хотя Швеція страна небогатая (весь доходъ страны по оцѣнкѣ налога на доходъ исчисляли въ 1868 году въ 158 милл. кронъ, т. е. менѣе чѣмъ въ 65 милл. руб.), но швед-

скіе крестьяне относительно зажиточны. Я не видѣлъ еще Сканіи, южной части Швеціи, гдѣ довольство крестьянъ превосходитъ большую часть странъ въ Европѣ, кромѣ Голландіи, Ломбардіи и т. п. счастливыхъ мѣстностей. Сообразно съ этимъ развивается сельско-хозяйственная культура. Въ прежнее время Швеція всегда нуждалась въ привозномъ хлѣбѣ; съ 1650 по 1819 г. ежегодно доставлялось огромное количество хлѣба изъза границы для продовольствія; развитіе съ 1840 года хлѣбопашества имѣло такое вліяніе, что, начиная уже съ 1850 года, Швеція вывозитъ болѣе хлѣба, нежели сама покупаетъ его въ другихъ странахъ.

Вмѣстѣ съ улучшеніемъ благосостоянія сельской массы замѣчается уменьшеніе числа преступленій. Число заключенныхъ въ тюрьмѣ, составлявшее въ 1845 году 1 изъ 521 жителей, сократилось до пропорціи 1 изъ 907 къ 1865 году. Въ Швеціи происходило весьма оригинальное и отрадное явленіе: чѣмъ болѣе строили тюремъ, тѣмъ менѣе находилось желающихъ сидѣть въ нихъ, и въ настоящее время почти всѣ приговоренные къ тюремному заключенію по суду отсиживаютъ свой срокъ въ тюрьмахъ предварительнаго заключенія, устроенныхъ по системѣ одиночнаго заключенія. На уменьшеніе числа преступленій вліяло и развитіе народнаго образованія. Прекрасное устройство народныхъ школъ въ Швеціи всѣмъ извѣстно, хотя оно встрѣчаетъ величайшее затрудненіе въ огромныхъ разстояніяхъ и рѣдкости населенія. Это затрудненіе преодолѣвалось, гдѣ нужно, помощью системы „передвижныхъ школъ“, тѣмъ болѣе полезныхъ, что въ Швеціи есть приходы болѣе обширные, чѣмъ иныя королевства въ Германіи. Посѣщеніе

школъ обязательно и законъ разрѣшаетъ даже принудительныя мѣры въ отношеніи родителей, которые-бы воспротивились посѣщенію школъ ихъ дѣтьми.

Одну изъ подобныхъ школъ я видѣлъ у знаменитой своей древностью церкви въ Вретѣ. Школа помѣщается въ домѣ пастора, окруженномъ прекраснымъ садомъ; сквозь раскрытыя окна видно, что большая учебная зала была полна бѣлокурыхъ дѣтей; учитель, тотъ же пасторъ, сидѣлъ на каѳедрѣ, размахивая огромной линейкой, а ученики что-то отвѣчали хоромъ — словомъ, сцена изъ „Школьнаго учителя“. Самая церковь въ Вретѣ любопытна по остаткамъ католицизма. Надобно замѣтить, что католицизму Швеція, какъ и вся западная Европа, обязана своими лучшими архитектурными сооруженіями. Уничтоженіе католицизма повлекло паденіе церковной архитектуры. Въ Швеціи, впрочемъ, въ средніе вѣка чрезвычайная бѣдность не дала возможности создать что-либо примѣчательное. Остатки органа, статуй и разныхъ украшеній въ Вретѣ принадлежатъ къ ребяческимъ образцамъ, вообще довольно наивнаго средневѣковаго искусства. Церковь замѣчательна еще тѣмъ, что здѣсь съ XII-го вѣка погребали старыхъ шведскихъ королей, надгробные камни которыхъ сохранились до сихъ поръ.

Прогуливаясь, я заглядывалъ по дорогѣ въ жилища шведскихъ крестьянъ и удивлялся наружному довольству въ такой относительно бѣдной мѣстности. Крестьянскіе дома всегда обширны, такъ какъ шведъ любитъ жить широко, и выкрашены яркими цвѣтами, особенно краснымъ, что производитъ весьма пріятное для глазъ впечатлѣніе. Даже въ тѣхъ домахъ, гдѣ всего

одна жилая комната, видѣнъ извѣстный комфортъ: на окнахъ занавѣски, огромная постель съ массою перинъ и подушекъ, кое-какая мебель, по стѣнамъ картинки, на столѣ неизбѣжная библія. Комнаты украшаются иногда аллегорическими надписями. Нѣкоторыя надписи весьма поучительны. Надъ кроватью, напримѣръ, нерѣдко красуется стихъ псалтыря: „человѣкъ сѣетъ, Богъ помогаетъ урожаю“. Наставленіе тѣмъ болѣе полезное, что число браковъ въ Швеціи, не смотря на увеличеніе благосостоянія, уменьшается и приростъ населенія поддерживается лишь среднею плодовитостью каждаго брака отдѣльно.

Найдти книгу и газету у шведскаго крестьянина не рѣдкость, потому что, не говоря о томъ, что все сельское населеніе умѣетъ читать и писать, крестьяне въ Швеціи обладаютъ зачастую познаніями, которыхъ не встрѣтишь нигдѣ въ земледѣльческомъ классѣ другихъ странъ, развѣ въ Голландіи. Еще въ прошломъ столѣтіи депутаты отъ крестьянъ на сеймѣ удивляли своимъ здравымъ умомъ нашихъ посланниковъ въ Стокгольмѣ. Конечно, въ различныхъ мѣстностяхъ Швеціи условія развитія крестьянъ различны. Делакарлійцы и норландцы отличаются большею грубостью, зато необыкновенно честны и гостепріимны; ихъ очень охотно берутъ прислугою въ Стокгольмѣ. Говорятъ, что шведскіе рабочіе лѣнивы; исключеніе составляютъ ловкіе и оборотистые смоландцы. Про нихъ въ Швеціи сложилась поговорка: „посади смоландца на скалу посреди моря, онъ и тамъ не пропадетъ“. Вообще, какъ я уже говорилъ, крестьяне составляютъ самую здоровую и независимую часть шведскаго населенія. Благосостоянію

крестьянъ содѣйствуетъ отличная общинная и земская организація, которая не даетъ утвердиться мертвящей бюрократической централизаціи.

Общинное устройство въ Швеціи, издавна пользовавшейся самоуправленіемъ, сдѣлано въ 1862 году всесословнымъ; это не измѣнило, однако, его состава, такъ какъ въ Швеціи поземельная собственность раздроблена. 90 проц. всѣхъ пахатныхъ земель принадлежатъ владѣльцамъ менѣе 10 десятинъ земли—единица для Швеціи довольно мелкая. По кадастру 1867 года оказалось 288,537 собственниковъ или фермеровъ, подлежащихъ поземельному налогу, и 179,034 собственника и преимущественно фермеровъ такихъ мелкихъ участковъ, что ихъ не коснулась подать. Голосъ же въ общественныхъ управленіяхъ имѣетъ непосредственно каждый постоянный обыватель общины. Общественныя собранія бываютъ двухъ родовъ: приходскія собранія, подъ предсѣдательствомъ пастора, вѣдаютъ дѣла церковныя и народнаго образованія; волостныя собранія, подъ предсѣдательствомъ особаго ими самими избираемаго предсѣдателя, вѣдаютъ дѣла полицейскія и хозяйственныя. Каждое изъ этихъ собраній имѣетъ право установлять налоги и дѣлать займы, послѣдніе срокомъ не болѣе двухъ лѣтъ.

Затѣмъ Швеція имѣетъ учрежденія (landsting), очень напоминающія наше земство съ нѣсколько расширенными правами. Каждая провинція, а также Стокгольмъ и Гетеборгъ избираютъ собранія не менѣе какъ изъ 20 уполномоченныхъ на два года. Избираемымъ и избирателемъ могутъ быть только лица, имѣющія болѣе 400 риксдалеровъ (160 р.) годоваго дохода. Число голосовъ при

избраніяхъ пропорціонально налогу, уплачиваемому каждымъ государству. Никто не можетъ имѣть, однако, болѣе 100 голосовъ. Это ограниченіе сдѣлано недавно, а то прежде, при правѣ каждому имѣть не свыше $^1/_{20}$ общаго итога голосовъ, дѣло дошло до того, что въ Гетеборгѣ болѣе 271 лицъ имѣло болѣе 100 голосовъ, а одно акціонерное общество располагало даже 4,590 голосами! Гласные никакого вознагражденія не получаютъ. Земскимъ собраніямъ въ Швеціи подчинены губернская полиція, медицинская часть, земское хозяйство, пути сообщенія, поощреніе земледѣлія и промышленности. Почти все народное просвѣщеніе низшее и среднее также находится въ рукахъ земства. Кромѣ того земскія собранія, о чемъ уже было сказано, избираютъ депутатовъ верхней палаты сейма.

Земскія собранія собираются въ обыкновенную сессію на первой недѣлѣ сентября, а въ экстра-ординарную или по королевскому повелѣнію, или по собственному постановленію. Предсѣдатель назначается королемъ. Собраніе имѣетъ право установлять налоги и дѣлать займы, но тѣ и другіе требуютъ утвержденія короля, если обнимаютъ періодъ болѣе пяти лѣтъ. Прочія постановленія собранія требуютъ утвержденія губернатора, но, въ случаѣ несогласія его, собраніе имѣетъ право апеллировать къ королю. Какъ въ общинныхъ, такъ и въ земскихъ дѣлахъ королю и губернаторамъ принадлежитъ лишь право veto; они не имѣютъ никакого права собственною властью постановлять что либо взамѣнъ земскихъ рѣшеній.

Между пунктами, рекомендуемыми особому вниманію путешественниковъ, на первомъ планѣ ставятъ извѣст-

ный механическій заводъ Мутала, при городкѣ того же имени. Это первое въ своемъ родѣ заведеніе въ Швеціи по размѣрамъ. Я осмотрѣлъ его довольно подробно, благодаря любезности одного изъ инженеровъ завода. Ничего, конечно, особенно любопытнаго не нашелъ послѣ большихъ механическихъ мастерскихъ западной Европы. Фабричныя зданія скромны и не особенно обширны. Заводъ отличается, впрочемъ, не столько размѣромъ своей производительности, сколько превосходными качествами своихъ издѣлій. Всюду замѣтны усовершенствованія, всѣ печи передѣланы по системѣ Сименса и отапливаются частью торфомъ, для сбереженія дровъ. Судостроительная верфь завода особенно пользуется хорошею репутаціей: изъ нея вышло много пароходовъ, плавающихъ теперь по русскимъ водянымъ путямъ.

Сама Мутала представляетъ довольно красивое поселеніе, растянутое вдоль судоходнаго канала. Маленькіе пароходики содержатъ постоянныя сообщенія, облегчая передвиженія рабочихъ. Я съ нѣсколькими товарищами сѣлъ на подобный пароходъ, чтобы догнать нашъ пароходъ, ушедшій далеко впередъ къ шлюзамъ. На всемъ пароходѣ, величиною съ тѣ, которые у насъ ходятъ лѣтомъ на острова, былъ одинъ человѣкъ прислуги — мальчикъ лѣтъ пятнадцати. Онъ правилъ рулемъ, стоялъ за машиниста, подбрасывалъ подъ котелъ за кочегара дрова и улучалъ еще свободную минуту, чтобы получить съ насъ за проѣздъ деньги и выдать билеты. Неудивительно, что содержаніе такого парохода обходится дешево и возятъ чуть не даромъ, еще съ барышемъ для себя.

За Муталой начинается огромное озеро Веттеръ, съ быстрыми теченіями, внезапными и сильными бурями и громаднымъ волненіемъ. Его свѣтлая зеленоватая вода постоянно колеблется въ уровнѣ, то повышаясь, то понижаясь отъ неизвѣстныхъ пока геологическихъ причинъ. Зимою случается, что внезапно вода ломаетъ ледяной покровъ, которымъ покрыто озеро. Веттеръ омываетъ берега четырехъ провинцій, усѣянъ множествомъ мелкихъ острововъ, принимаетъ въ себя девяносто рѣчекъ и бурнымъ потокомъ изливается въ Балтійское море. Это не мѣшаетъ его пейзажамъ быть довольно монотонными.

Сѣверныя озера, съ ихъ скалистыми островами и каймою хвойныхъ деревъ вокругъ, всегда заимствуютъ отъ сѣвернаго неба или холодный и металлическій оттѣнокъ, или прозрачность, дѣйствующую тягостно на воображеніе.

Къ намъ Веттеръ былъ милостивъ, качки не было и пароходъ по гладкой, какъ стекло, поверхности безъ труда подошелъ къ городу Вадштена, гдѣ присталъ прямо у стариннаго замка Густава Вазы. Это весьма любопытное сооруженіе начала XVI вѣка, недавно реставрированное. Замокъ имѣетъ высокія отвѣсныя стѣны, со всѣхъ сторонъ опускающіяся въ воду; только по висячему мосту можно было попадать внутрь. Эта тюремная обстановка объясняется эпохою, когда убійство подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма сдѣлалось дѣломъ обычнымъ, а Ваза и искоренилъ въ Швеціи католицизмъ. Кромѣ замка, вниманіе въ городѣ обращаетъ на себя огромнѣйшій соборъ св. Бригитты, остатокъ стариннаго и богатаго католическаго монастыря, устроеннаго по образцу Фон-

тевро. Основательница монастыря шведская св. Бригитта, которую не нужно смѣшивать съ ирландскою св. Бригиттою, — извѣстная поэтесса среднихъ вѣковъ; ея „Откровенія“ подверглись подозрѣнію въ ереси и съ трудомъ были оправданы на базельскомъ соборѣ. Мощи св. Бригитты еще сохраняются, но серебряную раку практическіе шведы давно перечеканили въ монету.

Пройдя строющуюся крѣпость Карлсборгъ, которую шведы хотятъ сдѣлать основаніемъ своей внутренней защиты, и слишкомъ двадцать новыхъ шлюзовъ, недалеко отъ Сѣверна, пароходъ вошелъ въ озеро Венеръ—громадный и бурный внутренній бассейнъ Швеціи. Это самое большое озеро въ Европѣ, послѣ нашихъ озеръ Ладожскаго и Онежскаго, но величина его водной площади мѣшаетъ художественному впечатлѣнію. Это не то озеро, не то море. Берега являются вдали на горизонтѣ въ туманныхъ и неясныхъ очертаніяхъ, кажутся даже совсѣмъ плоскими, а вода имѣетъ темный и неопредѣленный цвѣтъ, красиво окрашиваемый только при заходѣ солнца. Въ это время, говорятъ, на шведскихъ озерахъ бываютъ великолѣпные миражи. Обыкновенно же отъ пейзажа вѣетъ скукой и около Венера онъ все болѣе и болѣе напоминаетъ сѣверную Россію.

Плаваніе по Венеру, какъ плаваніе по нашимъ большимъ озерамъ, напоминаетъ плаваніе по морю, т. е. также однообразно. По озеру не мало городовъ, но пароходъ ихъ минуетъ, а равно и островъ Коленди, гдѣ находится замокъ Леке, подаренный сеймомъ генералу Адлеркрейцу въ 1810 году за его побѣду надъ русскими подъ Сикайоки. Еще нѣсколько мелкихъ озеръ, каналовъ и шлюзовъ и пароходъ достигаетъ, наконецъ, рѣки

Гота-Эльфъ, гдѣ находится la pièce de resistance прогулки — знаменитый водопадъ Трольгеттанъ, представляющій паденіе рѣки въ 112 футъ, но, къ сожалѣнію, раздѣленное на четыре уступа такимъ образомъ, что наибольшій водосливъ равняется только 44 футамъ.

Трольгеттанъ по-шведски значитъ „ужасъ колдуновъ“, но теперь не только на колдуновъ, но и на обыкновенныхъ смертныхъ водопадъ ужаснаго впечатлѣнія не произведетъ. Промышленность забрала чудо природы въ свои руки и убила его живописность. Лучшіе виды закрыты заводами; шумъ лѣсопильныхъ фабрикъ покрываетъ шумъ падающей воды и меланхолическое трепетаніе деревьевъ въ лѣсу. На каждомъ изъ рукавовъ переброшены мосты, вездѣ слѣды человѣка и нужно много воображенія, чтобы возстановить общее впечатлѣніе водопада въ его прежнемъ дикомъ видѣ въ высокихъ, покрытыхъ густымъ хвойнымъ лѣсомъ берегахъ.

Въ прежнее время любопытство путешественниковъ возбуждала еще оригинальная система шлюзовъ, обходившая водопадъ. Буквально пароходъ всходилъ и взлѣзалъ внизъ и вверхъ какъ по крутой лѣстницѣ; теперь старые шлюзы только предметъ курьеза: водопадъ обойденъ новымъ прекраснымъ каналомъ съ хорошо устроенными набережными. Пароходъ идетъ по этому пути такъ скоро, что времени для осмотра водопада остается немного и необходимо взять проводника. Для этого служатъ множество мальчугановъ, которые хватаютъ за полы путешественниковъ и чуть не насильно тащутъ его къ чуду природы, довольствуясь скромнымъ вознагражденіемъ, совершенно, впрочемъ, соотвѣтственнымъ

эстетическому впечатлѣнію, выносимому при осмотрѣ водопада.

Далѣе путь по Гота-Эльфъ ничѣмъ не примѣчателенъ, мѣстность довольно ровная и шлюзовъ нѣтъ. По дорогѣ обращаетъ вниманіе только замокъ Торпа, съ которымъ связана легенда, выставляющая Густава Вазу героемъ романа, какъ будто бы взятымъ изъ „Подводнаго камня“ Михаила Васильевича Авдѣева. Этотъ государь въ старости женился здѣсь на красивой Катеринѣ Штейнбокъ. Послѣдняя любила между тѣмъ Нильса Браге, съ которымъ была обручена съ дѣтства. Какъ-то во снѣ Катерина сказала:

— Я уважаю и почитаю моего мужа, а все-таки мое сердце принадлежитъ Нильсу Браге.

Услышавъ это, Густавъ рѣшился пожертвовать своею любовью: онъ далъ Катеринѣ разводъ и содѣйствовалъ ея браку съ Браге. Дѣйствительно ли бредила Катерина или притворялась во снѣ—вотъ задача, говоритъ одинъ путешественникъ, для разрѣшенія тѣмъ, которые не знаютъ, что дѣлать на пароходѣ на пути къ Гетеборгу.

Гетеборгъ важнѣйшій по торговлѣ городъ въ Швеціи. Онъ, однако, такъ у насъ мало извѣстенъ, что когда отсюда отправилась первая экспедиція Норденшельда на Енисей, то наши газеты писали, что она вышла изъ Гетеборга „въ Норвегіи!“ Снарядитель этой экспедиціи Оскаръ Диксонъ, одинъ изъ участниковъ торговой фирмы „братья Диксонъ“, считающейся богатѣйшей во всей Швеціи. Диксонъ живетъ постоянно въ Гетеборгѣ въ великолѣпномъ домѣ, который скорѣе можно бы назвать дворцомъ; къ тому же это и самое большое зданіе въ городѣ.

Гетеборгъ сталъ, благодаря Диксону и нашему г. Сибирякову, пунктомъ, откуда преимущественно отправлялись изъ Швеціи, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, полярныя экспедиціи, пріобрѣвшія глубокое національное значеніе. Вездѣ въ Швеціи мысль о нихъ была принята съ живѣйшимъ сочувствіемъ, правительство и особенно частныя лица пожертвовали значительныя суммы, а полученные счастливые результаты не могли не возбуждать дальнѣйшей предпріимчивости, тѣмъ болѣе послѣ открытія доступа въ Сибирскій океанъ, изслѣдованіе котораго обѣщаетъ результаты, важные не только съ точки зрѣнія науки, но и прямой практической пользы.

Полярныя экспедиціи, по словамъ Норденшельда, послужили практическою школою для шведскихъ естествоиспытателей; доставили важныя научныя и географическія свѣдѣнія, и шведскіе музеи сдѣлались самыми богатыми музеями въ свѣтѣ по части коллекцій полярныхъ странъ. Къ этимъ научнымъ результатамъ присоединились другіе, болѣе существенные. Въ этомъ отношеніи шведскія полярныя экспедиціи собрали новые матеріалы по метеорологіи и гидрографіи, доставили драгоцѣнныя свѣдѣнія для рыбной ловли, открыли рыбныя богатства Шпицбергена; далѣе онѣ привели къ открытію на островахъ Медвѣжьемъ и Шпицбергенѣ значительныхъ залежей каменнаго угля и фосфоритовъ— значеніе которыхъ не малое въ будущемъ; наконецъ, этими экспедиціями разрѣшенъ окончательно вѣковой вопросъ, а именно, открытъ новый морской путь, идущій не только въ Западную, но и въ Восточную Сибирь къ устьямъ Оби, Енисея и Лены, а быть можетъ и

соединяющій Европу кратчайшимъ путемъ съ Японіей и Калифорніей.

Гетеборгъ не похожъ на тѣ города, черезъ которые всѣ проѣзжали и которыхъ никто не видалъ. Онъ имѣетъ своеобразную физіономію, рѣзко отличающую его отъ другихъ шведскихъ городовъ. Хотя населеніе города не очень велико, только 70,000, но городъ имѣетъ внушительную наружность, слегка напоминая Чикаго. Улицы широки, дома высоки и новой постройки; городъ прорѣзывается каналами съ великолѣпными набережными; по этимъ каналамъ ходятъ суда и пароходы; мостовая отличная; посреди города два театра и громадный паркъ съ газонами и цвѣточными клумбами въ родѣ парижскихъ скверовъ. Провинціальный оттѣнокъ выражается развѣ въ томъ, что магазины открываются въ 7 часовъ утра и очень мало извозчиковъ. Я обратилъ еще вниманіе на курьезный памятникъ Густава-Адольфа на главной площади. Великій полководецъ изображенъ въ какомъ-то „гишпанскомъ“ оперномъ костюмѣ точно изъ „Трубадура“. Скорѣе въ такомъ видѣ можно бы поставить монументъ Густаву III.

Гетеборгъ замѣчателенъ еще какъ пунктъ, откуда направляется изъ Швеціи въ Соединенные Штаты довольно значительная эмиграція. Онъ торгуетъ особенно съ Англіей и Даніей, а также служитъ денежнымъ рынкомъ для Христіаніи и вообще для южной Норвегіи. Хотя торговля Швеціи теперь въ застоѣ, но портъ Гетеборга поразилъ меня движеніемъ. Огромнѣйшая и спокойная гавань его еще далеко не обстроена и городъ когда нибудь будетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ Европѣ. Онъ и теперь очень красивъ съ моря. Въ от-

личіе отъ Норвегіи, гдѣ до сихъ поръ держится парусное судоходство, шведскія гавани полны пароходами, работающими въ сѣверныхъ водахъ гораздо выгоднѣе парусныхъ судовъ. Въ Гетеборгѣ со шведскими пароходами конкуррируютъ еще многочисленные датскіе пароходы. На одинъ изъ послѣднихъ—„Aarhuus“ я и сѣлъ, чтобы по Категату отправиться въ Копенгагенъ. Этотъ пароходъ содержитъ прямое сообщеніе и не заходитъ никуда по дорогѣ, почему переходъ совершается въ одну ночь.

Страшно скверная погода, обѣщавшая безпокойный переходъ, рано загнала меня изъ города на пароходъ. Дожидаясь минуты отхода, я наблюдалъ пассажировъ и сразу оцѣнилъ коренное различіе датчанъ отъ шведовъ. Пуншъ, не сходившій до того со стола, вовсе не требовался: началось царство коньяка. Каждый изъ пассажировъ, войдя на палубу и сложивъ вещи, требовалъ содовой воды и бутылку коньяку, затѣмъ наливалъ рюмку для себя и рюмку для капитана парохода, красиваго молодого краснощекаго датчанина, передъ тѣмъ плотно пообѣдавшаго. Такъ какъ явилось по крайнѣй мѣрѣ человѣкъ двадцать пассажировъ, то капитану изъ любезности пришлось выпить по крайней мѣрѣ двадцать новыхъ рюмокъ коньяка. Только или коньякъ былъ слабъ, или датчане народъ крѣпкій, но у капитана не было, что называется, „ни въ одномъ глазѣ“.

IV.

Зундъ.—Могила Гамлета.—Копенгатенъ.— Бомбардировка.— Первое впечатлѣніе.— Принцъ Лулу.— Датская литература.— Торвальдсенъ и его музей.— Достопримѣчательности столицы.

Послѣ безпокойнаго перехода по Категату, очень пріятно было проснуться утромъ въ тихихъ водахъ Зунда. Зундъ для большинства представляется только въ видѣ воспоминанія о множествѣ скучнѣйшихъ статей касательно зундской пошлины, наводившихъ унынie на читателей журналовъ и газетъ; между тѣмъ Зундъ прелестное мѣсто, одно изъ тѣхъ, которыя навсегда остаются въ памяти туриста. Это, конечно, не Босфоръ, но въ своемъ родѣ весьма эффектный видъ. Берега Даніи и Швеціи закругляются и какъ бы соединяются; море кажется здѣсь озеромъ, усѣяннымъ по берегамъ городами и поселеніями, на поверхности— безчисленное множество судовъ, идущихъ подъ парусами и парами или стоящихъ въ ожиданіи благопріятныхъ вѣтровъ. Шведскій берегъ отдаленъ и не такъ рельефенъ, датскій—рукой подать; судно неизбѣжно идетъ въ датскихъ территоріальныхъ водахъ, и это-то обстоятельство служило поводомъ къ взи-

манію въ теченіи вѣковъ пресловутой пошлины, противъ которой возмутились, наконецъ, Соединенные Штаты, а затѣмъ и другія державы, смекнувшія, что у Даніи нѣтъ болѣе силъ отстаивать съ оружіемъ въ рукахъ свое историческое право.

Кронборгъ, подъ выстрѣлами котораго проходятъ суда, теперь только красивая декорація съ башнями и колокольнями. Бастіоны крѣпости служатъ болѣе для прогулокъ и чтобы любоваться красивыми видами на Зундъ. Тутъ находится дворецъ Маріенлистъ, гдѣ лѣтомъ живетъ королевская фамилія, а далѣе, въ двухъ шагахъ, городокъ Гельзингборгъ, который для датчанъ представляетъ только мѣсто морскихъ купаній, но для туристовъ, особенно для англичанъ, фанатическихъ поклонниковъ Шекспира, дорогъ, потому что здѣсь предполагается мѣсто дѣйствія „Гамлета“.

Извѣстно, что великій англійскій поэтъ не былъ слишкомъ твердъ въ географіи и исторіи; такъ и въ данномъ случаѣ датскіе пуристы-ученые Христомъ-богомъ клянутся, ссылаясь на Саксона Грамматика, что никогда никакого Гамлета въ Гельзингборгѣ не было, а жилъ одинъ Гамлетъ въ Ютландіи на материкѣ, но туристы знать не хотятъ ученой эрудиціи. Каждый годъ аккуратно пріѣзжаютъ сюда десятки англійскихъ семействъ и догадливые гиды спѣшатъ показывать имъ и могилу Гамлета—каменную тумбу посреди рощи, и озеро, гдѣ утопилась будто бы Офелія. Шекспиръ, правда, говоритъ, что бѣлокурая красавица бросилась въ рѣчку, но по тщательнымъ поискамъ никакихъ рѣчекъ и ручьевъ вокругъ Гельзингборга не оказалось, между тѣмъ быть на родинѣ Гамлета и не плакать надъ участью Офеліи

не имѣло бы ровно никакого смысла и не окупало бы расходовъ поѣздки, почему пришлось угощать англичанъ озеромъ.

Теперь Гельзингборгъ не имѣетъ ничего трагическаго. Красивые красные домики, напоминающіе дачныя постройки, три, четыре вѣтряныя мельницы и множество флаговъ на шестахъ, между которыми вырѣзывается изобиліемъ красный флагъ Данеброга—вотъ и весь городъ.

Флагъ Данеброга—національный въ Даніи. О происхожденіи его существуетъ цѣлая легенда. Какъ-то въ сраженіи Вальдемара Побѣдоноснаго съ эстами, язычники начали тѣснить датчанъ; архіепископъ Сунесенъ, участвовавшій въ бою, поднялъ руки кверху и началъ горячо молиться. Въ отвѣтъ на эту молитву съ неба свалилось знамя Данеброга, вокругъ котораго сомкнулись смятые датскіе рыцари и разбили на-голову невѣрныхъ. Ничего подобнаго съ тѣхъ поръ въ Эстляндской губерніи не случалось, — но Данеброгъ сталъ дорогъ датскимъ сердцамъ. Съ нимъ связано много разныхъ воспоминаній. Этимъ именемъ назывался, напр., корабль, на которомъ Витфельдъ геройски взлетѣлъ на воздухъ въ 1710 году, чтобы не сдаться шведамъ; высшій орденъ въ Даніи носитъ также названіе Данеброга. Онъ дается лишь коронованнымъ особамъ и лицамъ, могущимъ доказать свое дворянское происхожденіе въ десяткѣ поколѣній. Только для Торвальдсена было сдѣлано въ послѣднемъ отношеніи исключеніе на томъ, вѣроятно, основаніи, что онъ былъ „царемъ“ скульптуры.

Оставивъ въ сторонѣ островокъ Венъ, гдѣ нѣкогда Тихо-де-Браге принималъ королей въ своей знаменитой обсерваторіи, и пройдя вдоль множества веселыхъ и

красивыхъ дачныхъ домиковъ, пароходъ подходитъ къ датской столицѣ, попасть въ которую можно только лавируя среди цѣлаго ряда новыхъ и старыхъ морскихъ батарей и укрѣпленій. Въ недавнее еще время Копенгагенъ и съ сухого пути былъ окруженъ крѣпостными постройками; теперь онѣ срыты и обращены подъ дома и бульвары. Приморскія укрѣпленія, повидимому, серьезны, они вооружены стальными крупповскими орудіями и оставляютъ входъ въ гавань весьма узкій и образующій какъ бы проливъ между двумя островами. Направо на большомъ островѣ и частью на материкѣ раскинулась столица Даніи, вслѣдствіе низменнаго и закрытаго положенія и однообразія кирпичныхъ построекъ, не производящая особаго впечатлѣнія, налѣво—длинный узкій островъ, занятый военнымъ портомъ. Кромѣ того, по обѣ стороны пролива устроено нѣсколько бассейновъ и каналовъ, врѣзывающихся въ твердую землю и служащихъ доками для выгрузки и нагрузки купеческихъ кораблей и пароходовъ.

Обширный военный портъ Копенгагена, отдѣляющійся отъ пролива брекватеромъ, даетъ наилучшее понятіе о современномъ могуществѣ Даніи. Нѣкогда первоклассная морская держава, боровшаяся съ соединенными флотами Англіи, Швеціи и Ганзейскаго союза, Данія едва имѣетъ теперь средства вооружить нѣсколько легкихъ судовъ для крейсерства. Остатки бывшаго военнаго флота, еще въ послѣднюю войну игравшаго коекакую роль, для сокращенія расходовъ введены въ портъ, разоружены, надъ палубами ихъ построены крыши, и корабли мирно догніютъ свой вѣкъ, не дождавшись,

когда имъ придется отомстить Германіи за разгромъ 1864 года.

Нѣмцы, впрочемъ, такъ сказать, доканали Данію. Подорвали датское могущество англичане, которыхъ зависть не могла выносить морскихъ силъ другой державы, а особенно столь удачно поставленной въ географическомъ и стратегическомъ положеніи, какъ Данія. Бомбардировка Копенгагена въ 1801 г. была уже вещью возмутительною, но бомбардировка 2-го сентября 1807 года превосходитъ своею наглостію самые темные эпизоды всемірной исторіи и покрываетъ несмываемымъ позоромъ націю, претендующую еще на репутацію высоконравственной.

Данія находилась въ мирѣ съ цѣлымъ свѣтомъ, когда un beau matin увидѣла у береговъ своихъ англійскій военный флотъ изъ шестидесяти судовъ съ двадцатью тысячами человѣкъ десанта. Подъ предлогомъ, что Данія можетъ оказать содѣйствіе Наполеону къ высадкѣ въ Англію, англійскій адмиралъ потребовалъ сдачи въ его руки крѣпости Кронборгъ, копенгагенскаго военнаго порта и выдачи всего военнаго флота, обѣщаясь уплатить за послѣдній по оцѣнкѣ.

— Но чѣмъ заплатите вы намъ за потерянную честь? гордо отвѣчалъ датскій принцъ-регентъ.

Хотя въ Копенгагенѣ было всего 5.000 человѣкъ войска, но жители быстро сформировали ополченіе и возвели береговыя батареи. Энтузіазмъ не привелъ, однако, ни къ чему. Англійскій флотъ издалека разстрѣлялъ датскія батареи, а конгревовыми ракетами зажегъ съ разныхъ концовъ ни въ чемъ неповинный городъ. Въ три дня половина Копенгагена была выжжена и болѣе

трехъ тысячъ жителей, въ томъ числѣ множество женщинъ и дѣтей, убито. 7-го сентября губернаторъ столицы подписалъ капитуляцію и сдалъ англичанамъ городъ, арсеналъ и крѣпость. Англичане самымъ безстыднымъ образомъ разграбили арсеналъ, захватили весь датскій флотъ, и посадивъ на него свои команды, увели поскорѣе воровскимъ образомъ, опасаясь, чтобы французы не пришли къ датчанамъ на помощь. Въ одинъ день Данія лишилась шестнадцати линейныхъ кораблей и двадцати фрегатовъ.

Вотъ какъ безцеремонно дѣйствовали англичане, когда дѣло шло объ ихъ знаменитыхъ интересахъ! И что же, тѣ же англичане не постыдились въ 1864 году, конечно, на словахъ, выставлять себя исконными друзьями Даніи и въ парламентѣ апплодировать случайнымъ успѣхамъ датскаго флота противъ пруссаковъ. „Коварство Альбіона“, надъ которымъ смѣялись, какъ надъ французской фразой, теперь достаточно оцѣнено, впрочемъ, всѣми по достоинству.

Нашъ пароходъ, имѣвшій кромѣ пассажировъ, большой грузъ газетной бумаги, отправляемой со шведскихъ фабрикъ на континентъ, присталъ прямо къ набережной у таможни, гдѣ не успѣли еще таможенные чиновники протереть заспанные глаза, какъ дюжіе носильщики потащили наши вещи по гостинницамъ, предупреждая, что брать извозчиковъ напрасная роскошь, потому что всюду рукой подать. Въ былое время въ таможнѣ спрашивали о цѣли вашей поѣздки; датское правительство косо смотрѣло на путешественниковъ ради только однихъ удовольствій, но теперь такой заботливый спросъ отмѣненъ, тѣмъ болѣе, что только развѣ для грубыхъ сыновъ Нор-

вегіи Копенгагенъ могъ казаться очарованнымъ мѣстомъ, отпуская куда своихъ дѣтей матери молились, какъ бы современныя Цирцеи сохранили имъ хотя бы рубашку для возвращенія.

На континентальнаго туриста Копенгагенъ, съ его аккуратными однообразными постройками, чистенькими и пустынными улицами, гдѣ не слышно никакого шума и не попадается почти экипажей, производитъ впечатлѣніе чинности и скуки. Такое заключеніе будетъ, однако, поспѣшно, потому что датчане въ общемъ итогѣ веселый и любезный народъ, любящій удовольствія, а городъ, стоящій на всемірномъ распутіи, никогда, конечно, не можетъ похвалиться своею нравственностью. Улицы, ведущія отъ таможни къ центру города, особенно пустынны: это аристократическій кварталъ города. Дома принадлежатъ датской аристократіи или заняты канцеляріями, больницами и другими казенными учрежденіями. Тутъ же живетъ дипломатическій корпусъ, а на Amaliengade находится и королевская резиденція.

Въ Копенгагенѣ много дворцовъ, но они обращены по большей части въ музеи; король избралъ для жительства самый небольшой—Амальенборгъ на площади того же имени, украшенной конной статуей короля Фридриха V, покровителя искусствъ и торговли. Дворецъ состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ двухэтажныхъ корпусовъ одинаковой архитектуры во вкусѣ рококо, поставленныхъ вокругъ площади. Дворъ занимаетъ только одинъ изъ нихъ, величиною не превосходящій помѣщичьяго дома средней руки. Король Христіанъ IX живетъ здѣсь едва ли не скромнѣе всѣхъ другихъ государ-

рей Европы. Умѣренность въ образѣ жизни простирается до того, что, какъ разсказываютъ, на парадныхъ обѣдахъ подаютъ шпинатъ съ яйцами, точно въ патріархальномъ буржуазномъ семействѣ. Чопорный этикетъ, которымъ нѣкогда славился датскій дворъ, окончательно оставленъ. Когда война 1864 года повела къ отторженію отъ датской короны половины ея владѣній, парламентъ сбавилъ liste civile на половину. Король со всѣмъ семействомъ получаетъ около 400,000 руб., кромѣ того тысячъ полтораста даютъ удѣльныя имѣнія. Уже сама по себѣ цифра эта не велика при необходимости содержать въ одномъ Копенгагенѣ нѣсколько дворцовъ, но скромности жизни содѣйствуютъ и личные вкусы датскаго королевскаго семейства. Положительно можно сказать, однако, что очень немного королевскихъ домовъ въ Европѣ пользуются одновременно такимъ высокимъ уваженіемъ въ Европѣ и любовью своихъ подданныхъ. Если еще датчане не могутъ извинить своему королю, что онъ, какъ нѣмецъ, не совсѣмъ чисто говоритъ по-датски, то чрезвычайно любятъ наслѣднаго принца Фридриха. Всѣ члены королевскаго семейства отличаются высокою нравственностью и прекраснымъ образованіемъ.

Счастливая судьба членовъ этого высокаго семейства извѣстна. Незамужнею оставалась только принцесса Тира, таланты которой привлекали многихъ искателей руки. Она вышла, наконецъ, за герцога Кумберландскаго, счастливаго наслѣдника секвестрованныхъ Пруссіей милліоновъ; при мнѣ же въ Копенгагенѣ проживалъ, въ качествѣ неудачнаго претендента, злосчастный императорскій принцъ, болѣе извѣстный подъ именемъ „Лулу“. Подъ предлогомъ посѣщенія своего родственника, ко-

роля шведскаго, онъ по дорогѣ остановился въ Копенгагенѣ, гдѣ встрѣтилъ радушный пріемъ со стороны королевскаго семейства, хотя претензіи Бонапарта породниться, помощью брака на принцессѣ Тирѣ, съ царствующими домами россійскимъ и великобританскимъ и не удались.

Принцъ Лулу жилъ въ той же гостинницѣ „Hôtel d'Angleterre", что и я. Онъ, то и дѣло, что встрѣчался въ корридорахъ. Это былъ молодой человѣкъ средняго роста, довольно худощавый, съ длиннымъ носомъ и длинною шеею, но стройный и съ хорошими манерами; выраженіе голубыхъ глазъ напоминало императрицу Евгенію. Принцъ былъ очень вѣжливъ со всѣми, а народъ принималъ его любезно, какъ бы догадываясь о цѣли его посѣщенія; когда онъ выходилъ на улицу, всѣ снимали шляпы. Обстановка принца была очень скромная. Съ принцемъ были два спутника и три лакея. Послѣдніе своимъ величественнымъ министерскимъ видомъ и тонкою критикою винъ поражали всѣхъ присутствующихъ за табль-д'отомъ въ гостинницѣ.

„Hôtel d'Angleterre" — великолѣпная во всѣхъ отношеніяхъ гостинница на площади Kongens Nytorw, которая, подобно мадридской Puerta del Sol, составляетъ и математическій и дѣйствительный центръ датской столицы. Къ этой площади ведутъ тринадцать наиболѣе оживленныхъ улицъ и она украшена небольшимъ скверомъ съ уморительной свинцовой статуей короля Христіана V, который аллегорически поражаетъ шведовъ. Но въ дѣйствительности авторъ уродливой статуи „поражаетъ" своею бездарностью. На этой же площади находится старинное зданіе кадетскаго корпуса и королев-

скій театръ, украшенный двумя большими статуями Эленшлегера и Гольберга—Шекспира и Мольера Даніи. Вмѣстѣ съ Андерсономъ, это знаменитѣйшіе писатели не только Даніи, но и всего скандинавскаго міра. Маленькая Данія, кромѣ того, еще насчитываетъ нѣсколько крупныхъ талантовъ: Эвальда, Гейберга, Весселя, Багесена, Эрикъ Бега, Плуга, Фабера и др., но если голландцы увѣряютъ, что стоитъ выучиться ихъ языку только для того, чтобы прочесть Бильдердика въ подлинникѣ, то я сильно сомнѣваюсь, чтобы общій итогъ всѣхъ датскихъ знаменитостей заставилъ кого-либо выучиться нарочно по-датски.

Въ датской литературѣ преобладаетъ элементъ лирическій — патріотическіе гимны и народныя пѣсни; можетъ быть на это есть причина въ народномъ характерѣ,—едва ли писать коротко не побуждаютъ датчанъ и соображенія экономическія. Я познакомился въ Копенгагенѣ съ однимъ молодымъ книгопродавцемъ, который, на вопросы о его профессіи, далъ мнѣ приблизительно такой отвѣтъ:

— Вы видите здѣсь на каждомъ шагу книжныя лавки,— въ Даніи дѣйствительно всѣ грамотны и всѣ читаютъ,—но насъ, датчанъ, такъ мало, что все-таки издательская дѣятельность не представляетъ никакихъ серьезныхъ выгодъ. Высшая плата лучшимъ нашимъ писателямъ 100 кронъ (40 рублей) за листъ, да и можно ли заплатить дороже, когда продажа книги въ 1,000 экземпляровъ считается уже въ Даніи громаднымъ успѣхомъ. Наши книги читаются еще въ Норвегіи, языкъ которой отличается отъ нашего только незначительными провинціализмами. Въ Швеціи хотя много толкуютъ о

скандинавскомъ единствѣ, но нашъ языкъ плохо понимаютъ, а нашихъ книгъ вовсе не выписываютъ. Въ Исландіи не читаютъ здѣшнихъ книгъ,—тамъ сохранили свое собственное средневѣковое нарѣчіе.

Понятно, что при такихъ условіяхъ, гг. Боборыкины въ Даніи немыслимы. Площадь королевства мала для ихъ объемистыхъ писаній. Драматургія тоже въ упадкѣ, хотя въ одномъ Копенгагенѣ три театра. Старыя комедіи Гольберга, которыя въ переводѣ кажутся скорѣе французскими фарсами, привлекаютъ еще публику, но болѣе всего гордятся копенгагенцы своимъ балетомъ! Лѣтнія вакаціи помѣшали мнѣ оцѣнить датскихъ „амуровъ и зефировъ“; отъ людей бывалыхъ слыхалъ я, однако, что ничего особеннаго эти бѣлокурыя граціи, вдохновляемыя Гамбринусомъ, не представляютъ.

Пластика, впрочемъ, можетъ быть доступна датчанамъ; доказательствомъ служитъ Бертель Торвальдсенъ, котораго до сихъ поръ признаютъ величайшимъ современнымъ скульпторомъ, хотя право его на этотъ титулъ пора, кажется, пересмотрѣть. Торвальдсенъ, загробный ученикъ Фидіаса; онъ усвоилъ себѣ лучше всѣхъ новѣйшихъ мастеровъ манеру грековъ, ихъ строгую простоту, нравственное благородство, вѣрность рисунка, изящество и чистоту стиля и цѣломудренную прелесть, но это усвоеніе, это движеніе по извѣстному пути и лишаетъ творенія Торвальдсена оригинальности.

Надобно, наконецъ, признать, что мы не имѣемъ и не можемъ имѣть той страстной любви къ формамъ, которая была врожденна грекамъ. Для послѣднихъ тѣлесная красота имѣла такую цѣну, что ставилась выше всего, выше законовъ, нравственности, стыдливости и

правосудія. Исторія Аспазіи на этотъ счетъ особенно поучительна. Она какъ-то забеременила и ея прекраснымъ формамъ угрожала опасность. Ареопагъ обязалъ ее сдѣлать выкидышъ; высшій судъ въ Аѳинахъ счелъ обязанностью пожертвовать жизнью ребенка для сбереженія красоты знаменитой куртизанки! „Можно ли вообразить себѣ, говоритъ по этому поводу Э. Веронъ въ своемъ курсѣ эстетики, чтобы въ Парижѣ, напримѣръ, кассаціонный судъ въ торжественномъ засѣданіи предписывалъ убійство изъ опасенія, что беременность испортитъ гармонію и пропорцію чьего нибудь тѣла? А это-то коренное различіе взглядовъ и дѣлаетъ невозможнымъ навязываніе современной скульптурѣ идеала древняго искусства“.

Нашъ образъ жизни даетъ слишкомъ мало моделей для пластическихъ искусствъ, условія нашего климата требуютъ одежды, скрывающей формы; при этихъ условіяхъ нашъ глазъ отучается цѣнить послѣднія и источникомъ моделей служатъ только музеи. Такимъ образомъ, современная скульптура лишена реальной дѣйствительности, живаго источника вдохновенія и обречена на подражаніе древнему искусству, т. е. на эстетическую подчиненность. Если въ чемъ могли бы современные скульпторы превзойти древнихъ, то это экспрессіей и движеніемъ. Карпо, нашъ Антокольскій и др. современные скульпторы поняли это, но Торвальдсенъ еще вращался въ кругѣ прежнихъ эстетическихъ понятій.

Во всѣ свои произведенія датскій скульпторъ внесъ основной тонъ греческой пластики: простоту и спокойствіе. Все страстное и восторженное ему совершенно

чуждо; кроткая важность и цѣломудренная прелесть или внутренняя ясность и веселость составляютъ жизненный элементъ его художества. Его произведенія не родились изъ глубины взволнованнаго страстными порывами духа, а возникли на гладкой поверхности спокойной души, поэтому они болѣе плѣняютъ глаза, нежели трогаютъ, скорѣе возбуждаютъ холодное восхищеніе, нежели интересъ. Видно, что сѣверная натура скульптора, не смотря на постоянное пребываніе въ Италіи, не прониклась достаточно южнымъ жаромъ.

Торвальдсенъ работалъ въ то время, когда истинные художники должны были непремѣнно жить въ Римѣ, носить длинныя гривы и презирать все, кромѣ античной скульптуры и живописи Возрожденія, а особенно третировать свысока все отечественное. Сорокъ три года прожилъ онъ безвыѣздно въ Римѣ, пользуясь славою перваго въ Европѣ художника, ласкаемый сильными міра сего и заваленный до такой степени заказами, что является сомнѣніе, могъ ли онъ выполнить тѣ сотни статуй, бюстовъ и барельефовъ, которые помѣчены его именемъ. Когда, чувствуя приближеніе смерти, Торвальдсенъ пожелалъ, въ 1838 году, видѣть отечество, то Данія сдѣлала неслыханный пріемъ этому баловню судьбы, слава котораго установилась съ перваго же произведенія и который всю жизнь зналъ одни тріумфы, восхваляемый своими соперниками, превозносимый критиками и пользуясь милостями монарховъ-покровителей искусствъ, какихъ тогда было не мало вслѣдствіе моды, пущенной баварскимъ королемъ.

Военный фрегатъ прибылъ за Торвальдсеномъ въ Ливорно. Когда судно подошло къ Копенгагену, форты на-

чали салютовать королевскимъ салютомъ, флотъ украсился флагами. Весь городъ вышелъ на встрѣчу великому человѣку, члены королевской фамиліи принимали его какъ равнаго, а всѣ городскія корпораціи явились со своими значками; мало того, граждане города выпрягли изъ кареты лошадей и везли его на себѣ. Похороны скульптора шесть лѣтъ спустя были днемъ общественной скорби и Копенгагенъ воздвигъ своему генію замѣчательный памятникъ — музей, гдѣ собраны въ оригиналахъ или въ копіяхъ всѣ произведенія Торвальдсена безъ исключенія.

Этотъ музей, во дворѣ котораго и похороненъ великій скульпторъ, представляетъ снаружи довольно уродливое четырехъ-угольное зданіе въ египетскомъ стилѣ, украшенное сильно полинявшими фресками, изображающими прибытіе Торвальдсена въ столицу Даніи и перевозку его произведеній. Зато внутри музей устроенъ превосходно; онъ состоитъ, кромѣ перистиля, гдѣ помѣщены колоссальныя вещи, изъ ряда небольшихъ залъ въ два этажа, выкрашенныхъ темною краскою и удачно освѣщенныхъ. Каждая зала содержитъ какое нибудь крупное произведеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ второстепенные: бюсты, барельефы, эскизы и проч. Нѣсколько залъ занимаютъ библіотека и картинная галлерея Торвальдсена, его мебель и собраніе древностей. Словомъ, это зданіе вполнѣ можетъ быть названо „храмомъ искусства“ и дѣлаетъ честь столицѣ, его воздвигшей. Копенгагенъ, впрочемъ, извлекаетъ отъ Торвальдсена барыши, разсылая по всему свѣту копіи съ его произведеній въ видѣ фотографій, гипсовыхъ статуй и бисквитовъ. По-

слѣдніе—произведенія знаменитой королевской фарфоровой фабрики.

Самыя извѣстныя произведенія Торвальдсена: Три граціи, Психея и Амуръ, Ганимедъ съ орломъ, Вакхъ и Аріадна; барельефы: ночь и тріумфъ Александра, имѣются въ музеѣ, къ сожалѣнію, только въ копіяхъ. Въ копіяхъ же большая часть бюстовъ и статуй во весь ростъ, сдѣланныхъ съ натуры; между послѣдними извѣстны статуи русскихъ красавицъ княгини Барятинской и графини Остерманъ. Въ Копенгагенѣ, впрочемъ, можно любоваться вдоволь и подлинниками Торвальдсена; вся церковь Богоматери Fruekirke, ничтожное зданіе въ псевдо-классическомъ стилѣ, украшена его рукою. Тутъ находится знаменитая коллекція Христа и двѣнадцати апостоловъ, въ которой современная Торвальдсену критика видѣла торжество искусства, необыкновенное сочетаніе религіозно-христіанскаго содержанія съ формами классической чистоты, но гдѣ болѣе новѣйшіе цѣнители признаютъ уже упадокъ таланта и исключительно ремесленную ловкость рукъ.

Этотъ соборъ, благодаря своимъ украшеніямъ, одно изъ немногихъ выдающихся зданій Копенгагена, вообще бѣднаго въ архитектурномъ отношеніи. Пожары и англійскія бомбардировки повліяли на то, что Копенгагенъ обстроился весьма однообразными домами безъ всякаго опредѣленнаго характера, напоминающими любой нѣмецкій провинціальный городъ. Едва ли не самое интересное зданіе въ столицѣ Даніи—биржа, подражаніе которой было избрано какъ образецъ датской архитектуры для парижской всемірной выставки въ извѣстной „Улицѣ народовъ“. Зданіе это начала XVII столѣтія въ

стилѣ переходномъ отъ готическаго къ рококо замѣчательно высокою колокольнею, крыша которой курьезно составлена изъ 4 драконовъ, задравшихъ вверхъ хвосты. Эта колокольня невольно обращаетъ вниманіе, когда подъѣзжаешь къ Копенгагену на пароходѣ. Построена биржа при Христіанѣ IV, котораго шестидесятилѣтнее царствованіе было вѣкомъ наибольшаго могущества Даніи. Къ той же эпохѣ принадлежитъ такъ называемая „Круглая башня“, замѣчательная для насъ, русскихъ, тѣмъ, что Петръ Великій подъ веселую руку, подражая старымъ датскимъ рыцарямъ, въѣзжалъ на ея крышу верхомъ на лошади.

V.

Копенгагенскіе дворцы. — Графиня Даннеръ. — Струензе. — Тиволи. — Датскія политическія партіи. — Датскіе крестьяне. — Желѣзная дорога въ Корзеръ.—Киль.

О разныхъ копенгагенскихъ дворцахъ почти не стоитъ упоминать. Главный изъ нихъ, Христіансборгъ, строился и перестраивался чуть не цѣлое столѣтіе и въ результатѣ получилась большая масса камня и кирпича, напоминающая казарму. Покойный король Фридрихъ VII жилъ въ этомъ дворцѣ, но теперь дворецъ открывается только для собранія палатъ и для разныхъ придворныхъ церемоній. Залы его, содержащія многія картины изъ датской исторіи—лучшіе Блоха и Зана—служатъ какъ бы музеемъ. Тутъ же сосредоточены и другіе образцы датскаго искусства: ваянія Торвальдсена и Биссена, пейзажи Сковгаарда и Румпа, морскіе виды Мельби и Симонсена, жанры Марштранда и особенно Экснера, котораго датчане считаютъ своимъ лучшимъ національнымъ живописцемъ, Андерсеномъ живописи. Передъ дворцомъ стоитъ недурная конная статуя короля Фридриха VII. Не смотря на военную обстановку, цѣль ея—увѣковѣчить дарованіе странѣ конституціи.

Датчане получили конституціонную хартію только въ 1848 году, по иниціативѣ короля Фридриха VII, который, впрочемъ, изъ самолюбія думалъ было сначала отречься отъ престола. Свобода de facto водворилась въ Даніи гораздо ранѣе, съ короля Фридриха VI. Еще въ 1820 году прусское правительство жаловалось на свободу печати, существовавшую въ Копенгагенѣ.

Король Фридрихъ VII былъ личность чрезвычайно популярная въ датскомъ народѣ. Онъ прославился не только дарованіемъ конституціи, но и своимъ оригинальнымъ третьимъ бракомъ. Еще наслѣднымъ принцемъ онъ влюбился въ Луизу Расмуссенъ, бѣдную дѣвушку, которая была гувернанткою въ Норвегіи, затѣмъ актрисою въ Парижѣ и, наконецъ, модисткою въ Копенгагенѣ; принцъ познакомился съ ней въ модномъ магазинѣ. Замѣчательно, что любовь вспыхнула вновь черезъ пятнадцатилѣтній промежутокъ, въ теченіи коего принцъ успѣлъ развестись съ двумя женами. Дождавшись вступленія на престолъ, онъ сдѣлалъ Луизу баронессой, а черезъ два года торжественно женился на ней морганатическимъ, впрочемъ, бракомъ, давъ бывшей бѣдной гувернанткѣ титулъ графини Даннеръ. При жизни короля графиня, отличавшаяся умомъ и благородствомъ, очень искусно поддерживала достоинство королевы. По смерти Фридриха VII, въ 1863 году, она удалилась отъ двора и жила во Франціи, а теперь умерла, завѣщавъ Даніи большое состояніе на благотворительныя дѣла; послѣдними она съ жаромъ занималась и при жизни.

Несравненно изящнѣе Христіансборга другой королевскій дворецъ — Розенборгъ, выстроенный въ началѣ XVII столѣтія знаменитымъ англійскимъ архитекторомъ

Иниго Джонсомъ, построившимъ лондонскій Уайтголь. Дворецъ въ псевдо-готическомъ стилѣ, богато украшенномъ фантазіей архитектора, также служитъ королевскимъ музеемъ, а роскошный паркъ вокругъ—сборнымъ мѣстомъ копенгагенскихъ нянекъ съ будущими гражданами и гражданками столицы. Розенборгъ памятенъ въ датской исторіи драматическими эпизодами любви несчастнаго Струензе къ королевѣ Каролинѣ Матильдѣ, датской Маріи-Стюартъ.

Безжалостная исторія уничтожаетъ поэтическій ореолъ историческихъ дѣятелей, такъ и вліяніе Струензе на королеву объяснено теперь—увы!—весьма и весьма прозаически-венерическою болѣзнью, полученною отъ него королевою. Струензе, котораго враждебное отношеніе къ христіанству прославило въ кругу всемогущихъ въ XVIII столѣтіи энциклопедистовъ, очень высоко цѣнится датскими историками, хотя политика Струензе, состоявшая во враждѣ къ Россіи и сближеніи съ Франціей, и привела къ постепенному уничтоженію значенія Даніи въ Европѣ. Жизнь этого „случайнаго человѣка“ послужила матеріаломъ для множества романовъ, драмъ и оперъ; дѣйствительно, его біографія позанимательнѣе всякаго романа. Въ Розенборгѣ происходилъ знаменитый маскарадъ 16-го іюня 1772 года, когда у полоумнаго короля вырвали приказъ арестовать и заключить въ тюрьму королеву Каролину Матильду и Струензе. Здѣсь, въ 4 часа утра, графъ Ранцау съ тремя офицерами сабли на-голо ворвались въ спальню королевы и, стащивъ ее раздѣтою съ постели, отвезли въ Кронборгъ. Сидя въ заключеніи и кормя грудного ребенка, узнала она, что Струензе, прикованнаго желѣзнымъ ошейникомъ къ стѣнѣ,

пытали и, не смотря на отсутствіе уликъ, приговорили къ мучительной смертной казни, и что жители Копенгагена, въ припадкѣ какого-то безумнаго восторга, ровно ничѣмъ не мотивированнаго, иллюминовали свои дома и устраивали уличныя демонстраціи, радуясь паденію человѣка, впервые даровавшаго датскому народу свободу.

Розенборгскій музей, какъ всѣ историческіе музеи, содержитъ много разнаго оружія. Туристовъ привлекаютъ, однако, не эти смертоносныя орудія, а болѣе скромныя орудія выпивки. Въ этомъ отношеніи въ Даніи замѣтенъ упадокъ искусства, со временъ ихъ миѳологическаго бога Тора, который, даже переодѣвшись невѣстою, выпивалъ для утоленія жажды три бочки пива. Въ Розенборгѣ сохраняется замѣчательная кружка, изъ которой пили еще въ историческія времена—это серебряный всадникъ верхомъ на лошади. Такая порція считалась достаточною для ужина! Но уже при королѣ Христіанѣ VI, въ первой половинѣ XVIII столѣтія, она уменьшилась: охотничій стаканъ этого короля вмѣщаетъ только двѣ бутылки вина. Теперь въ Даніи все маленькое, даже бутылки показались мнѣ какъ будто бы меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ...

Данія такая страна, гдѣ простому человѣку живется веселѣе, нежели титулованному. Остатки датской аристократіи, совершенно утратившей всякое политическое значеніе, живутъ замкнуто въ своихъ домахъ по Амаліенгаде и Бредгаде. Доступъ въ эти дома также труденъ для иностранца, какъ и въ дома англійской аристократіи, потому и скука царитъ тутъ невозможная, напоминающая египетскую скуку маленькихъ чопорныхъ дво-

ровъ Германіи. Наоборотъ, народъ и среднее сословіе веселится и живетъ открытою жизнью. Краснощекому датчанину, сытому и довольному, нужны воздухъ и движеніе, поэтому всѣ увеселенія на открытомъ воздухѣ процвѣтаютъ въ Копенгагенѣ. Для прогулокъ и народныхъ гуляній имѣется въ маленькой столицѣ Даніи не мало мѣстъ. Бульвары, замѣнившіе бывшія укрѣпленія, а особенно такъ называемая „Длинная линія“, между цитаделью и портомъ, съ отличнымъ видомъ на море, привлекаютъ постоянно публику. Народъ толпится и въ Диргаве—Булонскомъ лѣсу Копенгагена. Лѣтомъ здѣсь устраивается цѣлая ярмарка лавочекъ жизненныхъ припасовъ, дешевыхъ украшеній, балагановъ, театровъ маріонетокъ, качелей и т. п. Оживленныя группы крестьянъ и крестьянокъ въ красныхъ юбкахъ пьютъ пиво среди великолѣпной зелени буковъ и дубовъ, гдѣ свободно разгуливаютъ стада оленей и дикихъ козъ. Но изо всѣхъ народныхъ гуляній самое популярное въ Копенгагенѣ—Тиволи.

Ни одна столица въ Европѣ не имѣетъ ничего подобнаго, и справедливо называютъ въ шутку Тиволи „государственнымъ учрежденіемъ“ и увѣряютъ, будто бы закрытіе Тиволи вызоветъ революцію. Дѣйствительно, во всѣхъ столицахъ подымаютъ лицемѣрно вопросы о томъ, чтобы доставить массѣ народа дешевыя развлеченія, возможность пріятно провести праздничный и воскресный день, не прибѣгая къ кабаку, но въ то время, когда вездѣ этотъ вопросъ обсуждается только теоретически и повсюду роскошью парковъ и лѣтнихъ концертовъ пользуется лишь избранная часть общества, въ Копенгагенѣ Тиволи сдѣлался пріютомъ рѣшительно

всѣхъ классовъ столичнаго населенія. Трудно составить себѣ понятіе о толпѣ, ежедневно направляющейся вечеромъ къ этому счастливому пріюту для отдыха, въ высшей степени удачно расположенному въ двухъ шагахъ отъ центра города. Для болѣе слабыхъ ногъ къ услугамъ конно-желѣзныя дороги съ ихъ копѣечными тарифами.

Часть парка Тиволи, состоящаго изъ нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ бука — дерева въ Даніи священнаго, ибо рубка его запрещена закономъ, усѣянныхъ озерами, прудами, ручейками, водопадами, гротами, лужайками, открыта со всѣхъ сторонъ безплатно. Здѣсь уже самый бѣднѣйшій классъ городскаго населенія можетъ свободно гулять, лежать на травѣ, издали слушать музыку и смотрѣть разныя зрѣлища. Кто желаетъ видѣть послѣднія поближе, обязанъ пройдти сквозь турникеты и уплатить небольшой взносъ. Дешевизна входной платы служитъ причиною того, что иногда нѣсколько десятковъ тысячъ публики проходятъ сквозь турникеты. За эту плату кромѣ прогулокъ въ отличномъ паркѣ можно пользоваться всякими невинными удовольствіями: кататься въ лодкѣ или съ горъ, слушать музыку шести, семи оркестровъ, смотрѣть фейерверкъ, фокусниковъ, паяцовъ, панорамы, звѣринецъ, театры на открытомъ воздухѣ, читать книги и газеты, мѣрять свои силы, созерцать въ телескопъ свѣтила небесныя и затѣмъ, уплачивая конечно деньги, ѣсть и пить въ волю въ безчисленныхъ кафе, ресторанахъ и съѣстныхъ лавочкахъ. При мнѣ болѣе всего привлекала толпу въ Тиволи неустрашимая г-жа Годаръ, летавшая на воздушномъ шарѣ и не разъ съ опасностью жизни вы-

таскиваемая изъ морской пучины Категата. Каждый вечеръ можно было видѣть эту дѣвицу, не особенно красивую собою, въ мѣховомъ казакинѣ, покрикивавшею на рабочихъ, наполнявшихъ шаръ свѣтильнымъ газомъ.

Тиволи посѣщается, какъ я сказалъ, всѣми классами копенгагенскаго общества, даже король не брезгаетъ посѣщеніемъ этого гулянья.

Городскія и пригородныя гулянья неудовлетворяютъ еще страсти датчанъ къ зелени и воздуху. Множество жителей столицы живетъ на дачахъ или отправляется на пароходахъ по островамъ, между которыми природою славится островъ Менъ. Нѣкоторые даже круглый годъ живутъ на дачахъ, пріѣзжая ежедневно въ городъ по дѣламъ. Такимъ образомъ устанавливается промежуточный классъ между постоянными городскими и сельскими жителями.

Сельскіе жители Даніи мало напоминаютъ крестьянъ другихъ мѣстностей. Мы уже видѣли въ Швеціи, что политическая сила перешла тамъ въ руки сельскаго населенія со времени послѣднихъ измѣненій въ конституціи; сельская масса въ Даніи еще болѣе вліятельна со времени введенія конституціи 1866 года. Крестьяне и учителя сельскихъ школъ положительно господствуютъ въ нижней палатѣ (фолькстингѣ) и съ ними съ трудомъ борется правительство, сознающее, что разъ крестьянство одолѣетъ въ палатахъ окончательно, оно возбудитъ непремѣнно вопросъ о самой формѣ правленія.

Монархіи Данія обязана своимъ минувшимъ величіемъ, громкими подвигами конца XVI и начала XVII столѣтія, но монархическая политика, затягивавшая постоянно Данію въ континентальные вопросы, была причиною па-

денія Даніи. Въ настоящее время датчане, какъ голландцы и какъ норвежцы, сохраняютъ наружныя формы монархіи, хотя масса развита до такой степени и интересы ея до такой степени ограничены сферою собственныхъ домашнихъ дѣлъ, что нѣтъ болѣе никакихъ препятствій завтра же установиться какимъ угодно демократическимъ формамъ правленія.

Строго говоря, выигрыша отъ этого большаго не будетъ для народа, ибо и въ настоящее время датчане пользуются самыми свободными учрежденіями; въ законахъ не осталось и слѣда какого-либо неравенства сословій. Тѣмъ не менѣе конституціонный кризисъ существуетъ въ Даніи хронически и правительство вынуждено было даже управлять нѣсколько лѣтъ безъ бюджета, правильно утвержденнаго, опираясь единственно на снисходительныя голосованія верхней палаты, ландстинга, гдѣ правительство изъ 66 членовъ собственною властью назначаетъ двадцать одного, чѣмъ это учрежденіе существенно отличается отъ шведской высшей палаты. Защитники бюрократизма называютъ партію датскихъ крестьянъ соціалистической и даже привѣтствовали смерть ея предводителя, профессора Гансена, и воровство въ нѣсколькихъ рабочихъ ссудо-сберегательныхъ кассахъ денегъ, какъ радостное для монархіи событіе, но уже одинъ видъ датской деревни достаточенъ, чтобы признать кличку „соціалистовъ“ справедливою быть можетъ касательно нѣкоторой части копенгагенскихъ фабричныхъ рабочихъ, по отношенію къ датскимъ крестьянамъ основанною на чистѣйшемъ недоразумѣніи.

Въ Даніи, какъ и въ Швеціи, сохранился родовой бытъ. Дворъ крестьянина, обширный и благоустроенный,

заключаетъ обыкновенно многочисленное населеніе родственниковъ подъ властію патріарха. Часть крестьянъ обатрачена, такъ что вліятельное крестьянство, располагающее теперь большинствомъ въ парламентѣ, не только никакого даже отдаленнаго сходства съ западнымъ пролетаріатомъ не имѣетъ, а скорѣе похоже на мелкихъ помѣщиковъ или на тѣхъ богатыхъ англійскихъ фермеровъ, которые пользуются своими участками на вѣчной арендѣ. Имѣть какое-нибудь рѣшительное сужденіе о такомъ спеціальномъ вопросѣ, какъ столкновенія датскихъ партій, очень затруднительно, но я, не будучи посвященнымъ въ тонкости вопроса, могу, кажется, безошибочно предсказать, что правительство будетъ вынуждено къ уступкамъ постепенными компромиссами, вводя управленіе, похожее на существующее теперь въ Норвегіи.

Правительство сдѣлало уже уступки; настоящее министерство Эструпа съ выгодою отличается отъ крайне непопулярнаго министерства графа Гольштейна фонъ-Гольштейнборга, управлявшаго съ 1870 по 1875 годъ. Весьма значительныя уступки сдѣланы также и по отношенію къ острову Исландіи, который пользуется теперь почти совершенной политической автономіей. Законодательное собраніе острова, альтингъ, одно имѣетъ право издавать для Исландіи законы и утверждать ея бюджетъ каждые два года; особый министръ Исландіи отвѣтственъ только передъ альтингомъ и никакая субсидія для общихъ потребностей датской монархіи не можетъ быть взята съ Исландіи безъ согласія альтинга. Эти измѣненія исландской конституціи, въ смыслѣ династическаго союза, совершившіяся въ 1873 году, замѣчательны въ томъ отношеніи, что противорѣчатъ поня-

тію о необыкновенномъ будто бы стремленіи скандинавскихъ странъ къ единству и централизаціи; напротивъ того, какъ при всѣхъ чисто-демократическихъ формахъ правленія, въ этихъ государствахъ, подобно Швейцаріи или Америкѣ, центробѣжная сила преобладаетъ надъ центростремительною. Скандинавское единство, кромѣ нѣсколькихъ шовинистскихъ органовъ печати, популярно преимущественно въ кругу университетской молодежи. Исландія, не смотря на свою кажущуюся бѣдность, поддерживаетъ дѣятельныя сношенія съ метрополіей. Ежемѣсячно, а лѣтомъ и чаще, туда ходятъ срочные пароходы, заходящіе въ Шотландію и на Ферерскіе острова. Переходъ по морю совершается въ 12 сутокъ.

Бѣглое понятіе о характерѣ сельской жизни въ Даніи можно себѣ представить, проѣхавъ островъ Зеландію, по желѣзной дорогѣ изъ Копенгагена въ Корзеръ, откуда удобнѣе всего можно попасть на континентъ, болѣе длиннымъ путемъ черезъ островъ Фіонію и Ютландію, или кратчайшимъ—прямо на Киль. Я выбралъ послѣднее направленіе, предпочитаемое лицами, не избѣгающими всячески моря.

Датскія желѣзныя дороги своимъ устройствомъ и наружнымъ видомъ напоминаютъ германскія; онѣ возятъ довольно скоро, правда и разстоянія очень не велики. Отъ Копенгагена до Корзера не болѣе ста верстъ. Путь проходитъ все время по обработанной равнинѣ, пересѣкаемой небольшими рощами буковъ, дубовъ и сосенъ. Почва воздѣлана замѣчательно тщательно, необработаннымъ не остается буквально ни одинъ клочекъ земли вплоть до желѣзнодорожнаго полотна; почва всюду дренирована, а луга своею бархатною ровною зеленью на-

поминаютъ скорѣе лужайки дворцовыхъ скверовъ, нежели бывшія торфяныя болота. Интересующимся положеніемъ датскаго сельскаго хозяйства рекомендуемъ прочесть очень любопытную книгу Годефруа: „L'economie rurale en Danemark", составленную для международнаго земледѣльческаго конгресса въ Парижѣ 1878 года. Крестьянскіе дворы и сами крестьяне показываютъ въ Даніи наружный видъ довольства, хотя все-таки даже въ этой странѣ зажиточнаго и вліятельнаго крестьянства сельское населеніе по своему образу жизни далеко уступаетъ Соединеннымъ Штатамъ Америки. Эта гибнущая будто бы, по словамъ клерикальныхъ моралистовъ и разныхъ черезчуръ ужъ прогрессивныхъ неудачниковъ, страна представляетъ такой поразительный примѣръ довольства крестьянъ, о которомъ еще и не снилось никому въ Европѣ.

Въ одномъ мѣстѣ на пути море, вырѣзывающее вообще датскіе берега прихотливыми фестонами, подходитъ близко къ желѣзной дорогѣ. Путешественнику, впрочемъ, достаточно развлеченія, такъ какъ станціи и города попадаются на каждомъ шагу. Около означеннаго морскаго залива Ise-fjord пріютилась старинная столица Даніи Рёскильде, замѣчательная своимъ древнимъ соборомъ въ романо-византійскомъ стилѣ; здѣсь погребаютъ датскихъ королей. Любопытенъ еще Сороэ съ его академіей, которой Гольбергъ — датскій Мольеръ, завѣщалъ въ прошломъ столѣтіи огромное состояніе. Академія эта, вмѣстѣ съ тѣмъ и учебное заведеніе, устройствомъ и образомъ жизни напоминаетъ знаменитые англійскіе университеты. Слѣдующій затѣмъ по желѣзной дорогѣ городокъ Шлагельзе замѣчателенъ курьез-

ной легендой, которую Дефло разсказываетъ такимъ образомъ въ своей книгѣ о Даніи.

„Католическій монахъ Андрей, считавшійся чудотворцемъ, получилъ отъ благочестиваго короля Вольдемара право взять для монастыря всѣ земли, которыя онъ будетъ въ состояніи объѣхать на годовалом жеребенкѣ. Святой отецъ не задумываясь вскочилъ на только что родившагося осленка и поскакалъ такъ быстро, что весь островъ Зеландіи попалъ бы въ собственность монастыря, если бы испуганные придворные не побѣжали къ королю, сидѣвшему въ банѣ, и не уговорили его взять свое слово назадъ“...

Уже поздно ночью поѣздъ приходитъ въ Корзеръ и пароходъ, принявъ пассажировъ и почту, съ трудомъ выбирается изъ узенькой бухты Корзера и беретъ курсъ къ Килю. Публики на пароходѣ было много и я только удивлялся, какъ горничная управлялась въ каютъ-компаніи за ужиномъ, которому, не смотря на позднее время, все общество оказало большое вниманіе, а затѣмъ устраивая спанье въ комодныхъ ящикахъ, выдаваемыхъ на морскихъ пароходахъ за кровати. На этотъ разъ всѣ ящики были плотно набиты и общая каюта поразительно напоминала римскія катакомбы. Счастье еще, что море, закрытое со всѣхъ сторонъ островами, было спокойно, хотя вѣтеръ дулъ свѣжій и холодный. Удивительное было скверное лѣто въ 1878 году во всей западной Европѣ.

Къ семи часамъ утра на другой день нашъ пароходъ уже вошелъ въ Кильскую бухту, замѣчательный морской портъ, ради обладанія которымъ Пруссія и интриговала постоянно противъ Даніи, пока, наконецъ, миролюбіе ви-

говъ и нерѣшительность Наполеона III не позволили ограбить эту страну окончательно. До 1866 года Германія не имѣла ни одного глубокаго порта на Балтійскомъ морѣ и не могла думать о развитіи своихъ военно-морскихъ силъ. И до сихъ поръ, впрочемъ, занятая Ядде, гдѣ германскому флоту больше простора относительно океанскихъ плаваній, Германія не обратила всего должнаго вниманія на Киль. По крайней мѣрѣ я не замѣтилъ въ его гавани ни значительнаго числа военныхъ судовъ, ни какихъ либо внушительныхъ укрѣпленій; одно изъ стоявшихъ на стапели судовъ напоминало поповку. Килю по его наружности не пристало какъ-то быть военнымъ портомъ.

Вообразите прелестный, спокойный, какъ озеро, заливъ, весь утопающій въ зелени, среди которой пріютились хорошенькія дачки. Самъ городъ не великъ, но хорошо обстроенъ. Характеръ его чисто нѣмецкій, провинціальный: филистеры съ большими трубками, горничныя у фонтана и студенты въ микроскопическихъ фуражкахъ и съ гигантскими собаками, называемыми „датскими“, хотя въ Даніи нѣтъ, говорятъ, подобныхъ собакъ...

Я не буду, однако, распространяться о Килѣ, потому что, покинувъ пароходъ, я разстался уже съ скандинавской территоріей. Разставаясь съ этими прекрасными странами, я могъ бы пожелать имъ чего либо хорошаго, но онѣ и безъ этого желанія стоятъ на отличной дорогѣ: свобода полная, трудъ уважается и производителенъ, просвѣщеніе быстро развивается, комфортъ увеличивается. Чего же еще нужно для полнаго счастья? Если предпріимчивымъ натурамъ тѣсно въ сферѣ скром-

ной будничной жизни, то и для этого есть выходъ. Гренландія, Исландія, Шпицбергенъ, наконецъ, весь Сѣверный океанъ съ его опасностями и неизвѣстностью могутъ, кажется, удовлетворить какую угодно предпріимчивую натуру скандинавца.

У ФЛАМАНДЦЕВЪ.

VI.

Нидерланды.—Брюссель.—Замѣчательный городской голова.—Наружность города. — Политическая жизнь въ Бельгіи, партіи, печать.—Засѣданіе въ парламентѣ, бельгійскіе государственные люди.

У насъ всѣ знаютъ, что есть городъ Брюссель, потому что существуетъ брюссельская капуста, и что Брюссель — столица бельгійскаго государства, образовавшагося, какъ гласятъ наши оффиціальные учебники исторіи (по крайней мѣрѣ гласили такъ лѣтъ двадцать назадъ), потому что неосторожное голландское правительство разрѣшило дать оперу „Нѣмую изъ Портичи“, не озаботившись назвать на афишѣ Мазаніело какимъ нибудь болѣе скромнымъ именемъ. Съ тѣхъ поръ администрація взялась за умъ и появились разныя „Фенеллы“, „Зоры“, „Гвельфы и Гибелины“, „Карлы Смѣлые“, „Іоанны Лейденскіе“ и др. оперы, о существованіи которыхъ не подозрѣвали господа Оберъ, Россини и Мейерберъ...

Но дѣло не въ этомъ. Бельгія лежитъ на великомъ пути нашихъ соотечественниковъ къ западнымъ соблазнамъ, но оттого ли, что въ евангеліи сказано, что

нужно идти къ блаженству лѣвою стороною, только, попавъ въ Льежъ, каждый благополучный россіянинъ свернетъ непремѣнно влѣво въ нашу Мекку-Парижъ, а никто и не подумаетъ поворотить направо, чтобы осмотрѣть любопытнѣйшіе города Нидерландовъ, славившіеся образованіемъ, великолѣпіемъ и бойкою общественною жизнью въ то время, когда Лондонъ и Парижъ были еще дрянными городишками, а о Москвѣ и Берлинѣ и въ поминѣ не было.

Въ гидѣ Бедекера приведены старые латинскіе стихи, изъ которыхъ видно, что между важнѣйшими бельгійскими городами „Брюссель славится своею знатью, Антверпенъ богачами, Гентъ веревками для повѣшенныхъ, Брюгге красавицами, Лувенъ учеными, а Мехельнъ—дураками“. Ни ученые, ни дураки, а тѣмъ болѣе веревки для повѣшенныхъ меня нисколько не интересовали, поэтому я ограничился въ 1879 году на пути въ Голландію,—пребываніе въ которой разскажу когда нибудь по замѣткамъ, сохранившимся въ моей записной книгѣ,—посѣщеніемъ только трехъ городовъ и началъ съ Брюсселя, въ которомъ все видѣлъ и меньше всего знати, такъ какъ послѣдняя разъѣхалась по деревнямъ и аристократическій Quartier Léopold, обыкновенно пустынный, походилъ совсѣмъ на кладбище.

Теперь жители Брюсселя гордятся болѣе всего тѣмъ, что городъ ихъ напоминаетъ маленькій Парижъ—честь, которую съ легкой руки Османна и его повальныхъ перестроекъ раздѣляютъ съ Брюсселемъ, по правдѣ сказать, многіе города, начиная отъ Мадрида и кончая Александріей. Къ великому прискорбію всѣхъ, въ комъ не угасло чувство изящнаго, вслѣдъ за безсмысленнымъ

однообразіемъ въ костюмѣ, давно охватившемъ всѣ классы европейскаго общества и достигшемъ уже Японіи, теперь распространяется еще болѣе нелѣпое и опасное для искусства однообразіе въ постройкахъ. Но если города теряютъ въ типичности, то справедливость требуетъ признать, что „османизированіе“ улучшило ихъ гигіеническія свойства: уменьшило количество грязи и увеличило количество воздуха, свѣта, а также облегчило средства сообщенія.

Брюссельскимъ Османномъ былъ скончавшійся недавно въ цвѣтѣ лѣтъ городской голова Юлій Анспахъ, родомъ швейцарецъ. Анспахъ прославился не на одномъ муниципальномъ поприщѣ; красивый и рослый мужчина, онъ имѣлъ большой успѣхъ у женщинъ и слылъ за перваго въ Бельгіи конькобѣжца. Во время своего пятнадцатилѣтняго управленія городомъ, Анспахъ дѣйствительно сдѣлалъ для Брюсселя чрезвычайно много, и его сограждане поступили справедливо, ассигновавъ вдовѣ покойнаго пенсію, назвавъ одну изъ лучшихъ улицъ города, Центральный бульваръ, „бульваромъ Анспаха“ и открывъ подписку на монументъ, который будетъ поставленъ между нынѣшнимъ зданіемъ почты и строющейся новою великолѣпною гостинницею въ прибавокъ къ десятку другихъ уже существующихъ въ Брюсселѣ.

— О, это былъ великій человѣкъ—Анспахъ! говорилъ мнѣ одинъ бельгіецъ. Король подписалъ на его монументъ тысячу франковъ, а при жизни онъ выхлопоталъ ему отъ кобургскаго герцога орденъ Эрнестиновъ!

Какъ бы ни цѣнить высоко кобургскій орденъ Эрнестиновъ, но, поглядѣвъ на Брюссель, нельзя не признать, что Анспахъ для всѣхъ городскихъ головъ, а на-

ипаче для россійскихъ, недосягаемый идеалъ. Городъ съ населеніемъ менѣе чѣмъ въ двѣсти тысячъ и безъ особаго коммерческаго значенія прорѣзанъ по всѣмъ направленіямъ новыми великолѣпными улицами и бульварами, площади около церквей очищены и урегулированы, всюду проведенъ газъ и вода; построены также конножелѣзныя дороги, пользоваться которыми брюссельцы такіе охотники, что дѣлаютъ изъ-за этого нерѣдко лишнюю версту пѣшкомъ. Повсюду наставлена масса монументовъ даже иностранцамъ: французу Бельяру, англичанину Кокерилю, или такимъ знаменитостямъ, какъ Готфридъ Бульонскій, который, царствуя въ Іерусалимѣ, едва ли что нибудь могъ полезное сдѣлать для Бельгіи. Особое попеченіе оказано паркамъ; они доступны всѣмъ и каждому, а не только такъ называемой „приличной“ публикѣ, разумѣя подъ неприличіемъ ношеніе національной одежды, преступленіе, никакою статьею не предусмотрѣнное. Вмѣстѣ съ постройкою новыхъ зданій реставрировано много старинныхъ, почему либо замѣчательныхъ.

Въ этомъ случаѣ работы было не мало, потому что и теперь Брюссель рѣзко дѣлится на два города: верхній оффиціальный, псевдо-французскій, и нижній—фламандскій. Какъ не щедрилось правительство и муниципалитетъ на обстройку и украшеніе верхняго новаго города, жизнь и торговля сохранились въ старомъ, расположенномъ самымъ неудобнымъ образомъ на крутомъ склонѣ.

Брюссель, впрочемъ, ни въ торговлѣ, ни въ промышленности страны роли не играетъ; онъ главнымъ образомъ политическій центръ Бельгіи, а Бельгія одна изъ немногихъ странъ, гдѣ конституціонныя учрежденія въ

формахъ заимствованныхъ дѣйствуютъ почти также нормально, какъ въ Англіи. Безъ всякаго сомнѣнія старинное развитіе муниципальной жизни во Фландріи и Брабантѣ, многочисленное и образованное среднее сословіе способствовали такому явленію, но главнымъ образомъ оно лежитъ въ томъ, что двѣ важнѣйшія политическія партіи: либералы и католики, находятся почти въ численномъ равновѣсіи между собою и въ странѣ, и въ палатѣ. Это условіе чрезвычайно, какъ извѣстно, облегчаетъ функціонированіе парламентарной системы. Безъ него приходится управлять съ большинствомъ искусственно слѣпленнымъ изъ мелкихъ, нерѣдко враждебныхъ одна другой фракцій, и каждую минуту готовымъ распасться, или же—что еще хуже,—съ большинствомъ, совершенно подавляющимъ своею численностью оппозицію. Министерство, представляющее подобное большинство, особенно когда оно сидитъ долго на мѣстѣ, въ концѣ концовъ начинаетъ управлять такъ же самовластно, какъ если бы никакихъ конституціонныхъ гарантій не существовало.

Въ Бельгіи ни одна партія не можетъ засидѣться во главѣ управленія, такъ какъ достаточно нѣсколькихъ голосовъ для перемѣщенія политическаго центра тяжести. Послѣднее клерикальное министерство пало изъ-за выборовъ въ Антверпенѣ, т. е. ослабленія клерикализма въ одномъ только городѣ. Очевидно, что, находясь, такъ сказать, при постоянномъ ожиданіи необходимости дать отчетъ странѣ въ своихъ дѣйствіяхъ, каждое министерство управляетъ осторожно. Это не уменьшаетъ однако въ Бельгіи ожесточенія двухъ партій. Можно сказать даже, что нигдѣ двѣ господствующія партіи не про-

вели такъ рѣзко свои границы, какъ въ Бельгіи. Помимо общегосударственныхъ и экономическихъ интересовъ, тутъ примѣшиваются и интересы національности и особенно религіозные. Католики почти исключительно фламандцы, либералы-валоны, затѣмъ бельгійскіе католики отличаются крайнимъ ультрамонтанскимъ оттѣнкомъ, либералы отстаиваютъ науку и не стѣсняясь высказываютъ, что католическая церковь въ Бельгіи заботится о народѣ лишь съ цѣлью эксплоатаціи въ пользу своихъ выгодъ и своего честолюбія.

Конечно, съ обѣихъ сторонъ для людей, смотрящихъ со стороны, замѣтны преувеличенія въ упрекахъ. Надобно сказать, однако, что если истина на сторонѣ бельгійскихъ либераловъ, то историческая логика на сторонѣ католиковъ. Такъ какъ сентябрьская революція въ Бельгіи произошла вслѣдъ за іюльской революціей въ Парижѣ, то французы, а вслѣдъ за ними и вся Европа вообразили, будто это было либеральное движеніе противъ голландскаго деспотизма. Многимъ, знавшимъ голландскій характеръ, и тогда казались упреки Голландіи въ деспотизмѣ безсмысленными, но революціонная легенда увлекала общественное мнѣніе. Теперь дѣло разъяснилось. Вся бельгійская революція 1830 года была твореніемъ іезуитовъ и католическаго дворянства, опасавшагося за свои льготы при голландскомъ правительствѣ (даровавшемъ, замѣтимъ въ скобкахъ, Бельгіи достаточную долю автономіи). Клерикализму пришли на помощь Франція, думавшая поудить рыбку въ мутной водѣ и присоединить къ себѣ Бельгію, и Англія, всегда съ завистью относившаяся къ богатой Голландіи

и даже подъ личиною дружбы не переставшая работать къ ея ослабленію.

Въ Бельгіи почти всѣ серьезные политическіе люди и многіе видные писатели поняли уже, что совершили съ своей пресловутой революціей, прославленной въ Брюсселѣ десяткомъ монументовъ изъ бронзы, камня и мрамора, порядочную глупость. Нидерланды, въ томъ видѣ, какъ ихъ создалъ вѣнскій конгрессъ и какъ имъ и слѣдовало быть по географическимъ и экономическимъ условіямъ, представляли бы теперь государство въ 10 милліоновъ богатѣйшихъ жителей въ метрополіи, да 24 милліона въ колоніяхъ; Голландія вносила свой флотъ, свои торговыя связи; Бельгія—свою промышленность, свое горное дѣло, обѣ—свою высокую культуру, обширные капиталы и свободныя учрежденія. Такое государство имѣло бы значеніе въ Европѣ не меньшее, чѣмъ имѣетъ его Испанія и даже Италія; оно было бы въ состояніи вооружить въ случаѣ нужды 300 или 400 тысячъ человѣкъ въ свою защиту, а также найдти союзниковъ, какъ находила ихъ безъ труда Голландія въ XVII вѣкѣ.

Что же мы видимъ теперь? Бельгія защищается лишь воображаемымъ нейтралитетомъ, Голландія — покровительствомъ Англіи, для которой, однако, голландскія колоніи пришлись бы очень кстати. Поэтому близокъ часъ— и это сознаютъ въ Бельгіи—что Германія и Франція, чтобы покончить свои вѣковые счеты, растащутъ бѣдныя Нидерланды на куски и покончатъ съ ихъ вѣковою оригинальною цивилизаціею. Это сознаютъ теперь и клерикалы, но до времени они считаютъ, что такъ какъ Бельгія создалась въ ихъ пользу и по ихъ почину, то

нѣтъ резона дѣлать изъ Бельгіи маленькую Францію,— лучше уже тогда просто обратить Бельгію во французскую провинцію.

Бельгійскіе либералы, которые теперь управляютъ страною, не имѣютъ самостоятельной или оригинальной политики. Они видятъ въ клерикализмѣ своего смертельнаго врага, но, чтобы бороться съ нимъ, ищутъ оружія въ примѣрѣ другихъ странъ. „Культурная борьба“ князя Бисмарка и законы Ферри во Франціи пришлись на руку для бельгійскихъ либераловъ и они уже сочинили свой маленькій законъ о первоначальномъ образованіи, состоящій главнымъ образомъ въ томъ, что законъ божій въ первоначальныхъ школахъ не будетъ преподаваться, но въ каждой школѣ должно быть отведено помѣщеніе, гдѣ, по желанію родителей, ихъ дѣти могутъ получить у священниковъ своей вѣры соотвѣтственное религіозное воспитаніе. Учитель обязанъ, впрочемъ, читать лекціи морали.

Понятно, что такой законъ долженъ былъ возмутить клерикаловъ. Шесть недѣль подрядъ въ бельгійской палатѣ депутатовъ шли самыя ожесточенныя пренія, пока законъ не прошелъ большинствомъ 67 голосовъ противъ 60. Противники не стѣснялись въ выраженіяхъ. Депутатъ Берже, профессоръ химіи въ университетѣ, увѣрялъ, напримѣръ, что будто бы „ежедневно въ Бельгіи съ церковной каѳедры и на столбцахъ католической печати взываютъ къ возмущенію, убійству и грабежу“. „Церковь, сказалъ другой депутатъ Варнантъ, занимается въ Бельгіи исключительно политикой; она сдѣлалась журналистомъ, политическимъ маклеромъ и даже биржевымъ агентомъ, марая свои ризы въ сообществѣ

откупщиковъ и зайцевъ". „Ничто васъ не останавливаетъ, говорилъ Жотранъ, обращаясь въ палатѣ къ католикамъ: вы поддѣлываете исторію, какъ и другіе документы; вы остались людьми фальшивыхъ декреталій, и, когда идетъ рѣчь объ интересахъ церкви, вы не останавливаетесь даже передъ поддѣлкою текста законовъ".

Если такъ выражаются депутаты почтенныхъ лѣтъ и консервативныхъ въ общемъ убѣжденій, то каковъ долженъ быть языкъ періодической печати, а она очень многочисленна и вліятельна въ Бельгіи. Въ одномъ Брюсселѣ, гдѣ католики въ меньшинствѣ, выходитъ десятокъ политическихъ газетъ, не считая еще безцвѣтной „Le Nord", неизвѣстно для чего издающейся на русскія деньги и положительно никѣмъ не читаемой, даже въ Брюсселѣ. Либералы имѣютъ въ столицѣ Бельгіи своими органами: „Independance Belge", нѣкогда одну изъ первыхъ европейскихъ газетъ, нынѣ весьма утратившую свое международное значеніе, „L'Echo du Parlement", имѣющую хорошихъ корреспондентовъ, „L'Etoile Belge"—весьма распространенный органъ радикальнаго оттѣнка, „L'Echo du Bruxelles", „Le Courier de Bruxelles" и др. У клерикаловъ главнымъ органомъ въ Бельгіи служитъ „Le Bien publique", газета издающаяся въ Гентѣ—центрѣ клерикализма; въ Брюсселѣ они имѣютъ большую и недурно составляемую газету „Journal de Bruxelles", затѣмъ меньшаго формата: „La Belgique", „Le Travailleur", ежемѣсячное изданіе „Revue Général" и др. Редакторъ послѣдняго Вестъ—одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ бельгійскаго парламента.

Конечно, одно изъ первыхъ дѣлъ, которое я исполнилъ въ Брюсселѣ, было посѣщеніе этого парламента, чтобы во-очію видѣть борьбу бельгійскихъ партій. „Дворецъ народа“, вмѣщающій обѣ палаты, въ двухъ шагахъ отъ гостинницы „Belle-vue“, гдѣ я остановился и гдѣ, замѣчу мимоходомъ, останавливался въ то же время на одинъ день принцъ Александръ Болгарскій (Батенбергъ).

Снаружи зданіе бельгійскихъ палатъ довольно ординарно, но внутри оно оказывается гораздо болѣе значительнымъ и отдѣланнымъ съ большимъ вкусомъ. Широкій порталъ, украшенный аллегорическими статуями важнѣйшихъ статей бельгійской конституціи (свобода печати, свобода совѣсти, свобода ассоціаціи и пр.) раздѣляетъ зданія на двѣ части; направо помѣщается палата депутатовъ, налѣво—сенатъ. Устройство обѣихъ сходно, только сенатъ какъ будто бы отдѣланъ по-роскошнѣе: больше позолоты и сенаторы сидятъ въ красныхъ креслахъ, тогда какъ депутаты на зеленыхъ сафьянныхъ стульяхъ. Засѣданіе было въ одномъ сенатѣ, и я имѣлъ возможность осмотрѣть палату депутатовъ во всѣхъ деталяхъ. Въ ней собраны мраморные бюсты членовъ временнаго правительства и портреты всѣхъ президентовъ палаты. Затѣмъ залы комиссій и кабинеты предсѣдателя и вице-предсѣдателей украшены великолѣпными картинами изъ исторіи Бельгіи разныхъ эпохъ: крестовыхъ походовъ, войны за независимость въ XVI столѣтіи и кончая картиной возмущенія на Главной площади подъ предводительствомъ графа Мерода въ 1830 году. Любопытна также большая картина Ватерлоскаго сраженія. Зала засѣданій палаты украшена ко-

лоссальнымъ портретомъ короля Леопольда I, котораго бельгійцы считаютъ новымъ Соломономъ, а залы сената—большою аллегорическою картиною Бельгіи и ея девяти провинцій. Въ сенатскихъ комнатахъ также очень много картинъ, между прочимъ великолѣпный жанръ, изображающій удивленіе фламандскихъ крестьянъ при видѣ перваго поѣзда желѣзной дороги.

Интересъ засѣданій вообще сосредоточивался въ это время въ сенатѣ, куда перешелъ на утвержденіе законъ о воспитаніи. Въ этомъ собраніи клерикальная и либеральная партіи также почти въ равновѣсіи, поэтому надобно было ожидать горячихъ преній; ходили слухи, что многіе либеральные сенаторы больны и большинство случайно можетъ даже оказаться на сторонѣ католиковъ. Мѣста для публики были всѣ заняты и въ толпѣ виднѣлось нѣсколько дамъ. Одинъ мой знакомый провелъ меня безъ церемоніи на трибуну, отведенную для депутатовъ. Тутъ я былъ представленъ двумъ извѣстнѣйшимъ бельгійскимъ государственнымъ людямъ: Рожье и Малу. Шарль Рожье—семидесятилѣтній бодрый старикъ съ густыми всклокоченными сѣдыми волосами и длиннымъ носомъ. Онъ послѣдній оставшійся въ живыхъ членъ временнаго правительства 1830 года и долгое время былъ предводителемъ либеральной партіи. Во время сентябрьской революціи Рожье съ 300 рабочихъ пришелъ изъ Льежа на помощь къ брюссельскимъ повстанцамъ и лично содѣйствовалъ изгнанію голландскихъ войскъ. Даже католики отдаютъ единогласно справедливость умѣренности, честности и патріотизму Рожье. Въ свое время онъ считался изъ лучшихъ парламентскихъ ораторовъ Бельгіи, хотя подготовлялъ, говорятъ,

свои рѣчи. Малу—самая видная фигура католической партіи, ея leader, бывшій неоднократно министромъ финансовъ, а въ послѣднемъ клерикальномъ министерствѣ—премьеромъ. Онъ имѣетъ, подобно Тьеру, талантъ необыкновенно ясно излагать сложные финансовые вопросы и вообще считается наиболѣе серьезнымъ и дѣльнымъ ораторомъ въ палатѣ, хотя либералы очень неодобряютъ его змѣиную стратегію. По наружности Малу мало симпатиченъ; онъ средняго роста, съ тонкими некрасивыми чертами яркокраснаго лица и съ сѣдой бородой à la Cavour; вообще типъ свѣтскаго іезуита, какимъ онъ и есть въ дѣйствительности по воспитанію и по родственнымъ связямъ.

За болѣзнью князя де-Линя и де-Торнако, на предсѣдательскомъ мѣстѣ сената возсѣдалъ второй вице-предсѣдатель баронъ Д'Анетанъ, бывшій первый министръ и одинъ изъ вліятельныхъ политическихъ вождей правой стороны. Д'Анетанъ наружностью напоминаетъ стараго чиновника: худощавый, съ длиннымъ носомъ, гладко выбритый и съ жиденькими волосами, зачесанными тщательно впередъ. Около предсѣдателя сидятъ два секретаря, внизу стоятъ три огромныхъ урны, служащія для голосованія. Трибуны для ораторовъ не полагается: всѣ говорятъ въ сенатѣ съ своихъ мѣстъ; въ палатѣ депутатовъ есть трибуна, но ею рѣдко пользуются. На скамьѣ министровъ сидѣли: министръ иностранныхъ дѣлъ Фреръ-Орбанъ, онъ же первый министръ и предводитель лѣвой, Барра, министръ юстиціи, Гро, министръ финансовъ, и Ванъ-Гюмбекъ, министръ народнаго просвѣщенія. Все это, такъ сказать, бургравы бельгійской либеральной партіи. Министрамъ пристава се-

ната съ цѣпями на шеѣ безпрестанно подавали портфели полные бумагъ, и министры чуть не все засѣданіе подмахивали бумаги. Просто непонятно, кому это они пишутъ столько бумагъ, такъ какъ имѣя въ виду, что Бельгія равна по населенію двумъ нашимъ хорошимъ губерніямъ, едва ли у бельгійскаго министра дѣлъ можетъ быть больше, чѣмъ у нашего члена губернской земской управы.

Фреръ-Орбанъ самый видный дѣятель либеральной партіи и ея лучшій ораторъ. По наружности это человѣкъ небольшаго роста, физіономія открытая и умная, лобъ широкій, сѣдые волосы взбиты кверху, выраженіе лица нѣсколько заносчивое. Фреръ-Орбана очень любятъ слушать въ палатѣ, но ничьи слова не возбуждаютъ такого волненія въ обыкновенно спокойномъ бельгійскомъ собраніи, какъ его. Если Фреръ голова либеральной партіи, то Барра ея душа и вмѣстѣ съ тѣмъ самый ненавистный человѣкъ для клерикаловъ. Въ наружности Барра есть что-то двуличное, іезуитское. У него круглое лицо, горбатый носъ, на глазахъ пенсне, черные волосы не столько зачесаны, сколько прилизаны. Барра былъ уже министромъ въ тридцать лѣтъ и съ тѣхъ поръ неразлучно связалъ себя съ судьбою Фрера. Онъ считается отличнымъ ораторомъ и всегда импровизируетъ свои рѣчи, качество въ ораторѣ незамѣнимое. Гро также брюнетъ довольно пріятной наружности; онъ былъ въ Брюсселѣ извѣстнымъ адвокатомъ, а теперь управляетъ финансами, но я полагаю, что управлять бельгійскими финансовыми дѣлами нетрудная задача, при ихъ образцовомъ порядкѣ и при широкомъ кредитѣ, которымъ пользуется эта страна.

На правой сторонѣ всѣ мѣста сенаторовъ были заняты еще за полчаса до засѣданія. Графъ Виленъ XIV, лысый какъ колѣно, былъ даже принесенъ на носилкахъ, чтобы подать свой голосъ. Это своего рода позировка, потому что клерикальный графъ ходитъ, говорятъ, обыкновенно очень хорошо на костыляхъ. Кромѣ Вилена на правой сторонѣ мнѣ указали Аспремонъ-Линдена, предшествовавшаго министра иностранныхъ дѣлъ. По фигурѣ онъ напоминаетъ стараго ремонтера съ большими усищами. На лѣвой бѣгалъ съ одной скамейки на другую толстый докладчикъ закона Д'Андримонъ, извѣстный создатель въ Бельгіи народныхъ банковъ; съ особымъ почтеніемъ всѣ пожимали руки одного ветхаго старца, который оказался знаменитымъ банкиромъ Бишофсгеймомъ: онъ первый милліонеръ въ Бельгіи и либеральный сенаторъ, какъ подобаетъ еврею въ ультра-католической странѣ.

Лишь только послѣ разныхъ перекличекъ, чтенія протокола и проч. открылись пренія по закону о первоначальномъ образованіи, Д'Анетанъ передалъ предсѣдательство „дойену даге", какъ выразился бы г. Краевскій, барону Гюару, древнему старцу, прохрапѣвшему все засѣданіе. Это было сдѣлано потому, что Д'Анетанъ долженъ былъ произнести рѣчь отъ имени клерикаловъ. Вопросъ былъ исчерпанъ уже въ палатѣ депутатовъ, почему Д'Анетану пришлось только резюмировать его въ нѣсколькихъ словахъ. Свою рѣчь Д'Анетанъ читалъ по бумажкѣ и читалъ слишкомъ скоро и неясно; она, впрочемъ, касаясь всего поверхностно, заключала мысль довольно вѣрную. Клерикализмъ создалъ Бельгію, поэтому все, что идетъ къ ослабленію католицизма, подрываетъ,

по мнѣнію Д'Анетана, принципъ существованія Бельгіи, какъ особаго государства и угрожаетъ въ будущемъ опасностью.

Отъ имени либераловъ длинную рѣчь, также не безъ помощи бумажки, произнесъ сенаторъ Крокъ, знаменитѣйшій докторъ въ Брюсселѣ. По наружности и манерамъ это совершенный американецъ: длинная фигура, длинная борода, длинныя руки, длинные пальцы; послѣдними Крокъ каждую минуту или щиплетъ бороду, или чешетъ голову, или хватаетъ судорожно клочки бумажки, на которой написана его рѣчь. Рѣчь Крока длилась часа полтора и представляла рядъ совершенно безсвязныхъ періодовъ, произнесенныхъ безъ малѣйшаго ораторскаго искусства, поспѣшно, точно актеромъ „шибкой игры", и безъ ударенiй. Своихъ противниковъ Крокъ не щадилъ на словахъ и цитировалъ слова какого-то нѣмца, который сказалъ, что „изъ всѣхъ идіотовъ католическіе идіоты самые замѣчательные". Не болѣе остроумны были его другіе аргументы. Напримѣръ, онъ сказалъ: „клерикалы говорятъ, что школа не можетъ быть безъ Бога; они же говорятъ, что школа не можетъ быть безъ священниковъ; въ математикѣ двѣ величины, равныя порознь третьей, равны между собою; слѣдовательно, по теоріи клерикаловъ, Богъ и священники равны между собой!..."

Надобно замѣтить, что это бельгійское остроуміе не встрѣчало въ сенатѣ ни малѣйшаго одобренія, только на трибунахъ публики виднѣлись сіяющія отъ удовольствія лица. Оригинально было заключеніе рѣчи Крока. Клерикалы жаловались, что по новому проекту только одинъ законъ божій исключенъ изъ программы перво-

начальныхъ школъ, между тѣмъ даже преподаваніе гимнастики сдѣлано обязательнымъ. Крокъ распространился въ защиту гимнастики, приписывая исключительно ей величіе древней Греціи. Въ будущемъ, по его мнѣнію, гимнастика принесетъ нравственности гораздо болѣе пользы, нежели катехизисъ. „Почему всѣ портные соціалисты?“ сказалъ Крокъ. Потому что „ведутъ сидячую жизнь, а кто вѣчно сидитъ—болѣетъ, а больной обыкновенно недоволенъ окружающими и цѣлымъ свѣтомъ. Заставьте портныхъ больше ходить, они сдѣлаются здоровѣе и весь соціализмъ ихъ испарится!!...“

Послѣ Крока министръ вновь учрежденнаго въ Бельгіи министерства народнаго просвѣщенія, Ванъ-Гюмбекъ, счелъ долгомъ защитить свое дѣтище, хотя защищать его слѣдовало скорѣй отъ содѣйствія друзей, нежели отъ нападеній враговъ. Ванъ-Гюмбекъ—высокій плотный мужчина, лѣтъ подъ сорокъ, съ большими курчавыми волосами, говоритъ свободно по краткому конспекту, мѣстами съ напускнымъ жаромъ и съ тѣмъ бельгійскимъ акцентомъ, который даже русскому уху непріятенъ во французской рѣчи. Ванъ-Гюмбекъ доказалъ фактами бельгійской парламентской исторіи, что законъ о первоначальномъ образованіи 1842 года, который такъ восхваляютъ теперь клерикалы, ими же всегда прежде критиковался; затѣмъ онъ нашелъ опасенія за ослабленіе религіи неосновательными; да еслибы въ Бельгіи дѣйствительно религія ослабѣвала, то не законами можно, по его мнѣнію, укрѣпить ее въ сердцахъ народа. Новый законъ является справедливостью для всего некатолическаго населенія, которое, вопреки статьѣ конституціи, какъ бы вынуждается слѣдить въ школахъ за

преподаваніемъ закона божія съ католической точки зрѣнія.

Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что тутъ не было большаго стѣсненія, ибо на $5^1/_2$ милл. населенія въ Бельгіи считается только 18,000 иновѣрцевъ, протестантовъ и евреевъ.

Рѣчь Ванъ-Гюмбека была встрѣчена немногими: fort bien!—въ бельгійскихъ палатахъ рѣдко апплодируютъ, а тѣмъ болѣе не кидаются, какъ во Франціи, послѣ рѣчей министровъ въ объятія послѣднихъ и не жмутъ притворно руки, точно выпрашивая подачку. Впрочемъ, если бельгійцы не выражаютъ своихъ восторговъ, то зато кажется ни въ какой палатѣ не употребляютъ, при случаѣ, противъ противниковъ такихъ крѣпкихъ выраженій, какъ въ брюссельской. Слова: „нахалъ!“ или „вы врете!“ считаются весьма умѣренными.

VII.

Брюссель.—Фантастическое сооруженіе на казенныя деньги.—Соборъ и процессія въ честь св. сердца Іисусова. — Знаменитые банки.—Манекенъ-Писъ.—Картинная галлерея и Вирцъ.—Кружевное производство.

Брюссель рѣзко дѣлится на два города: верхній—французскій и нижній—фламандскій. Верхній полонъ оффиціальныхъ зданій; здѣсь помѣщается „Дворецъ народа“, о которомъ я говорилъ, окруженный со всѣхъ сторонъ домами министерствъ и отелями министровъ; старый дворецъ герцога Оранскаго, обращенный въ академію художествъ, пока не поспѣетъ новое роскошное зданіе для послѣдней; королевскій дворецъ, довольно мизерный съ виду, и т. д. Вѣнцомъ этихъ сооруженій долженъ служить огромнѣйшій „Дворецъ правосудія“, начатый въ 1866 году, по планамъ Пелерта, и который поспѣетъ едва ли ранѣе пяти лѣтъ, хотя открытіемъ его бельгійскій парламентъ думалъ торжествовать въ 1880 году пятидесятилѣтній юбилей своего quasi-освобожденія отъ голландскаго quasi-ига.

Съ постройкою этого вавилонскаго сооруженія, погло-

тившаго уже 43¹/₂ милліона франковъ и которое обойдется, вѣроятно, въ 50 милліоновъ, бельгійцы, что называется, попались въ просакъ. Въ средніе вѣка и небольшіе городки воздвигали гигантскіе соборы и храмы, но то было другое время; тутъ руководила теплая вѣра и цѣлыя поколѣнія жертвовали послѣднимъ, чтобы создать что нибудь достойное и облегчить себѣ путь къ спасенію; совсѣмъ не то строить дворцы для того, чтобы судить мошенниковъ. Еслибы собрать ихъ со всей Европы, то и тогда брюссельскій дворецъ правосудія окажется вѣроятно слишкомъ большимъ, а тутъ рѣчь идетъ о городѣ, который по населенію равенъ нашей Одессѣ, а по торговлѣ не стоитъ и половины послѣдней. О размѣрѣ сооруженія можно судить по тому, что сводъ надъ главнымъ портикомъ имѣетъ 8¹/₂ саженъ въ діаметрѣ и держится единственно на законахъ равновѣсія. А подъ этимъ сводомъ и двумя пилястрами, его поддерживающими и образующими главный входъ, свободно помѣстился бы четырехэтажный домъ съ крышею!

Отправленіе правосудія, конечно, не нуждалось во всей подобной роскоши. Эти огромныя архитектурныя линіи, вавилонскія колоннады, безчисленныя прихожія и грандіозныя лѣстницы, своимъ расположеніемъ напоминающія египетскій лабиринтъ, этотъ огромный куполъ, возвышающійся надъ цѣлымъ городомъ, эти карнизы, занимающіе въ сложности цѣлую версту—все это излишне и безъ этого можно было отлично обойдтись. Въ придачу архитекторы опасаются, что зданіе не выдержитъ тяжести купола, который предполагается поднять до 73 саженъ высоты; пока онъ доведенъ только до 50 саженъ.

Вся постройка останется свидѣтелемъ только національнаго тщеславія, свойственнаго мелкимъ націямъ. Можно надѣяться, что дорогостоющій опытъ послужитъ урокомъ и впредь: прежде чѣмъ ассигновать милліоны на новые монументы для потѣхи архитекторовъ и казенныхъ надсмотрщиковъ, представители страны сообразятъ не только размѣръ пожертвованія, но и особенно оцѣнятъ, что можно было бы сдѣлать болѣе полезнаго на предполагаемую къ ассигнованію сумму для всего государства, особенно для сельскаго населенія, нуждающагося въ Бельгіи, какъ и повсюду, въ путяхъ сообщенія, въ школахъ и санитарныхъ мѣропріятіяхъ. Въ такомъ смыслѣ высказался докладъ Легарди де-Болье въ бельгійской палатѣ депутатовъ отъ имени комиссіи, ревизовавшей постройку дворца правосудія.

Брюссель тѣмъ меньше нуждался въ подобной неразсчетливой затратѣ казенныхъ милліоновъ, что имѣетъ уже монументальныя сооруженія; одинъ соборъ св. Гудулы принадлежитъ къ числу лучшихъ готическихъ соборовъ Нидерландовъ. Уродливые дома, окружавшіе соборъ, нынѣ разрушены, площадь вокругъ очищена и къ собору, находящемуся на скатѣ горы, пристроена великолѣпная лѣстница, отчего онъ замѣтно украсился.

Я посѣтилъ соборъ въ весьма интересную минуту, а именно—происходила церковная процессія по случаю весьма важнаго для католиковъ праздника Fête-Dieu. Торжество усиливалось еще тѣмъ, что въ продолженіи цѣлаго мѣсяца шли разныя религіозныя церемоніи по случаю праздника „Священнаго сердца Іисусова“. Въ Бельгіи законъ не вынуждаетъ, какъ во Франціи, католиковъ прятаться по церквамъ; религіозныя процессіи

совершаются здѣсь публично. Все, чего добилось либеральное министерство, это—воспрещенія войскамъ обязательно сопровождать процессіи по улицамъ. Войска являются тамъ только, гдѣ городской голова потребуетъ ихъ будто бы для поддержанія порядка. Въ 1879 году только бургомистръ Брюгге воспользовался подобнымъ правомъ, на что горько жаловались либеральныя газеты.

Не смотря на отсутствіе войскъ, церемонія въ Брюсселѣ была очень величественна, хотя нельзя сказать, чтобы толпа была велика. Rue des Paroissiens и другія улицы вокругъ собора были убраны флагами и религіозными эмблемами. Въ церкви, кромѣ пѣвчихъ и органа, помѣстилось нѣсколько хоровъ музыки. Сначала музыка играла что-то очень веселое, въ родѣ трепака, а затѣмъ подъ звуки марша изъ „Пророка“ двинулась процессія. Она состояла изъ дѣтей школъ, содержимыхъ духовенствомъ, членовъ разныхъ корпорацій со значками, духовенства всѣхъ сортовъ и въ заключеніе папскаго нунція. Процессія пошла на Площадь городской думы. На этой площади происходили важнѣйшіе моменты исторіи Брюсселя; здѣсь же были казнены графы Горнъ и Эгмонтъ. Противъ думы, замѣчательнѣйшаго въ своемъ родѣ зданія во всѣхъ Нидерландахъ, помѣщаются отлично реставрированные дома прежнихъ ремесленныхъ корпорацій, а также бывшій королевскій дворецъ, гдѣ жилъ страшный герцогъ Альба.

Эта площадь, по совершенно вѣрному замѣчанію одного туриста, выдается среди новаго Брюсселя, копирующаго хорошій французскій губернскій городъ, точно сцена изъ Шекспира, если бы ее вставить въ комедію Скриба. Пока видишь остальной Брюссель, можно усо-

мниться въ существованіи пресловутой бельгійской національности; только на этой чудной площади убѣждаешься, что подобная національность дѣйствительно существуетъ и что характеръ ея вовсе не французскій, а фламандскій. Ни одинъ народъ не умѣлъ владѣть камнемъ, какъ фламандцы. Они создавали изъ него тончайшія, живыя и картинныя постройки. Будучи по природѣ живописцами, они это свойство внесли въ свою архитектуру. Ихъ зданія веселятъ и утѣшаютъ глазъ, какъ самая лучшая картина, а изо всѣхъ образчиковъ такого колоритнаго зодчества самымъ законченнымъ, конечно, нужно признать брюссельскую думу. Послѣ нея кажутся весьма казенными, сухими и безжизненными всѣ современные монументы конституціи и мученикамъ 1830 года, галлерея св. Губерта (нѣчто въ родѣ нашего пассажа, только по-длиннѣе), крытый рынокъ и др. сооруженія въ новѣйшемъ вкусѣ, которыми гордятся передъ иностранцами брюссельцы.

Вотъ на этой-то площади, полной для бельгійцевъ самыхъ трогательныхъ воспоминаній, ибо о герцогѣ Альбѣ здѣсь говорятъ съ такимъ забавнымъ жаромъ, какъ будто бы онъ вчера еще былъ губернаторомъ, былъ поставленъ на возвышеніи аналой. Оттуда папскій нунцій передалъ вѣрнымъ католикамъ благословеніе отъ имени папы Льва XIII, полученное по телеграфу. Нунцій Ванутелли еще довольно молодой прелатъ, который пойдетъ, вѣроятно, далеко, такъ какъ бельгійская нунціатура считается въ Римѣ одною изъ важнѣйшихъ. Нынѣшній папа былъ очень долго нунціемъ въ Брюсселѣ.

Нунцій шелъ подъ балдахиномъ; его окружали во фракахъ, съ огромными зажженными восковыми свѣ-

чами, отирая потъ, ручьями лившійся по лицу, бывшіе министры, депутаты и другіе корифеи католической партіи, между которыми талантомъ, вліяніемъ и нахальствомъ въ рѣчахъ выдается теперь Жакобсъ. Процессія вернулась съ тою же церемоніей назадъ въ соборъ, гдѣ музыка и артисты исполнили, подъ видомъ мессы, цѣлый концертъ популярныхъ музыкальныхъ вещей. Католическое духовенство, а особенно іезуиты, всемогущіе въ Бельгіи, отличаются, какъ извѣстно, искусствомъ мѣшать пріятное съ полезнымъ...

Іезуиты здѣсь не страшное слово, утратившее реальное значеніе. Они занимаютъ очень крѣпкую позицію и опираются не только на свое нравственное вліяніе, но и на силу капитала. Для увеличенія послѣдняго, іезуиты въ Бельгіи не брезгаютъ ничѣмъ; къ старой системѣ улавливанія наслѣдствъ они присоединили теперь болѣе современные способы: банки и торговлю. Мнѣ показывали открытый ими недавно магазинъ мануфактурныхъ и др. товаровъ: „Aux neuf province“, занимающій цѣлый шестиэтажный домъ въ центрѣ новаго Брюсселя, противъ театра de la Monnaie. Наиболѣе доходною статьею для іезуитовъ, какъ и вообще для католическаго духовенства, остается все-таки эксплоатація крестьянъ. Фламандскіе крестьяне при своемъ богатствѣ и относительномъ образованіи—они всѣ почти грамотны—отличаются въ религіозномъ отношеніи крайнею наивностью. Поэтому нигдѣ сборъ динарія св. Петра не даетъ такихъ суммъ, какъ въ ихъ средѣ. Одной соломы, на которой будто бы спитъ папа въ плѣну въ своей темницѣ въ Ватиканѣ, продается крестьянамъ Бельгіи и южной Голландіи на нѣсколько милліоновъ въ годъ. Такая же

оживленная торговля идетъ и другими священными предметами. Въ Брюсселѣ, а особенно въ Гентѣ, Мехельнѣ, Антверпенѣ и Брюгге сотни лавочекъ торгуютъ исключительно религіозными предметами. Правда, что съ другой стороны нигдѣ не продается публично такъ много скандалезныхъ брошюръ и рисунковъ, направленныхъ противъ духовенства и религіи, какъ въ Бельгіи. Сатира превосходитъ предѣлы простаго приличія. Одни названія книженокъ показываютъ, что это за мерзость. За 60 сантимовъ продается, напримѣръ, повсюду: „Confessions de courtisannes avec la remise moyennant argent de leurs péchés incestes selon le tarif du pape Leon XIII!“ Я пропускаю названія еще болѣе скабрезныхъ памфлетовъ.

Противъ собора св. Гудулы находится великолѣпное зданіе бельгійскаго Національнаго банка, но не это казенное и весьма солидное учрежденіе интересовало меня, хотя по искусству веденія дѣла его ставятъ въ образецъ даже Французскому банку. Я счелъ долгомъ пойдти посмотрѣть на два другихъ брюссельскихъ банка, пріобрѣтшихъ печальную знаменитость въ послѣднее время: „Banque de Belgique“ и „Union du credit“. Оба банка довольно ничтожны по наружному виду—простые двухэтажные дома, — но первый изъ нихъ знаменитъ самою крупною кражею, когда-либо сдѣланною кассиромъ, а именно кражею въ 18 милліоновъ франковъ, сдѣланною кассиромъ банка Т'Киндтомъ. Это выходитъ артистъ въ три раза почище нашего камеръ-юнкера Юханцева, не говоря уже о первенствѣ по времени кражи. Киндтъ размышляетъ теперь о тщетѣ всего земнаго въ тюрьмѣ одиночнаго заключенія, а не менѣе знаменитая его лю-

бовница живетъ въ Парижѣ, въ ожиданіи лучшихъ дней или новаго кассира.

„Union du credit“ особенно интересенъ для насъ русскихъ. Этотъ мало извѣстный въ Европѣ банкъ послужилъ для г. Ламанскаго образцемъ для устройства пресловутаго с.-петербургскаго общества взаимнаго кредита. Громадныя операціи послѣдняго и оживленіе, приданное этимъ банкомъ игрѣ на петербургской биржѣ въ 1868—69 гг., вызвали желаніе повсюду устраивать взаимные кредиты, и одно время эта форма банковъ прославлялась, какъ нѣчто весьма солидное, сравнительно съ акціонерною формою банковъ. Опытъ въ Россіи вовсе не подтвердилъ подобнаго воззрѣнія. Замѣчательно, что то же самое приключилось въ 1878 году и въ Бельгіи. Послѣ двадцатилѣтняго процвѣтанія, „Union du credit“ обанкрутился и только огромная субсидія правительства спасла его отъ ликвидаціи. Правительство опасалось, что разореніе кредитнаго учрежденія, въ которомъ участвуетъ вся мелочная торговля Брюсселя, можетъ вызвать серьезный кризисъ.

Брюссельцы не дѣлаютъ пока изъ обкраденныхъ банковъ монументовъ, зато они создали себѣ болѣе оригинальный кумиръ. Это такъ называемый фонтанъ „Manneken-Pis“. Манекенъ по-фламандски значитъ мальчикъ, а второе слово понятно само собою по созвучію... Жители Брюсселя имѣютъ необыкновенное пристрастіе къ означенному фонтану, помѣщающемуся на углу двухъ довольно грязныхъ улицъ. Маленькій купидонъ изъ бронзы, служащій предметомъ обожанія, былъ отлитъ въ началѣ XVII вѣка, хотя его и называютъ „старѣйшимъ брюссельскимъ гражданиномъ“. Населеніе города

просто сходило съ ума, когда купидона воровали. Онъ, къ счастью, всякій разъ отыскивался. У этого кусочка бронзы очень большое состояніе. Недавно еще одна старая дѣва умирая завѣщала 40,000 флориновъ на содержаніе въ порядкѣ гардероба „маленькаго мальчика“, а онъ и безъ того имѣетъ на выборъ сколько угодно платьевъ. Въ дни торжественныхъ процессій купидонъ одѣвается обыкновенно генераломъ національной гвардіи; особое лицо, получающее отъ города жалованіе, занимается этою операціей. Говорятъ, что Людовикъ XV, узнавъ о странномъ пристрастіи брюссельцевъ, сдѣлалъ ихъ любимца кавалеромъ ордена св. Людовика! Брюссельцы по крайней мѣрѣ не сомнѣваются въ этомъ фактѣ, совершенно достойномъ человѣка, которому Дюбари говорила по поводу сбѣжавшаго кофейника: „Hé! La France ton café f... le camp!“.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ сказать хотя нѣсколько словъ о другихъ достопримѣчательностяхъ Брюсселя, о его великолѣпномъ паркѣ, напоминающемъ расположеніемъ Саксонскій садъ въ Варшавѣ, о зданіи новой биржи, о ботаническомъ садѣ, о безчисленныхъ памятникахъ конституціи, всѣмъ бельгійскимъ знаменитымъ людямъ и особенно покойному королю Леопольду I, котораго бельгійцы ставятъ чрезвычайно высоко.

— Повѣрьте, говорилъ мнѣ одинъ почтенный брюсселецъ совершенно серьезно, будь онъ живъ, онъ никогда бы не допустилъ войны Франціи съ Германіей...

Зато и наставили Леопольду въ Бельгіи монументовъ безъ счета, истощивъ всѣ виды аллегорій. Недавно одна газета жаловалась, что въ Лекенѣ хотятъ изобразить короля Леопольда, окруженнаго боченками, шкаликами

и пивными стаканами. Художникъ, видите ли, желалъ аллегорически изобразить покровительство пивоваренію, составляющему въ Бельгіи одну изъ важныхъ и старинныхъ отраслей промышленности!

Новый король также пользуется популярностью и бельгійцы подпишутъ обѣими руками приговоръ Лессепса, назвавшаго какъ-то Леопольда II „самымъ умнымъ, самымъ свободомыслящимъ и самымъ образованнымъ королемъ въ Европѣ". Насколько бельгійцы усвоили скоро любовь къ своей новой династіи, настолько въ нихъ не умираетъ ненависть къ испанскому владычеству. Какой-то буржуа разсмѣшилъ меня въ музеѣ. Показывая женѣ на картину, изображающую тиражъ въ Аѳинахъ плѣнныхъ, приносимыхъ въ жертву Минотавру, онъ произнесъ торжественно:

— О, проклятый герцогъ Альба,—видишь, моя милая, какъ онъ мучилъ нашихъ предковъ!..

Я не скажу также ничего о брюссельскихъ театрахъ, куда на гастроли была приглашена, о боги! г-жа Реа съ Михайловскаго театра, но нельзя пройдти молчаніемъ двухъ вещей, ради которыхъ стоитъ нарочно съѣздить въ Брюссель—это большая картинная галлерея и музей Вирца. Брюссельская картинная галлерея всегда была выше своей репутаціи. Ей вредило то обстоятельство, что въ Брюсселѣ собственно не родился и не жилъ ни одинъ изъ великихъ фламандскихъ живописцевъ. Каждый, проѣзжая по Бельгіи, и до сихъ поръ предпочитаетъ видѣть Ванъ-Эйка въ Гентѣ, Мемлинга въ Брюгге, Рубенса въ Антверпенѣ, въ той обстановкѣ, гдѣ каждый изъ нихъ жилъ и дѣйствовалъ. Зато если кто дѣйствительно хочетъ ознакомиться съ фламандскою школою въ

ея цѣломъ, тотъ долженъ непремѣнно видѣть брюссельскую картинную галлерею. Здѣсь развернется эта богатая школа передъ нимъ во всей ея полнотѣ и исторической постепенности безъ скачковъ и пропусковъ.

Брюссельская галлерея постоянно пополняется изъ другихъ музеевъ, изъ церквей, монастырей, госпиталей, городскихъ думъ и частныхъ коллекцій. Бельгія послѣ Италіи и Голландіи сохранила въ себѣ наибольшее число замѣчательныхъ произведеній искусства и бельгійское правительство хорошо дѣлаетъ скупая и сосредоточивая ихъ, иначе, при нынѣшнемъ всеобщемъ стремленіи къ роскоши, лучшія вещи были бы растасканы по всѣмъ концамъ свѣта разбогатѣвшими подрядчиками, жидовскими банкирами, американскими отелями и т. п. цѣнителями искусства. Брюссельская галлерея заслуживаетъ также особой похвалы за отличное устройство, порядокъ, строгій выборъ картинъ и вѣрную оцѣнку мастеровъ, писавшихъ ихъ. Въ этомъ случаѣ она можетъ служить образцомъ для другихъ музеевъ. Галлерея почти исключительно посвящена фламандской школѣ, что и придаетъ ей особое значеніе въ глазахъ знатоковъ.

Фламандская школа доведена въ галлереѣ, такъ сказать, до нашихъ дней, если только, впрочемъ, считать новѣйшихъ бельгійскихъ живописцевъ продолжателями фламандцевъ, а не частичкою новой французской школы, которая сама по себѣ не есть школа, а соединеніе весьма разнородныхъ направленій отъ Энгра и Кабанеля до Курбе и Мане включительно. Во всякомъ случаѣ въ брюссельской галлереѣ собраны произведенія лучшихъ современныхъ бельгійскихъ артистовъ; между

ними очень много крупныхъ талантовъ: въ исторической живописи—Ваппересъ, Біефъ, Вотерсъ, Портельсъ, Роберъ, Ферла, Поуэльсъ, Сталлертъ; религіозной—Наве. Матье; жанровой—Маду, Виллемсъ, Деблокъ, Стевенсъ; пейзажной—Фурнуа, морской — Клайсъ, животныхъ — Вербекговенъ, Робессъ и многіе другіе. Первое мѣсто занимаютъ въ Бельгіи въ скульптурѣ Жеефсъ, а въ живописи Луи-Галье—нынѣшній президентъ брюссельской академіи художествъ. Картина послѣдняго въ брюссельской галлереѣ: „Отреченіе отъ престола Карла V“ безспорно одна изъ самыхъ замѣчательныхъ картинъ новаго времени. Если, однако, искать оригинальности и мѣстнаго колорита, то первенство изъ всѣхъ новѣйшихъ бельгійскихъ живописцевъ нужно отдать Лейсу: онъ остался въ душѣ фламандцемъ.

Бельгійцы, впрочемъ, считаютъ величайшимъ своимъ современнымъ художникомъ Вирца, который всѣ свои картины вмѣстѣ съ домомъ, гдѣ жилъ, завѣщалъ правительству, устроившему изъ этой коллекціи особый музей. Почитатели Вирца прославляютъ его геніемъ, чуть не новымъ Микель-Анджело. Но это былъ такъ называемый „непризнанный геній“. Уже по портрету художника, находящемуся въ музеѣ, видно, что Вирцъ былъ человѣкъ ненормальный, а нѣкоторыя картины писаны какъ будто сумасшедшимъ. Произведенія Вирца напоминаютъ нѣсколько оперы нашей „могучей кучки“: необыкновенная грандіозность замысла, при недостаточныхъ средствахъ къ его осуществленію. Вирцъ, однако, распоряжался красками гораздо болѣе умѣло, нежели наши музыканты звуками. Голыя красавицы, которыхъ онъ воспроизводилъ весьма охотно, показываютъ искус-

ное и нѣжное письмо, а написанныя имъ въ разныхъ мѣстахъ дома картины, кажущіяся издали живыми предметами (trompe l'œil: собака, женщина смотрящая въ открытую дверь, и т. п.) доказываютъ отличное знаніе законовъ перспективы. Виртуозность доведена имъ мѣстами до фокусовъ. Такъ посмотришь на одну картину съ лѣвой стороны—нарисована лягушка, посмотришь справа—оказывается красивая женщина.

Но все это Вирцъ не считалъ важнымъ. Его девизъ, написанный на собственномъ портретѣ,—„искусство не имѣетъ законовъ“. Поэтому онъ желалъ кистью изображать не предметы, а идеи, что естественно влекло его къ отвлеченнымъ аллегоріямъ, весьма сложнымъ и туманнымъ, требующимъ цѣлыхъ томовъ для объясненія каждой изъ картинъ. Вирцъ былъ по своимъ убѣжденіямъ крайній радикалъ и защитникъ гуманности, поэтому большинство его картинъ имѣетъ цѣлью изобразить ужасы вайны; между ними замѣчательна „Борьба изъ-за тѣла Патрокла“. Сюжеты тенденціозныхъ картинъ Вирца по большей части отвратительны: Наполеону I-му въ аду матери показываютъ куски убитыхъ въ сраженіяхъ солдатъ, своихъ сыновей; голодающія во время войны женщины жарятъ и ѣдятъ дѣтей; заживо похороненная женщина просыпается въ гробу, и т. д. Рядъ картинъ подъ названіемъ: „Мысли и видѣнія отрубленной головы“ передаютъ всѣ гнусныя подробности гильотинированія.

Вирцъ, скончавшійся въ 1865 году, прожилъ около шестидесяти лѣтъ, слѣдовательно успѣлъ вполнѣ выразить свои мысли. Художественная критика при жизни сильно преслѣдовала его, но и тогда уже были цѣни-

тели его таланта. Смотритель музея передавалъ мнѣ, будто бы императоръ Николай предлагалъ Вирцу за картину „Воскресеніе“ 65,000 франковъ. Не знаю, насколько это вѣрно.

Многія картины Вирца несомнѣнно обличаютъ крупное дарованіе. Таковы „Борьба изъ за-тѣла Патрокла“, картина рѣдкой силы по энергіи, таковы: „Сильный міра“, изображающая громаднаго гиганта, согнувшагося вдвое и топчущаго легіонъ мелкихъ людишекъ, и „Пушечное мясо“—двое прелестныхъ дѣтей, невинно играющія съ орудіями смерти. Одна изъ лучшихъ картинъ названа въ каталогѣ „Прекрасная Розина“. Красавица дѣвушка стоитъ рядомъ со скелетомъ, который предполагается ея собственнымъ. Мысль, достойная Гамлета.

Невольно сожалѣешь, что подобный талантъ посвятилъ жизнь на служеніе совершенно ложной идеѣ, будто бы искусство можетъ быть тенденціознымъ. Онъ насиловалъ свою кисть, чтобы заставить ее говорить философскими и политическими аллегоріями, которыя такъ и остаются непонятными. Сколько усидчиваго труда потратилъ онъ, и въ результатѣ все-таки не доказалъ, что живопись можетъ замѣнить публицистику. Онъ подтвердилъ лишь, что честолюбіе живописца не всегда соотвѣтствуетъ дарованію, а еще Вирцъ гордо назвалъ одну изъ своихъ самыхъ абсурдныхъ картинъ: „Нѣтъ для человѣка ничего невозможнаго“, хотя именно картина эта и говоритъ, что каждое искусство имѣетъ свои границы, которыхъ переступать невозможно ни въ какомъ случаѣ.

Кружевное производство принадлежитъ къ числу такихъ особенностей Брюсселя, которыя не могутъ быть оставлены безъ вниманія даже очень торопливымъ ту-

ристомъ. Каждому извѣстно, что въ труднѣйшемъ искусствѣ плетенія кружевъ Брюссель занимаетъ первое мѣсто въ мірѣ. Сюда же шлютъ дорогія кружева для мытья и починки. Ремесло это, впрочемъ, не сосредоточено исключительно въ одномъ городѣ; имъ занимаются въ окрестныхъ деревняхъ и отчасти по всей Бельгіи, гдѣ производство кружевъ оцѣнивается десятками милліоновъ. Лучшія мастерицы, лучшіе художники и главнѣйшіе склады кружевъ находятся, однако, въ Брюсселѣ. Я посѣтилъ извѣстное заведеніе г-жи Демаре, Rue de la Chancellerie. Хозяйка весьма любезно объяснила мнѣ весь механизмъ фабрикаціи. Рисунки дѣлаютъ перомъ художники-мужчины, которые или сочиняютъ узоры, или копируютъ со старыхъ кружевъ и съ рисунковъ въ музеяхъ. Затѣмъ особый спеціалистъ, помощью машинки, накалываетъ рисунокъ на пергаментѣ. Этотъ пергаментъ служитъ основаніемъ, на которомъ дѣлается работницею кружево; оно или вышивается иглою — fleurs en point, или ткется помощью веретенъ fleurs en plat. Я видѣлъ, какъ для хорошаго „валансіена“ работница употребляла сразу двѣ тысячи веретенъ. Каковы должны быть вниманіе и терпѣніе, чтобы не спутать узора! Самое трудное, это выполненіе фона иглою. Такой способъ остался только въ Брюсселѣ, почему здѣшнія кружева очень дороги; въ другихъ мѣстахъ употребляютъ тюль, сотканный на машинѣ. Кружева остальныхъ странъ не отличаются также изяществомъ рисунка; это видно, если сравнить, напримѣръ, points à la l'aiguille богемскій съ брюссельскимъ.

Между тѣмъ пособіе механики содѣйствовало тому, что цѣна кружевъ упала за послѣднія двадцать пять

лѣтъ въ два съ половиною раза. Цѣна зависитъ въ извѣстной степени и отъ моды. Теперь, напримѣръ, очень дешевы, по ничтожному требованію, черныя кружева, извѣстныя „шантильи“. Въ заведеніи, которое я осматривалъ, работало немного работницъ — обыкновенныхъ крестьянокъ съ грубыми исколотыми руками; но кромѣ того заведеніе даетъ заказы 150 работницамъ на дому. Подобный трудъ доставляетъ ничтожный заработокъ и держится болѣе привычкой. Велико удовольствіе, получая въ день много-много два, три франка, къ старости потерять зрѣніе! Когда я окончилъ осмотръ и, любезно поблагодаривъ, собрался уже уйдти, хозяйка искусно увлекла меня въ магазинъ, гдѣ, выложивъ половину своего склада, почти силою, съ нахальствомъ, свойственнымъ француженкамъ, заставила меня купить какое-то кружевное фишю. Я заплатилъ очень неохотно и прибавилъ, что свезу свою покупку въ Голландію.

— Нѣтъ, нѣтъ, только не въ Голландію, воскликнула г-жа Демаре. Толстыя голландки не стоютъ такихъ прелестныхъ кружевъ. Везите ихъ непремѣнно въ Россію. Подарите одной изъ вашихъ прелестныхъ графинь или боярынь...

VIII.

Французскіе фламандцы.—Лилль.—Пьянство.—Достопримѣчательности Лилля.—Табачная мануфактура; табачные инженеры и табачная монополія.—Сношенія Лилля съ Россіей.

Какъ это Лилль? спроситъ читатель. Да вѣдь Лилль во Франціи, а вы собирались писать о Нидерландахъ. Дѣйствительно, отвѣчу я, Лилль на границахъ Франціи, но по національности и по нравамъ жителей Лилль часть Нидерландовъ; его настоящее имя не Лилль, а Иссель. Исторически онъ также тѣсно связанъ съ послѣдними и нѣтъ ста семидесяти лѣтъ, какъ Лилль сдѣлался принадлежностью Франціи, изъ чего еще нужно вычесть десятка два лѣтъ первой республики и имперіи, когда всѣ Нидерланды были французскіе и Наполеонъ I торжественно заявлялъ, что „Голландія только илъ французскихъ рѣкъ“. Достаточно, впрочемъ, разъ пообѣдать въ Лиллѣ, чтобы убѣдиться, какъ фламандскій духъ здѣсь еще силенъ. Гдѣ же во Франціи вамъ подадутъ послѣ жаркого соленую рыбу или сырую ветчину съ салатомъ? А это обычай во всѣхъ Нидерландахъ, къ огорченію деликатныхъ желудковъ.

Другая національная черта фламандцевъ—разсчетливость—также даетъ себя знать тутъ. Въ Лиллѣ живетъ болѣепятисотъ милліонеровъ (считая, конечно, на франки), но въ сложности эти милліонеры не проживаютъ и трети своего дохода. А въ настоящее время, когда, по случаю промышленнаго кризиса, барыши поуменьшились, въ городѣ нѣтъ ни баловъ, ни пріемовъ, точно во время чумы. Нравы этихъ милліонеровъ лучше всего рисуютъ слѣдующіе разсказы о богатѣйшемъ капиталистѣ въ Лиллѣ.

Этотъ архимилліонеръ какъ-то рѣшился подарить свою старую измятую шляпу лакею; тотъ далъ ее выгладить. Смотритъ милліонеръ, у лакея прекрасная шляпа. —„Откуда это? спрашиваетъ онъ“.—„Да это ваша бывшая шляпа: мнѣ ее такъ вычистили за десять су“. — „Вотъ тебѣ твои пятьдесятъ сантимовъ, давай мнѣ назадъ шляпу“, кричитъ ограбленный милліонеръ. Другая исторія еще лучше. Тотъ же богачъ, по совѣту врачей, долженъ былъ брать морскія ванны въ Булони. Чтобы уменьшить расходы, онъ обязался за табльдотомъ въ гостинницѣ разрѣзывать кушанья, за что ему была сдѣлана небольшая сбавка въ цѣнѣ пансіона. Когда его спросили о причинѣ подобной скромности:

— Помилуйте, отвѣчалъ онъ, я выдалъ своихъ дочерей замужъ и далъ каждой по 50,000 франковъ приданаго (во Франціи, замѣтимъ, не женятся въ буржуазіи безъ приданаго). Вѣдь это потерянныя деньги, я долженъ вернуть ихъ...

Окрестности Лилля представляютъ мѣсто, гдѣ едва ли не самое плотное населеніе во всей западной Европѣ. На пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ миль жи-

ветъ здѣсь болѣе шестисотъ тысячъ человѣкъ, сосредоточенныхъ главнымъ образомъ около фабрикъ Лилля, Рубе и Туркуана, образующихъ одинъ изъ важнѣйшихъ промышленныхъ центровъ сѣверной Франціи, врѣзывающійся клиномъ въ бельгійскую территорію.

Какъ городъ промышленный, гдѣ такая масса рабочихъ, Лилль, конечно, въ дни разсчета долженъ представлять картину повальнаго пьянства; рабочіе кварталы съ этою цѣлью изобилуютъ несчетнымъ числомъ „estaminet"—заведеній, составляющихъ нѣчто среднее между кабакомъ, полпивной и кофейней. Estaminet по наружности приличнѣе нашего кабака, но въ результатѣ получается то же самое—прогулъ всего недѣльнаго заработка. Замѣчательно, что пьянство усиливается во всей западной Европѣ, и фабрикація спиртныхъ напитковъ быстро увеличивается; въ Бельгіи есть города, гдѣ въ короткій періодъ времени потребленіе водки удесятерилось! И фабриканты, и филантропическія учрежденія очень озабочены подобнымъ прискорбнымъ обстоятельствомъ. Въ вагонѣ я былъ свидѣтелемъ любопытнаго разговора, по случаю жалобъ на пьянство рабочихъ. Какой-то сѣдой господинъ, вѣроятно клерикалъ, замѣтилъ, что пьянство, какъ всякій развратъ, усиливается съ ослабленіемъ религіознаго настроенія въ народѣ.

— Помилуйте, отозвался другой пассажиръ, съ виду похожій на клержимена, у насъ въ Шотландіи народъ безспорно самый религіозный въ Европѣ, между тѣмъ пьянство превзошло всякіе предѣлы. Цѣлыя семейства спятъ на голой соломѣ, пропившись до копѣйки. По субботамъ пьяныхъ въ Глазговѣ такъ много, что полиція, для скорѣйшаго подбиранія ихъ, придумала остроумную

телѣжку съ механическими лопатами, которыя подхватываютъ пьянаго и валятъ его въ общую кучу на телѣгу. Парламентъ, думая ограничить пьянство, вотировалъ законъ, по которому каждый поднятый мертвецки пьянымъ на улицѣ долженъ заплатить 15 шиллинговъ штрафу или высидѣть въ тюрьмѣ. И что жъ! Законъ не примѣняется, потому что въ Шотландіи не хватаетъ мѣста въ тюрьмахъ и для десятой части пьяныхъ. А ужъ, кажется, нашъ народъ религіозенъ. Два раза въ день онъ читаетъ Библію и никогда не пропускаетъ церковной службы...

Я спросилъ оратора, какое, по его мнѣнію, слѣдовало бы употребить средство противъ пьянства. Онъ отвѣчалъ, что, сколько понимаетъ, пьянство поощряется скукою и однообразіемъ фабричнаго труда: поэтому лучшимъ средствомъ были бы, вѣроятно, разнообразныя развлеченія и увеселенія для рабочихъ. „Французы, замѣтилъ онъ, живутъ веселѣе другихъ народовъ, поэтому и безобразное пьянство у нихъ встрѣчается рѣже, чѣмъ у другихъ народовъ“.

Лилль и въ этомъ случаѣ городъ скорѣе фламандскій, нежели французскій. Фабричная работа повліяла, однако, на уничтоженіе типа. Населеніе города ужасно некрасиво, и не разберешь, какой оно расы. Чтобы видѣть фламандскія физіономіи въ чистотѣ, типъ здоровый и красивый, надобно ѣхать въ портъ Лилля—Дюнкирхенъ. Женщины тамъ не работаютъ на фабрикахъ, и населеніе промышляетъ моремъ. Въ Лиллѣ утрачиваютъ свою мѣстную физіономію не только жители, но и постройки. Старый городъ рѣзко въ этомъ случаѣ отличается отъ новаго. Старый городъ съ его узкими кривыми улицами

сохранилъ еще вполнѣ характеръ фламандскихъ городовъ. Онъ остался такимъ, какимъ былъ въ XVII столѣтіи подъ испанскимъ владычествомъ. Любопытнѣйшимъ образчикомъ архитектуры этого періода остается биржа. Биржевыя собранія исключительно служатъ здѣсь мѣстомъ встрѣчи купцовъ, и только по средамъ они оживляются, когда происходитъ фондовая биржа. На лилльской биржѣ игра производится, впрочемъ, только съ акціями сосѣднихъ каменноугольныхъ рудниковъ, занимающихъ во Франціи первое мѣсто по размѣрамъ производительности.

Внутри биржеваго двора, колонада котораго замѣняетъ биржевой залъ, поставленъ памятникъ Наполеону I-му, какъ основателю во Франціи національной промышленности. Дѣйствительно, только съ континентальной системы мануфактуры и заводы стали вполнѣ прочно во Франціи. Само собою разумѣется, что всѣ фабриканты Лилля горячіе защитники покровительственной системы; поэтому, быть можетъ, новѣйшій бонапартизмъ, связавшій свои принципы во Франціи съ теоріей свободной торговли, имѣетъ въ Лиллѣ менѣе сторонниковъ, нежели въ другихъ департаментахъ сѣверной Франціи.

Если Наполеонъ I содѣйствовалъ развитію промышленности города, то императору Наполеону III жители Лилля обязаны украшеніемъ и расширеніемъ города. До него Лилль по наружности оставался приблизительно въ томъ видѣ, какимъ онъ былъ въ то время, когда Людовикъ XIV, возившій съ собою въ походы не только королеву, но и своихъ любовницъ, дѣлалъ изъ Лилля, взятаго силою у испанцевъ, главное мѣстопребываніе для своего сераля. Отсюда Кольберъ де-Вилазерфъ пи-

салъ въ отчаяніи Лувуа: „Бѣда имѣть дѣло съ бабами, и я поставлю свѣчку, когда вы меня избавите отъ всѣхъ этихъ барынь“ *). Въ Лиллѣ же знаменитая, вѣчно беременная г-жа де-Монтеспанъ вела безумную игру и смѣло держала куши въ милліоны ливровъ!

Расширенію города въ теченіе полутораста лѣтъ мѣшала усовершенствованная тогда Вобаномъ крѣпостная ограда. Только при Наполеонѣ III эта ограда была разрушена и защита Лилля, одной изъ важнѣйшихъ во Франціи крѣпостей, производится по новой фортификаціонной системѣ шестью отдѣльными фортами. Съ уничтоженіемъ крѣпостныхъ верковъ и обращеніемъ бывшихъ рвовъ въ бульвары, площадь города очень быстро увеличилась, съ 1860 года почти въ шесть разъ, и своими новыми постройками Лилль приближается къ лучшимъ городамъ въ Европѣ. Лилльцы особенно гордятся своею префектурою, красивымъ, хотя тяжеловатымъ зданіемъ, гдѣ живетъ префектъ Гамбонъ, всѣмъ извѣстный по своей коровѣ; „Бульваромъ Свободы“, обстроеннымъ красивыми зданіями въ новомъ парижскомъ стилѣ, и „Паркомъ Вобана“, не дурно нарисованнымъ. Въ этомъ паркѣ играетъ по вечерамъ музыка и собирается вокругъ довольно мизернаго, плохо освѣщеннаго павильона лучшее общество. Туристу необходимо посѣтить также зданіе городской думы, верхніе этажи которой отданы подъ картинную галлерею и художественную коллекцію Викара. И то и другое весьма любопытно.

Галлерея очень богата картинами старинныхъ и новѣйшихъ мастеровъ, между которыми не мало перво-

*) P. Clement. Madame de-Montespan et Louis XIV.

разрядныхъ. Она еще постоянно пополняется на казенный счетъ покупками на годичныхъ выставкахъ. Между картинами современной французской школы нельзя не остановиться передъ превосходнымъ портретомъ во весь ростъ жены извѣстнаго романиста Фейдо, принадлежащимъ кисти Каролюса Дюрана. И жена и портретъ одинаково прекрасны. Мастерство Дюрана, впрочемъ, давно извѣстно, и почетная медаль, присужденная ему въ 1879 году въ Парижѣ на художественной выставкѣ, справедливо вознаградила двадцатилѣтнюю дѣятельность даровитаго портретиста. Злые языки говорятъ, что въ собачкѣ, стоящей на заднихъ лапкахъ передъ красавицей на портретѣ, артистъ хотѣлъ изобразить самого себя... Коллекціи Викара мѣсто было бы скорѣе въ столицѣ, около какой нибудь академіи художествъ, ибо ею могли бы пользоваться художники; лилльскимъ капиталистамъ эта коллекція не нужна. Викаръ (довольно извѣстный живописецъ) завѣщалъ городу собраніе въ полторы тысячи оригинальныхъ рисунковъ Микель-Анджело, Рафаэля, Корреджіо и др. первоклассныхъ преимущественно итальянскихъ живописцевъ, плодъ усердныхъ поисковъ въ теченіе полувѣка. Одинъ каталогъ этой неоцѣненной для спеціалистовъ коллекціи составляетъ большой томъ. Музей Викара содержитъ также знаменитую восковую фигуру молодой дѣвушки. О происхожденіи этой фигуры до сихъ поръ спорятъ художественныя критики; она во всякомъ случаѣ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ образчиковъ лѣпки изъ воску.

Не смотря на подобныя богатства, художества менѣе всего занимаютъ жителей Лилля. Это городъ хотя университетскій, но болѣе военный—лилльскіе артиллеристы

славились еще въ XV столѣтіи,—и особенно фабричный. Главную роль играютъ въ немъ фабрики для пряденія льна, затѣмъ заводы механическіе — между прочимъ весьма извѣстная въ Россіи фирма „общество Фивъ-Лилль“, химическія, маслобойныя и для приготовленія обуви.

Изъ различныхъ фабрикъ и заводовъ, осмотрѣнныхъ мною въ Лиллѣ, я скажу нѣсколько словъ только о казенной табачной мануфактурѣ. Осмотръ этого заведенія интересенъ въ виду поднятаго было въ Россіи вопроса о введеніи казенной табачной монополіи, который еще быть можетъ возникнетъ не разъ въ планахъ приведенія въ порядокъ нашихъ финансовъ. Лилльская табачная мануфактура одна изъ самыхъ большихъ казенныхъ фабрикъ во Франціи; она назначена для выдѣлки курительнаго табаку и дешевыхъ сигаръ въ одинъ и два су за штуку. Директоръ фабрики и его помощникъ—табачные инженеры. Эта оригинальная спеціальность существуетъ въ одной Франціи.

Тамъ для казенной службы воспитанники парижской политехнической школы по окончаніи курса распредѣляются не по влеченію, а по успѣшности выпускнаго экзамена. Первые нумера дѣлаются, пройдя горную школу, горными инженерами, представляющими, по французскимъ понятіямъ, верхъ человѣческой премудрости; слѣдующіе нумера идутъ въ особую школу для приготовленія въ инженеры путей сообщенія, слѣдующіе — въ кораблестроительные инженеры. Далѣе — въ инженеры для казенныхъ фабрикъ табачныхъ, пороховыхъ и селитряныхъ (ingénieurs des manufactures d'Etat); наконецъ, послѣдніе нумера—въ военныя школы, инженерную и

артиллерійскую, и т. д. Такимъ образомъ юноша, кончившій курсъ примѣрно 25 нумеромъ, хотя бы въ совершенствѣ изучилъ интегралы и дифференціалы, или имѣлъ бы страстное влеченіе къ морю, всю жизнь будетъ фабриковать казенный табакъ, получая тысячь шесть франковъ въ годъ жалованья и разсчитывая развѣ на склонѣ дней своихъ дождаться титула старшаго инженера, съ 10—12,000 франковъ вознагражденія. Что, кажется, тутъ привлекательнаго, а между тѣмъ попасть въ парижскую политехническую школу можно лишь по конкурренціи изъ весьма многихъ желающихъ. Самъ знаменитый Франсуа Араго едва не провалился на вступительномъ экзаменѣ въ эту школу.

Я осматривалъ и описывалъ въ 1872 году казенную табачную мануфактуру въ Севильѣ, знаменитую по роману Мериме и оперѣ Бизэ, и долженъ сказать, что лилльская не въ примѣръ лучше устроена; французскіе инженеры дѣйствительные инженеры, т. е., гдѣ только возможно, они прилагаютъ машинный трудъ, тогда какъ въ Испаніи все творится по простотѣ, женскими руками. Въ Лиллѣ также почти исключительно работаютъ на фабрикѣ женщины, числомъ 1,200. Обозрѣніе этого бабьяго полчища и даетъ мнѣ право сдѣлать заключеніе — съ согласія компетентныхъ лицъ, въ томъ числѣ табачныхъ инженеровъ,—что женскій типъ Сѣвернаго департамента Франціи крайне уродливъ.

Механизмъ мануфактуры даетъ совершенно ясное понятіе о томъ, какихъ цѣлей добивается табачная монополія во Франціи. Цѣль эта—возможно большій доходъ—до 250 милл. франковъ въ годъ, почему надобно удешевить табакъ для потребителя, а съ другой стороны

сдѣлать послѣдняго какъ можно менѣе прихотливымъ и разборчивымъ. Поэтому всѣ операціи направлены къ тому, чтобы получить средній табакъ одинаковаго вкуса во всѣхъ пачкахъ по всей Франціи, не разбирая, будетъ это табакъ крошеный или въ сигарахъ. Лилльская мануфактура употребляетъ множество сырыхъ табаковъ, въ особенности изъ Алжира (лучшій близь границъ Марокко), Суматры, Явы, Виргиніи, Кентуки и изъ нашихъ Черниговской и Саратовской губерній, которые доставляются черезъ Ригу. Часть табака воздѣлывается въ самой Франціи. Сырыя папуши слегка размачиваются, корешки отрѣзываются, затѣмъ листья сортируются и, по надлежащемъ смѣшеніи, кладутся, для приданія однообразнаго вкуса, въ соусъ, приготовленный изъ крѣпкаго табачнаго раствора. Этотъ растворъ не теряетъ цѣны и по вымочкѣ табака; его разбавляютъ водою и продаютъ овцеводамъ для обмыванія овецъ, съ цѣлью убиванія паразитовъ. Я спрашивалъ, не кладутъ ли въ табачный соусъ листьевъ свеклы и капусты, какъ это сплошь да рядомъ дѣлается въ Германіи, но табачные инженеры Христомъ Богомъ увѣряли, что Regie не дозволяетъ себѣ ничего подобнаго. По вымочкѣ, листья слегка подсушиваются, а затѣмъ ихъ прессуютъ и рѣжутъ; если же это табакъ сигарный, то провѣиваютъ и вновь сортируютъ.

Чрезвычайно остроумныя машинки развѣшиваютъ табакъ по фунтамъ, складываютъ въ пачки и наклеиваютъ бандероли, при легкомъ содѣйствіи двухъ работницъ у каждой машинки. Пачки поступаютъ затѣмъ въ контроль, и оказавшіяся съ недовѣсомъ или съ излишнимъ вѣсомъ уничтожаются. Свертываніе сигаръ производится руками,

и француженки въ этомъ случаѣ менѣе искусны, нежели испанки; правда, здѣшній скверный табакъ мѣшаетъ быстрому скручиванію и склейкѣ. Въ Лиллѣ каждая работница свертываетъ среднимъ числомъ 230 сигаръ въ день и, получая 12 франковъ за 1,000, заработываетъ около 3 1/2 франковъ. Папиросы по прежнему набиваются обыкновенными ручными машинками; пробовали было установить болѣе сложный механизмъ для набивки сразу многихъ папиросъ, но машина дѣйствовала неудовлетворительно и оставлена. При фабрикѣ имѣется школа, и каждая работница, хотя бы ей было сорокъ лѣтъ отъ роду, если неграмотна, обязана провести въ школѣ одинъ часъ въ сутки.

Собственно фабрика показалась мнѣ хорошо устроенною и содержимою въ большомъ порядкѣ, зато результатъ операціи даетъ весьма невыгодное понятіе о табачной монополіи, даже въ ея наиболѣе благоустроенномъ видѣ. Если монополія была бы введена въ Россіи, то прощай для любителей куренія всѣ тѣ оттѣнки разныхъ сортовъ табаку, которые они различаютъ въ издѣліяхъ различныхъ фабрикъ. Въ торговлѣ будетъ обращаться одинъ средній табакъ, болѣе или менѣе неудовлетворительный. Табаководство также пострадаетъ, ибо разъ утратится вкусъ къ хорошему табаку, не будетъ разсчета хлопотать надъ воздѣлываніемъ высшихъ сортовъ, требующихъ большаго ухода и весьма рискованныхъ по затратѣ капитала. Выиграетъ только казна, и то въ случаѣ, если не образуется корчемства; а послѣдняго нѣтъ только тамъ, гдѣ, какъ во Франціи и Австріи, публика долгой привычкой забыла, что такое хорошій табакъ, или имѣетъ средства покупать дорогія привозныя

сигары, которыя во Франціи, напримѣръ, примѣрно въ той же цѣнѣ, что и въ Россіи.

Монополія фабрикаціи и продажи табаку вызываетъ невѣроятныя стѣсненія. Разводить табакъ можно только подъ наблюденіемъ чиновника, обработывая при этомъ площадь не менѣе 20 десятинъ и получая особое разрѣшеніе земской управы (commission départamentale). Число десятинъ, которыя дозволяется воздѣлывать во всей Франціи подъ табакъ, и цѣна послѣдняго, въ сыромъ видѣ, ежегодно опредѣляется министромъ финансовъ. Весь сборъ надобно представить въ казну до послѣдняго листочка. Если недостаетъ чего по разсчету, сдѣланному инженеромъ, когда еще табакъ былъ на корню, плантаторъ доплачиваетъ разницу наличными деньгами. Особыя формальности опредѣляютъ условія вывоза табака за границу. Если причислить къ этимъ условіямъ затрудненія, описанныя выше, въ фабрикаціи, воровство въ розничной торговлѣ, контрабанду и деморализацію чиновниковъ и агентовъ, то сдѣлается яснымъ весь вредъ монополіи. Одна раздача лавочекъ для розничной продажи табаку служитъ источникомъ безчисленныхъ злоупотребленій, имѣющихъ иногда даже характеръ политическій.

Обработка льна и льняныхъ оческовъ само собою ставитъ Лилль въ постоянныя и непосредственныя торговыя сношенія съ Россіей, главнымъ поставщикомъ льна на европейскомъ рынкѣ. Паденіе нашего вексельнаго курса было чрезвычайно выгодно для лилльскихъ фабрикантовъ; они нажили на этомъ огромныя деньги. Нашъ ленъ обходится теперь въ Лиллѣ со всѣми расходами, которыхъ въ русскихъ портахъ, особенно въ Архан-

гельскѣ, не оберешься, въ 60 франковъ за квинталъ, между тѣмъ мѣстный и бельгійскій ленъ обходятся въ 150 франковъ за квинталъ. Поэтому коммисіонеровъ русскихъ экспортныхъ фирмъ, преимущественно нѣмецкихъ и еврейскихъ, въ Лиллѣ безъ счета. Стоитъ заявить на биржѣ, что пріѣхалъ изъ Россіи, чтобы быть заваленнымъ предложеніемъ агентуръ. За это удовольствіе готовы даже платить деньги. Большія лилльскія фабрики имѣютъ теперь собственныхъ корреспондентовъ не только въ Ригѣ, Перновѣ, Петербургѣ и другихъ портахъ, но и въ Витебскѣ, Псковѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ, даже въ Саратовѣ. Ленъ они получали прежде преимущественно моремъ черезъ Дюнкирхенъ, но нынѣче провозъ по желѣзнымъ дорогамъ прямымъ сообщеніемъ на столько удешевленъ, что успѣшно конкуррируетъ съ морскимъ.

Въ теченіи двухдневнаго пребыванія моего въ Лиллѣ, я пользовался гостепріимствомъ бывшаго тридцать лѣтъ предсѣдателемъ лилльской торговой палаты и обладателя крупнѣйшихъ во Франціи химическихъ заводовъ г. Кюльмана. Этотъ почтенный промышленникъ и его сынъ, весьма образованный техникъ, съ которымъ я познакомился въ Америкѣ, сообщили мнѣ нѣсколько свѣдѣній, не лишенныхъ интереса, о сношеніяхъ сѣверной Франціи съ Россіей въ торговомъ и финансовомъ отношеніи. Сбытъ произведеній французскихъ фабрикъ уменьшается въ Россіи по случаю повышенія нашего тарифа отъ введенія золотыхъ пошлинъ, зато вывозъ товаровъ изъ Россіи во Францію увеличивается. Кромѣ того замѣтно, хотя еще и слабое, стремленіе къ помѣщенію въ Россіи французскихъ капиталовъ. Дѣло въ томъ, что во Фран-

ціи, какъ и вездѣ, промышленность претерпѣваетъ уже нѣсколько лѣтъ серьезный кризисъ, множество капиталовъ остаются праздными. Эти капиталы охотно были бы помѣщены въ русскія предпріятія, если бы не нѣкоторыя обстоятельства, на которыя необходимо, мнѣ кажется, обратить серьезное вниманіе.

Главное препятствіе—совершенное незнаніе во Франціи ничего того, что дѣлается въ Россіи. Прежде всего это касается политическаго положенія дѣлъ. Трудно описать, какія колоссальныя нелѣпости печатаются ежедневно въ здѣшнихъ газетахъ, особенно провинціальныхъ, о нигилистахъ, о пожарахъ и т. п. Я самъ читалъ описаніе, какъ будто бы въ Кіевѣ, по приказанію начальства, желая сдѣлать обыскъ, согнали всѣхъ женщинъ на площадь, гдѣ раздѣли ихъ и отпустили домой въ чемъ мать родила, а снятое платье начали обыскивать! Французы читаютъ эту чушь серьезно, и мнѣ задавали множество вопросовъ, показывающихъ предположеніе, будто бы въ Россіи крайне тревожное положеніе вещей. Такое же недовѣріе распространяется на русскій кредитъ. Векселю крупнѣйшей русской фирмы невозможно отыскать иногда бланконадписателя. Не зная различія нашихъ банковъ, лилльскіе фабриканты не рѣшаются держать въ нихъ суммъ на текущемъ счету, отчего теряютъ разницу въ процентахъ. Они, говорятъ, обращались за совѣтомъ къ Ротшильду въ Парижѣ, но эта фирма, всегда бывшая враждебною къ Россіи, совѣтывала совершенно избѣгать всѣхъ русскихъ банковъ. Между тѣмъ, можно ли сомнѣваться, что большинство нашихъ банковъ, особенно столичныхъ, представляютъ помѣщеніе совершенно безопасное.

Относительно русскихъ бумагъ существуетъ во Франціи такое же полное невѣдѣніе; я лично разъяснилъ одному здѣшнему богатому капиталисту, что такое облигаціи центральнаго банка. Изъ его словъ я понялъ, что, покупая ихъ, онъ полагалъ, будто пріобрѣтаетъ закладные листы общества взаимнаго поземельнаго кредита. Послѣднія же, въ свою очередь, онъ, повидимому, смѣшивалъ съ выкупными свидѣтельствами, полагая, что земельные фонды обезпечены „гарантіей коммунъ", т. е. вѣроятно платежами крестьянъ! Подобныя ошибки могутъ сдѣлать человѣка впредь осторожнымъ. Еще менѣе знаютъ французы о положеніи въ Россіи различныхъ отраслей промышленности; никому не извѣстно, какія именно акціи въ данное время наиболѣе доходны и солидны, и почему. Въ почти единственномъ нашемъ французскомъ органѣ „Journal de St.-Pétersbourg", какъ извѣстно, печатаются цѣликомъ малѣйшіе эпизоды французскихъ палатъ, а о Россіи никогда нѣтъ ни слова, если не считать статей о Михайловскомъ театрѣ. Откуда же серьезные французскіе люди пріобрѣтутъ необходимыя для нихъ свѣдѣнія? Съ одной стороны ихъ собственные органы передаютъ о Россіи только глупыя сплетни, а наши иностранные органы даютъ перепечатку запоздавшихъ уже для французовъ парижскихъ газетъ.

Если мы желаемъ развить свои сношенія съ Франціей, если хотимъ привлечь ея изобильные капиталы къ себѣ, то необходимо поболѣе гласности и всякихъ средствъ къ ознакомленію французовъ съ экономическимъ положеніемъ Россіи. Само правительство заинтересовано въ этомъ. Если наши государственные фонды до сихъ поръ не пользуются на французскихъ рынкахъ такимъ довѣ-

ріемъ, которымъ они пользуются на биржахъ нѣмецкихъ и голландскихъ, то виною опять не французы, ибо кто же, какъ не должникъ, обязанъ убѣдить кредитора въ своей полной состоятельности и разсѣять его основательныя или нѣтъ предубѣжденія.

IX.

Брюгге. — Значеніе его въ средневѣковой торговлѣ. — Наружность города. — Мемлингъ и старая фламандская школа. — Общество св. Себастіана.—Испанское вліяніе на фламандскій типъ.—Бегинажъ и бегинки.—Влюбленный король.

Очень многіе туристы проѣзжаютъ мимо Брюгге, который лежитъ на пути въ Остенде, не давая себѣ труда остановиться хотя на короткое время, между тѣмъ Брюгге безспорно одинъ изъ интереснѣйшихъ городовъ, какіе еще только существуютъ для образованнаго человѣка въ Европѣ. Городъ какъ будто бы застылъ съ XV вѣка, когда онъ былъ средоточіемъ всемірной торговли и резиденціей могущественныхъ бургундскихъ герцоговъ, дворъ которыхъ отличался роскошью и распущенностью, а политика двуличностью, жестокостью и пронырствомъ. Торговая слава Брюгге началась, впрочемъ, ранѣе, еще послѣ первыхъ крестовыхъ походовъ, въ которыхъ Фландрія, и тогда уже яро-католическая, принимала, какъ извѣстно, горячее участіе. Развитію сношеній содѣйствовало выгодное положеніе города. Отдаленный отъ берега, онъ не опасался набѣговъ грабителей, а между тѣмъ, при помощи каналовъ, имѣлъ непосредственное соединеніе съ открытымъ моремъ.

Ни одинъ портъ, даже въ Италіи, не могъ пятьсотъ лѣтъ тому назадъ соперничать съ Брюгге по количеству товаровъ, ихъ разнообразію, по изобилію капиталовъ и быстротѣ сбыта. Мореходство и внѣшняя торговля Брюгге, вмѣстѣ съ мануфактурнымъ производствомъ Фландріи и Брабанта, образовали такое грандіозное цѣлое, которому не было потомъ примѣра въ исторіи торговли. Обороты Брюгге были по преимуществу космополитическіе и богатство города не возбуждало зависти, потому что купцы всѣхъ странъ наживали здѣсь огромныя деньги, встрѣчая гораздо менѣе стѣсненій, нежели у себя дома. Двадцать пословъ разныхъ странъ постоянно жили въ городѣ, покровительствуя своихъ соотечественниковъ.

Въ половинѣ XIV вѣка въ Брюгге уже было 150,000 жителей и его биржа управляла всемірной торговлей; шестнадцать факторій иностранныхъ купцовъ въ стѣнахъ города ежедневно производили между собою обороты. Ганзейскій союзъ, Лондонъ, Бристоль, Авиньонъ, Лиссабонъ, Барселона, Пиза, Генуя, Венеція и др. города имѣли здѣсь своихъ представителей. Кромѣ огромнаго мѣстнаго потребленія, изъ Брюгге ганзейцы увозили продукты Востока, итальянцы—сѣверныя произведенія, Англія, не имѣвшая тогда ни флота, ни фабрикъ, обмѣнивала на мануфактурныя произведенія свою шерсть, Франція—свои вина. Векселя брюжскихъ торговыхъ домовъ принимались въ цѣломъ свѣтѣ, хотя отсутствіе личнаго задержанія дѣлало въ то время взысканія по долгамъ весьма затруднительными.

Въ торговлѣ Брюгге существовали не только опредѣленныя правила, но биржа, зданіе которой сохрани-

лось до сихъ поръ, имѣла свой регламентъ; маклера приносили присягу, получали опредѣленные куртажи и не могли торговать за свой счетъ. Самое слово „биржа“ образовалось отъ герба на зданіи (beursen—кошелекъ), въ которомъ періодически собирались въ Брюгге купцы *). Существованіе въ Брюгге страховыхъ обществъ не подлежитъ сомнѣнію; по всей вѣроятности тамъ были банки и другія кредитныя учрежденія, хотя подъ другими названіями. Нигдѣ торговля не встрѣчала въ то смутное время болѣе порядка и безопасности. Неаккуратныхъ плательщиковъ строго преслѣдовали и охотно принимали всякія мѣры для поддержанія кредита. Иностранцы пользовались совершенною свободою, таможенныя пошлины взимались умѣренныя и однообразныя, а налоги распредѣлялись такимъ образомъ, чтобы касаться какъ можно менѣе торговли. Наслѣдства и всякія имущества могли свободно переходить въ руки чужеземцевъ. Ничего подобнаго не было тогда въ другихъ странахъ Европы и, понятно, привлекало въ Брюгге торговлю. Только жидамъ не дозволялось торговать по всей Фландріи.

Также славились мѣстныя мануфактуры, особенно дорогихъ матерій: бархата, плюша и знаменитыхъ обоевъ. Послѣдними Брюгге промышлялъ долгое время и изъ этого города Генрихъ IV, король французскій, досталъ мастеровъ, которые организовали фабрику Гобеленъ. Брюгге отличался еще своими ювелирами и золотыхъ дѣлъ мастерами; здѣсь, повидимому, было изобрѣтено

*) Въ своей диссертаціи о биржѣ г. Тиграновъ увѣряетъ, что это зданіе находится въ Амстердамѣ! Означенная диссертація увѣнчана медалью совѣтомъ петербургскаго университета.

искусство гранить алмазы. Въ городѣ и его окрестностяхъ на фабрикахъ работало болѣе 50,000 человѣкъ, т. е. болѣе чѣмъ теперь въ Брюгге всѣхъ жителей. Эти рабочіе составляли корпораціи, имѣвшія огромное политическое значеніе. Въ началѣ XIV вѣка брюжскій ткачъ Пьеръ Леруа не только отстоялъ во главѣ рабочихъ городъ отъ французскаго короля, но усмирилъ волненія французской партіи. Многіе нынѣшніе бельгійскіе аристократы потомки этихъ рабочихъ; правда, что въ Нидерландахъ дворянство и въ средніе вѣка не стыдилось заниматься торговлею и промышленностью. Учрежденіе въ Брюгге Филиппомъ Бургундскимъ въ 1430 году извѣстнаго ордена Золотаго Руна, до сихъ поръ сохранившагося въ Австріи и Испаніи, служило въ свое время подтвержденіемъ того, что шерстяная промышленность составляла, по сознанію правительства, основаніе богатства, силы и величія страны.

По словамъ писателей XV вѣка, въ Европѣ нельзя было найдти ничего подобнаго Брюгге и другимъ городамъ Нидерландовъ по красотѣ, роскоши и богатству. Искусства, особенно живопись, процвѣтали и поощрялись. Отсюда шли моды на всю Европу, какъ теперь изъ Парижа, и только послѣ франко-итальянскихъ войнъ фламандскія моды начали замѣняться итальянскими. Населеніе было счастливо, жило въ изобиліи и въ мирѣ. Распредѣленіе богатства во всѣхъ классахъ общества выгодно отличало Нидерланды отъ Италіи, гдѣ и во времена блестящаго развитія торговли масса населенія пребывала въ нищенствѣ. Такое превосходство Нидерландовъ зависѣло отъ развитія и прочности предпріятій, отъ правильнаго раздѣленія труда, отъ

либеральной организаціи корпорацій и отъ превосходнаго муниципальнаго устройства. Отличная книга знаменитаго бельгійскаго историка Лорана знакомитъ съ устройствомъ этихъ корпорацій.

Процвѣтаніе продолжалось до половины XV вѣка. Погубила Брюгге политика. Прекращеніе въ 1477 году мужеской линіи бургундскаго дома послужило поводомъ къ упадку, а затѣмъ и къ совершенному уничтоженію торговли города. Когда, вслѣдствіе супружества Маріи, дочери Карла Смѣлаго, съ эрцгерцогомъ Максиміліаномъ, Нидерланды достались Австріи, фламандскія общины думали воспользоваться случаемъ, чтобы вернуть многія вольности, утраченныя при бургундской династіи. Вспыхнуло общее возстаніе и въ 1488 году Брюгге, стоявшій во главѣ движенія, захватилъ въ плѣнъ эрцгерцога, уже избраннаго римскимъ королемъ. Оскорбленный отецъ Максиміліана, Фридрихъ III, императоръ германскій, поднялъ на ноги всю имперію и жестоко наказалъ демократическій городъ. Хуже всего, что въ это смутное время напуганные купцы отвыкли являться въ Брюгге, а каналы, соединявшіе городъ съ моремъ, всегда доступные кораблямъ, во время войны засорились и сдѣлались недоступными. Напрасно Максиміліанъ хотѣлъ перемѣнить гнѣвъ на милость и поддержать Брюгге особою сдѣлкою съ Ганзейскимъ союзомъ, для котораго Брюгге былъ важнѣе даже Бергена и Новгорода Великаго; лига сама была вынуждена перенести свою контору въ Антверпенъ. Торговля, разъ сдвинутая съ пути, не могла уже возвратиться вспять и отъ торговаго величія метрополіи Фландріи остались одни сладкія воспоминанія.

Вотъ въ этомъ-то положеніи Брюгге и остается буквально до сихъ поръ: ни очистка каналовъ, ни проведеніе къ городу желѣзныхъ дорогъ не произвело никакой существенной перемѣны. Городъ, въ которомъ не прибавилось новыхъ построекъ, а только мало по малу валятся старыя, сдѣлался огромнымъ музеемъ, и гуляя по вечерамъ, когда жители спятъ,—а они по старинкѣ заваливаются еще въ десять часовъ, причемъ зажигать фонари считаютъ излишнею роскошью,—можно безъ всякаго усилія фантазіи вообразить себя въ средневѣковомъ городѣ. Каналы безъ набережныхъ, главная площадь съ ратушею, съ башнею, гдѣ играютъ часы съ курантами, соборы, застроенные со всѣхъ сторонъ зданіями, отсутствіе тротуаровъ, часовые, перекликающіеся на каланчахъ, узкія и кривыя улицы съ неровною мостовою и высокія многоэтажные дома въ два, три окна съ острымъ щипцемъ и одностворчатыми дверьми, щедро украшенными желѣзною оковкою—все это невольно переноситъ васъ за пять вѣковъ назадъ.

Царь Соломонъ говоритъ гдѣ-то, что „лучше сидѣть на концѣ крыши, нежели въ одной комнатѣ съ сердитой женой“; къ Брюгге это изреченіе непримѣнимо, ибо и самъ Блонденъ не могъ бы усидѣть на концахъ крышъ здѣшнихъ домовъ, сохранившихся буквально тѣми же, какъ въ то время, когда по звуку вѣчеваго колокола выходили на главную площадь свободолюбивые граждане и ремесленники города и семьсотъ лѣтъ ранѣе Мирабо гордо отвѣчали посланцу французскаго короля: „Скажите вашему господину, что онъ клятвопреступникъ, что мы не хотимъ знать его креатуръ; мы выбрали правленіе по своему вкусу и не королю Фран-

ціи мѣшать этому выбору. Намъ однимъ, народу Фландріи, должно принадлежать право выбирать себѣ государя"...

Городъ, какъ всѣ средневѣковые города, конечно, имѣетъ нѣсколько высокихъ каланчей и колоколень. Викторъ Гюго очень остроумно и наглядно опредѣлилъ, что такое эти фламандскія колокольни—чудо искусства и механики: „поставьте, говоритъ онъ, опрокинутый салатникъ на судейскій колпакъ, сахарницу на салатникъ, бутылку на сахарницу и потиръ на бутылку — вотъ вамъ здѣшняя колокольня"... На одну изъ такихъ замысловатыхъ башень я имѣлъ терпѣніе влѣзть. Это каланча въ 54 сажени вышиною, наклонившаяся на бокъ, подобно башнямъ въ Пизѣ и Саррагосѣ, надъ бывшимъ главнымъ рынкомъ, гдѣ нѣкогда висѣлъ вѣчевой колоколъ и куда собирался для совѣщанія народъ, а теперь устроенъ пожарный наблюдательный постъ и музей. Взойдя по четыремъ стамъ слишкомъ ступенямъ въ темнотѣ и оріентируясь висящей вдоль стѣны веревкой, вознаграждаешься великолѣпнымъ видомъ не только на древній городъ, но и на Остенде, Бланкенбургъ и Нѣмецкое море съ его кораблями. Въ башнѣ часы необыкновенной величины, разыгрывающіе каждыя пятнадцать минутъ разнообразные мотивы. Поднявшійся со мною бельгійскій адвокатъ, разсматривая безчисленныя колеса механизма, философски замѣтилъ:

— Да, въ старину лучше были три вещи: часы, нравственность и политика.

Вмѣсто отвѣта на послѣднее я, справившись съ планомъ, указалъ на площади у нашихъ ногъ два старинныхъ дома. Въ одномъ долго жилъ во время изгнанія

король Карлъ II Стюартъ, подарившій потомъ изъ благодарности городу портреты не только свой, но и своихъ любовницъ. Другой домъ еще замѣчательнѣе. Здѣсьто граждане Брюгге держали въ заперти будущаго императора германскаго, не обращая вниманія ни на армію священной римской имперіи, ни на папское отлученіе отъ церкви. Максимиліанъ былъ выпущенъ только поклявшись публично передъ гласными думы и членами корпораціи уважать вольности города. Эта клятва была съ него безцеремонно снята нѣсколько недѣль спустя собраніемъ германскихъ князей въ Мехельнѣ. Въ домѣ, гдѣ содержался римскій король, теперь помѣщается кабакъ! За это нельзя винить, однако, брюжцевъ: если бы заставить ихъ сохранять всѣ замѣчательныя почему либо старинныя зданія, то положительно нельзя было бы сдѣлать ни одной постройки или починки въ городѣ.

И безъ того остатковъ старины въ Брюгге не оберешься: для ихъ описанія мало пожалуй и цѣлой книги. Съ особеннымъ удовольствіемъ можно осмотрѣть соборъ, церковь Onze Vrouw, госпиталь св. Іоанна, часовню крови Господней, зданіе судебной палаты и академію художествъ, заключающіе величайшія сокровища искусствъ, которымъ положительно нѣтъ цѣны. Я пропускаю еще десятокъ другихъ не менѣе примѣчательныхъ вещей. Въ Брюгге вѣдь родилось искусство писать масляными красками и сразу живопись въ возникшей здѣсь такъ называемой „старой фламандской школѣ“ достигла высоты, до какой она быть можетъ никогда затѣмъ не доходила. Въ особенности замѣчательны техника и выборъ красокъ. Прошло почти пятьсотъ лѣтъ, а кар-

тины старой фламандской школы остаются свѣжими, точно вчера написанными, тогда какъ гораздо болѣе позднѣйшія картины знаменитыхъ мастеровъ быстро идутъ къ разрушенію. Извѣстная „Тайная Вечеря“ Леонардо де-Винчи уже, можно сказать, не существуетъ, черезъ пятьдесятъ лѣтъ не останется и половины произведеній этого великаго художника. Мало по малу темнѣютъ и линяютъ картины Рембрандта: Богъ вѣсть просуществуютъ ли онѣ еще двѣсти лѣтъ. Я не говорю уже о современныхъ живописцахъ: за малыми исключеніями ихъ картинъ нельзя узнать черезъ тридцать лѣтъ. Для провѣрки стоитъ взглянуть хоть на Послѣдній день Помпеи Брюллова въ Эрмитажѣ, или на морскіе виды Айвазовскаго въ музеѣ нашей академіи художествъ.

Чрезвычайно быстро школа, созданная братьями Ванъ-Эйками, съумѣла дойдти до изображенія кистью идеальнѣйшихъ порывовъ наивной вѣры, дать если не самое благородное, то наиболѣе выразительное представленіе человѣческихъ лицъ, найдти впервые точную форму для тѣла и надлежащій колоритъ для неба, воздуха, пейзажа, одежды и особенно для предметовъ роскоши. Мастерство ея въ рисовкѣ золота, драгоцѣнныхъ камней, отраженія предметовъ на металлическихъ поверхностяхъ поразительно.

Фламандское возрожденіе въ лицѣ Ванъ-Эйковъ, Ванъ-деръ-Вейдена, Бутса, Мемлинга, Квентинъ Матсиса и др. даетъ на картинахъ, уже не символическія представленія, но живыхъ людей. Анатомическое устройство тѣла внимательно наблюдается, перспектива вѣрна, малѣйшія подробности матерій, зданій, пейзажа и аксесуаровъ тщательно передаются кистью; рельефъ кар-

тинъ поразителенъ, а группировки отличаются натуральностью. Конечно, и впредь великіе мастера не пойдутъ по этой части далѣе, если еще не вопросъ: достигнутъ ли совершенства старой фламандской школы?

Трудно сказать, какъ образовались подобные могучіе таланты, какое воспитаніе дало имъ столько техническаго опыта и съумѣло внушить столько наблюдательности, терпѣнія, настойчивости и энергіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ теплой вѣры и горячаго христіанскаго чувства. Едва эта школа образовалась, какъ достигла совершенства. Ничего подобнаго въ итальянской школѣ Возрожденія не было. Да и относительно выраженія чувства теперь всѣ согласны, что ни ломбардская, ни тосканская, ни венеціанская школа не достигли непосредственности художниковъ Брюгге. Самая практика, какъ я сказалъ, была доведена тутъ до высочайшей степени совершенства. Языкъ художниковъ сдѣлался гибче, богаче, разнообразнѣе, но никогда не обладалъ онъ такой выразительной простотой, блескомъ и вмѣстѣ оригинальностью. Глядя на эти картины, а также и на архитектурные памятники, ихъ вмѣщающіе, понимаешь, какъ были оклеветаны средніе вѣка въ прошломъ столѣтіи, для котораго вся эпоха до Возрожденія представлялась варварствомъ, какъ недавно еще нашимъ западникамъ вся Россія до реформы Петра казалась чѣмъ-то дикимъ и лишеннымъ цивилизаціи.

Однимъ изъ самыхъ удивительныхъ представителей старой фламандской школы, пріютившейся въ Брюгге, можно считать Ганса Мемлинга, который недавно такъ мало цѣнился, что самое имя его писалось и даже пишется иногда неточно: Гемлингъ. Совершенно вѣрно за-

мѣчено, что ради картинъ этого единственнаго въ своемъ родѣ художника поѣздка въ Брюгге обязательна для каждаго артистически развитаго человѣка. Картины Мемлинга, по большей части сомнительнаго происхожденія, можно встрѣтить въ различныхъ городахъ, но лучшія и безспорно ему принадлежащія находятся въ Брюгге, въ старинномъ госпиталѣ св. Іоанна. Осмотръ этого госпиталя, сохранившаго свои средневѣковые внѣшность и порядки, самъ по себѣ любопытенъ, но картины Мемлинга, въ томъ числѣ три наилучшихъ, помѣщенныя вмѣстѣ съ другими рѣдкостями въ особомъ зданіи, во дворѣ госпиталя, доставляютъ по-истинѣ высокое наслажденіе.

Существовала интересная легенда, какъ эти картины достались госпиталю, но теперь разъяснено мѣстными историками, что Мемлингъ былъ весьма обыкновеннымъ буржуа города, быть можетъ и не сознававшимъ цѣны своего громаднаго таланта. Сравнительно съ Іоанномъ Ванъ-Эйкомъ, у Мемлинга болѣе нѣжности и граціи; женскія фигуры его болѣе изящны. Прелестныя блондинки, скромныя и невинныя—глядятъ у Мемлинга на картинахъ принцессами лучшей крови. Затѣмъ Мемлингъ остается постоянно характернымъ фламандцемъ. Онъ ничего не прикрашиваетъ, хотя смотритъ на свѣтъ глазами оптимиста; онъ изображаетъ его въ праздничномъ нарядѣ, но неизмѣнно сохраняя строгій реализмъ и не отрываясь отъ земли; онъ даже копируетъ механически мельчайшія детали съ натуры, не дерзая ничего прибавить отъ себя. Идеализмъ художника проявляется лишь въ горячности христіанскаго чувства. Подобно всѣмъ своимъ товарищамъ по искусству въ

старой фламандской школѣ, онъ не знаетъ другихъ сюжетовъ, кромѣ религіозныхъ.

Лучшимъ произведеніемъ Мемлинга считается, по крайней мѣрѣ по мнѣнію большинства художественныхъ критиковъ, рядъ картинъ, изображающихъ дѣянія католической святой Урсулы—быть можетъ прелестнѣйшія изъ существующихъ на свѣтѣ произведеній кисти. Эта легенда Урсулы и одиннадцати тысячъ дѣвственницъ—цѣлый романъ въ картинахъ; каждая изъ миньятюръ отличается массою подробностей, напоминающихъ повѣствовательный способъ изложенія; просто нельзя оторваться отъ граціознѣйшаго произведенія, гдѣ искусство и терпѣніе знаменитѣйшихъ голландцевъ Дау, Мьериса, соединено съ самою возвышенною наивностью и цѣломудренною чистотою. Если могъ кто либо изобразить добродѣтель вполнѣ привлекательно, то, конечно, этого достигъ Мемлингъ, не гоняясь ни за физическою красотою, ни за остроумнымъ вымысломъ. Одинъ художественный критикъ справедливо замѣтилъ, что словарь слишкомъ бѣденъ выраженіями, касающимися невинности, поэтому и оцѣнить Мемлинга не достаетъ словъ...

Легенда Урсулы и ея дѣвственницъ пересказывалась многократно на разные лады. Мемлингъ, конечно, принимаетъ ее со всѣми подробностями средневѣковыхъ компиляторовъ. На картинахъ въ госпиталѣ фигурируютъ и папа Киріакъ, и дѣвственницы, которыя будто бы были убиты въ Кельнѣ по приказанію императора Граціана или Юліана, вмѣстѣ съ этою британскою принцессою. Давно, однако, даже духовные писатели сомнѣвались, чтобы когда либо въ Германіи могло быть одиннадцать тысячъ дѣвственницъ. Уже мартирологъ 850 года опре-

дѣляетъ число убитыхъ дѣвственницъ въ тысячу, но и эта цифра показалась преувеличенною, и ее сократили мало по малу до одиннадцати! А именно надпись Sancta Ursula et XI M. V. прочли не „одиннадцать тысячъ дѣвъ“, а „одиннадцать мученицъ-дѣвственницъ“. Такое чтеніе открывало множество свободныхъ вакансій въ раю, но ими историки не удовлетворились, и теперь увѣряютъ, будто мученицъ было всего двѣ: Урсула и Ундецимилія. Собственное имя послѣдней безграмотные переписчики изъ Undecimilla обратили въ undecimillia— одиннадцать тысячъ! Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ аббатъ Сирмонъ.

Въ зданіи судебной палаты, которое нельзя обойдти молчаніемъ, находится единственный въ своемъ родѣ каминъ, занимающій цѣлую стѣну. Каминъ въ домѣ графа Кушелева-Безбородко, о которомъ у насъ столько говорили,—грубая игрушка сравнительно съ этимъ необыкновеннымъ произведеніемъ въ стилѣ Возрожденія. Низъ камина изъ чернаго мрамора, верхъ изъ дуба, барельефы—исторія Сусанны—изъ бѣлаго мрамора; все это украшено пышною рѣзьбою и статуями во весь ростъ. Законченность и изящество работы необыкновенныя. Также любопытна древняя Часовня святой крови. Тутъ и замѣчательныя картины, и рѣзныя вещи; но тысячи богомольцевъ капелла привлекаетъ ежегодно болѣе всего серебряной раззолоченой дарохранительницей, усыпанной драгоцѣнными каменьями, пожертвованными знаменитостями нѣсколькихъ столѣтій. Католическая легенда увѣряетъ, что въ этомъ сосудѣ сохраняется нѣсколько капель крови Спасителя, присланной въ началѣ XII вѣка Бодуэномъ III, королемъ іерусалимскимъ.

Какъ бываетъ обыкновенно, тѣ лица, которыя приставлены поближе къ святынѣ, видятъ въ ней лишь источникъ наживы и относятся къ ней цинически. Толстая фламандка—вѣроятно, дочь пономаря—показывавшая мнѣ дарохранительницу, не имѣла силы вдвинуть ее на свое мѣсто; побившись немного, она совершенно спокойно повернулась спиною къ святынѣ и нѣсколькими ударами своего мощнаго зада заставила дарохранительницы плотно войти въ кіотъ. Въ часовнѣ развѣшаны печатныя объявленія, гарантирующія публику, что все покупаемое ею здѣсь дѣйствительно было въ соприкосновеніи съ кровью Спасителя.

Какъ тверды еще въ Брюгге преданія старины, показываетъ существованіе общества для стрѣльбы изъ арбалета! Это древнее общество, или „корпорація св. Себастіана“, имѣетъ старинный домъ на краю города, украшенный портретами почетнѣйшихъ членовъ своихъ: императора Максимиліана, англійскаго короля Карла II и другихъ, и портретами такъ называемыхъ „королей“, т. е. лицъ, получившихъ первые призы извѣстное число разъ. Каждый членъ, приходя въ общество, надѣваетъ особый костюмъ, который хранится въ шкафѣ, принадлежащемъ члену; нѣкоторые шкафы переходятъ по наслѣдству уже въ десятое поколѣніе. Конечно, теперь стрѣльба изъ арбалета ни къ чему служить не можетъ... виноватъ, она служитъ предметомъ къ громадному потребленію кружекъ пива, почему, вѣроятно, и поощряется съ фискальною цѣлью бельгійскимъ правительствомъ, не опасающимся никакихъ новыхъ Вильгельмовъ Телей.

Когда въ 1301 году французскій король Филиппъ Красивый прибылъ въ Брюгге, то жена его, видя рос-

кошные наряды женщинъ, воскликнула: „я себя одну считала до сихъ поръ королевой, но здѣсь я ихъ вижу шестьсотъ!“ Правда, понятія о роскоши относительны: еще сто лѣтъ спустя у французской королевы было только двѣ полотняныхъ рубашки... Современный туристъ также встрѣтитъ на улицахъ Брюгге сотни женщинъ, можно даже сказать, что онъ никого не встрѣтитъ, кромѣ женщинъ, но ни одна изъ нихъ ни наружностью, ни одеждою не напомнитъ ему королеву. Иностранецъ съ недоумѣніемъ, пожалуй, спроситъ, гдѣ эта пресловутая красота брюжскихъ женщинъ, formosis Bruga puellis, вошедшая въ пословицу? Не нужно, однако, торопиться заключеніями. Нынѣшняя бѣдность Брюгге, гдѣ треть, а по другимъ свѣдѣніямъ почти половина (22,000 изъ 48,000 жителей) населенія въ нищенствѣ, вынуждаетъ все его здоровое населеніе уходить на заработки по фабрикамъ, оставляя дома хламъ. Уродливыя бабы въ бѣлыхъ чепцахъ, деревянныхъ башмакахъ на босую ногу и фламандскихъ плащахъ съ капишонами, поминутно попадающіяся на улицѣ, и есть соломенныя вдовы, оставленныя такимъ образомъ на произволъ судьбы. Онѣ пробавляются кое-какъ рукодѣліями, особенно дѣланіемъ кружевъ, а болѣе нищенствомъ и шатаніемъ по городу, получая поддержку изъ богатѣйшаго городскаго благотворительнаго фонда.

По нимъ нельзя дѣлать опредѣленій; въ зажиточномъ классѣ встрѣчаются болѣе красивые типы бѣлокурыхъ женщинъ, напоминающія модели Ванъ-Эйка и Мемлинга. Красота, впрочемъ, такой товаръ, который имѣетъ нынче спросъ на всемірномъ рынкѣ, поэтому красивыхъ фламандокъ надобно, говорятъ, искать въ Парижѣ, а не

на мѣстѣ, ну, а еще Монтескье сказалъ: „Quand on a été femme à Paris on ne peut plus être femme ailleurs“. Я, однако, судя по тѣмъ же картинамъ старофламандской школы, думаю, что репутація брюжскихъ красавицъ несомнѣнно была преувеличена, даже въ эпоху величайшаго процвѣтанія города. Коснувшись фламандскаго типа, замѣчу кстати, что каріе глаза и черные волосы встрѣчаются тутъ нерѣдко, и даже въ Голландіи, особенно въ Зеландіи, что дало поводъ наивно приписывать это вліянію владычествовавшихъ здѣсь нѣкогда испанцевъ; между тѣмъ, нѣтъ ничего неосновательнѣе подобнаго предположенія.

Испанцы всегда владѣли Нидерландами чисто политически. Они присылали высшихъ чиновниковъ и главныхъ офицеровъ; небольшіе гарнизоны стояли исключительно въ большихъ городахъ, и это были войска испанскія развѣ по названію, такъ какъ въ то время войска набирались наймомъ, преимущественно изъ нѣмцевъ и валлоновъ. Чисто испанскія войска прибыли въ Нидерланды только въ 1566 г. съ герцогомъ Альбою, который нарочно избралъ для укрощенія возстанія вполнѣ вѣрныя войска, стоявшія въ Піемонтѣ. Этихъ войскъ было всего десять тысячъ; они быстро поуменьшились въ числѣ отъ сраженій и болѣзней, да во всякомъ случаѣ, и при полномъ усердіи, могли имѣть только весьма ничтожное вліяніе на измѣненіе фламандской породы, тѣмъ болѣе, что предусмотрительный полководецъ, опасаясь сближенія солдатъ съ населеніемъ, всегда возилъ вслѣдъ за своею арміей караванъ изъ тысячи восьмисотъ публичныхъ женщинъ. Эти женщины были организованы по военному, въ родѣ амазонокъ; и Прескоттъ очень эф-

фектно описываетъ въ „Исторіи Филиппа II“ вступленіе ихъ въ Антверпенъ.

Погибшихъ, но милыхъ созданій, впрочемъ, въ Нидерландахъ и своихъ постоянно было довольно. Къ счастью, не было недостатка и въ явленіяхъ прямо противоположныхъ. Осматривая всѣ углы Брюгге, я зашелъ въ такъ называемый Beguinage, основанный въ XIII столѣтіи Жанною Константинопольскою на островкѣ, соединенномъ подъемнымъ мостомъ. Огромный дворъ засаженъ высокими старыми деревьями; кажется, я еще подобныхъ и не видывалъ. Вокругъ стоятъ старинныя зданія и небольшая церковь. Тишина царствуетъ мертвая. Beguinages — родъ женскихъ общежитій, существующихъ только въ Бельгіи и Голландіи; о нихъ стоитъ сказать два слова, тѣмъ болѣе, что бегинки очень напоминаютъ нашихъ раскольничьихъ черничекъ, а отчасти американскихъ шекеровъ. Происхожденіе этого учрежденія, названіе котораго не умѣю перевести по-русски, въ точности неизвѣстно; одни производятъ его отъ французскаго святого Бега, другіе отъ глагола молиться — по-фламандски beggen. Оно существуетъ уже около шестисотъ лѣтъ и имѣетъ цѣлью принимать въ свою среду женщинъ, желающихъ жить скромно, вдали отъ свѣта, посвящая себя дѣламъ милосердія. Никакихъ, однако, религіозныхъ обѣтовъ бегинки не даютъ; поэтому не только императоръ Іосифъ II не коснулся ихъ при уничтоженіи большей части монастырей въ Бельгіи, но бегинажи, за ихъ заслуги человѣчеству, были пощажены даже французскими революціонерами, разрушавшими въ близорукомъ усердіи въ Нидерландахъ всѣ памятники старины, до надгробныхъ монументовъ включительно.

Чтобы быть принятою въ бегинажъ, дѣвушка или вдова должна имѣть аттестатъ безпорочной нравственности и доходъ въ 26 руб. въ годъ; она платитъ, кромѣ того, при вступленіи 30 руб. единовременно. Окончательный пріемъ дѣлается только черезъ два года, по большинству голосовъ. Молодыя сестры живутъ вмѣстѣ, а по прошествіи шести лѣтъ получаютъ право жить отдѣльнымъ хозяйствомъ въ одномъ изъ маленькихъ домиковъ, содержащихъ отъ двухъ до четырехъ квартиръ. Каждый подобный домикъ носитъ названіе какого нибудь святого—своего патрона. Бегинки имѣютъ право, если хотятъ, уступить часть квартиры, за плату, какой нибудь старой женщинѣ, родственницѣ или посторонней. Для управленія своего онѣ избираютъ начальницу (Groot jungfrouw), которой подчиняются безусловно, равно какъ и правиламъ ихъ учрежденія. Онѣ носятъ особый старинный костюмъ и обязаны два раза въ день слушать церковную службу. Каждая желающая можетъ всегда покинуть учрежденіе; въ такихъ случаяхъ, внесенныя при вступленіи деньги возвращаются. Бегинки гордятся, однако, что подобныхъ случаевъ было чрезвычайно мало. Хотя въ бельгійскихъ антиклерикальныхъ памфлетахъ бегинажи не рѣдко изображаются мѣстами разврата, но на дѣлѣ это весьма достойныя учрежденія, прокармливающія выдѣлкою кружевъ и другими рукодѣліями нѣсколько тысячъ безпомощныхъ старухъ. Само собою разумѣется, что для уединенной и спокойной жизни бегинажей—Брюгге чистѣйшая находка; самые значительные бегинажи имѣются, впрочемъ, въ Гентѣ. Къ сожалѣнію, не всѣ женскіе монастыри напоминали и напоминаютъ бегинажи, а въ Бельгіи, при населеніи въ

восемнадцать разъ меньшемъ противъ нашего, почти столько же монашествующихъ, сколько ихъ въ Россіи, а именно въ 450 монастыряхъ 15,000, въ томъ числѣ четыре пятыхъ женщинъ.

Брюгге весь полонъ историческихъ воспоминаній и, разставаясь съ нимъ, я не могу не припомнить историческаго событія, которое также касается одной изъ фламандскихъ женщинъ. Вильгельмъ Завоеватель, извѣстный король англійскій, долго ухаживалъ за Матильдою Фландрскою, отвѣчавшею ему холоднымъ презрѣніемъ. Встрѣтивъ ее въ 1047 году въ Брюгге на улицѣ, когда Матильда шла отъ обѣдни, Вильгельмъ повалилъ красавицу въ грязь и крѣпко поколотилъ. Неизвѣстно, убѣдилъ ли прекрасную Матильду этотъ нѣсколько грубый способъ выраженія своихъ чувствъ въ силѣ страсти Вильгельма, или она опасалась повторенія сценъ, только женское сердце вдругъ смягчилось, Матильда сдѣлалась любезнѣе, и наконецъ вышла за Вильгельма замужъ. Королевская чета считалась потомъ образцомъ супружеской нѣжности.

Не знаю, примѣняется ли къ фламандскимъ женщинамъ и нынѣ подобный способъ убѣжденія, имѣющій въ свою пользу авторитеты Овидія, Абелара, Мольера и Мишле...

X.

Антверпенъ.—Превратность судебъ города, его современное значеніе.—Конкурренція Флиссингена.—Наружность города и новыя постройки.—Рубенсъ и его современные критики. — Мелочи изъ записной книжки.

Едва ли какой городъ испыталъ столько превратностей судебъ, сколько Антверпенъ или „родина Рубенса“, какъ величали его обыкновенно въ эпохи, когда народу оставалось лишь утѣшаться мыслью, что въ стѣнахъ его родился одинъ изъ величайшихъ всемірныхъ геніевъ, хотя въ дѣйствительности Рубенсъ родился не въ Антверпенѣ, а въ Зигенѣ. Впрочемъ и теперь слава Рубенса гремитъ въ Антверпенѣ; даже ко мнѣ въ церкви св. Іакова подходили нѣсколько простыхъ фламандскихъ крестьянъ съ неизмѣннымъ вопросомъ, гдѣ могила царя фламандской живописи? Во всякомъ случаѣ интересы торговли перебиваютъ въ настоящее время въ Антверпенѣ интересы искусства и биржевые маклера первенствуютъ надъ живописцами. Къ тому же Антверпенъ одинъ изъ немногихъ городовъ, которые, благодаря своему выгодному географическому положенію, съумѣли двукратно возвратить утраченное торговое значеніе.

Въ XVI вѣкѣ, послѣ паденія Брюгге, Антверпенъ сдѣлался средоточіемъ всемірной торговли. Болѣе тысячи иностранныхъ конторъ устроились въ его портѣ и въ числѣ гражданъ были богачи, въ родѣ аугсбургскаго Фуггера, оставившаго женѣ шесть милліоновъ флориновъ золотомъ. Это былъ не только самый богатый, но и самый веселый тогда городъ въ Европѣ. Ужъ на что кажется суровымъ казался Филиппъ II-й, король испанскій, но и онъ, когда удралъ отъ своей старой жены, королевы Маріи англійской, и попалъ въ Антверпенъ, не могъ долго отсюда выѣхать и ухаживалъ весьма усердно за молодыми дамами. Всѣмъ извѣстная картина Макарта, красовавшаяся на всемірной выставкѣ въ Парижѣ, изображающая въѣздъ Карла V-го въ Антверпенъ, даетъ нѣкоторое понятіе о великолѣпіи антверпенскихъ праздниковъ и роскоши его жителей.

Благополучіе города продолжалось, однако, не долго; дважды разоренный испанцами, второй разъ послѣ знаменитой осады, продолжавшейся четырнадцать мѣсяцевъ, гдѣ Александръ Фарнезе перегородилъ плотиною рѣку въ 5 саженъ глубиною, Антверпенъ началъ быстро упадать, половина населенія сразу покинула городъ и только Наполеонъ I оживилъ его, обративъ въ первоклассный военный портъ. Произошло это, какъ видно изъ воспоминаній г-жи Ремюза, случайно, вслѣдствіе льстиваго пріема, сдѣланнаго императору, когда онъ былъ еще первымъ консуломъ. Голландцы еще болѣе развили торговое значеніе Антверпена. На бѣду произошла революція 1830 года. При помощи французовъ городъ послѣ извѣстной осады достался, вопреки своему желанію, Бельгіи, за что голландцы отомстили, за-

перевъ устья Шельды для безпошлинной торговли и всячески поощряя торговлю Ротердама. Выкупъ шельдскихъ пошлинъ, за которыя и Россія внесла порядочный капиталъ, далъ новый толчекъ благосостоянію города, а франко-нѣмецкая война и дурная торговая политика Франціи во время управленія Тьера перенесли транзитъ Гавра и Кале въ Антверпенъ и тѣмъ еще болѣе усилили значеніе послѣдняго. Теперь это одинъ изъ важнѣйшихъ портовъ въ мірѣ, въ особенности по отношенію къ торговлѣ съ Сѣверной и Южной Америкой. Обороты его постоянно увеличиваются. Первое мѣсто занимаетъ торговля петролеумомъ, кофеемъ, кожами, солониной, сахаромъ, табакомъ и свинымъ саломъ, тогда какъ въ XVI вѣкѣ важнѣйшую роль въ торговлѣ Антверпена играли англійская шерсть, итальянскія шелковыя матеріи, французскія и нѣмецкія вина, хлѣбъ изъ балтійскихъ портовъ, португальскія пряности и сахаръ.

Голландцы до сихъ поръ смотрятъ съ завистью на развитіе Антверпена. Они не задумались недавно еще истратить нѣсколько милліоновъ гульденовъ на созданіе ему конкуррента въ Флиссингенѣ, который также лежитъ на Шельдѣ, но еще ближе къ морю. Голландцы перенесли отсюда военный портъ въ Ньюдипъ, вырыли глубокіе бассейны, провели желѣзную дорогу по островамъ и проливамъ Зеландіи и образовали субсидируемое срочное пароходное сообщеніе съ Индійскимъ архипелагомъ. Усилія эти пока пропадаютъ даромъ, доказывая, что порты создаются не по щучьему велѣнію, а въ силу не всегда ясныхъ природныхъ обстоятельствъ. Доки Флиссингена остаются буквально пустыми, а на набережныхъ

Антверпена нѣтъ проходу отъ товаровъ, выгружаемыхъ сотнями судовъ. Правда, и бельгійское правительство не оставалось сидѣть сложа руки. Къ докамъ, сооруженнымъ еще при Наполеонѣ и возвращеннымъ торговлѣ, оно пристроило новые, болѣе обширные. На эти постройки издержано уже 40 милліоновъ франковъ, а теперь испрашивается вновь у палатъ еще 16 милл. франковъ, необходимыхъ въ особенности для расширенія набережныхъ и безъ того весьма широкихъ и удобныхъ. Вмѣсто 35 саженъ, ихъ хотятъ довести до сорока саженной ширины. Линіи всѣхъ желѣзныхъ дорогъ упираются въ пристани и на товары не ложится въ Антверпенѣ никакихъ добавочныхъ налоговъ.

Такому торговому величію слѣдовало, конечно, соорудить надлежащій храмъ,—и вотъ, воспользовавшись пожаромъ, истребившимъ знаменитое въ архитектурномъ отношеніи зданіе биржи, Антверпенъ воздвигъ новую биржу въ прежнемъ стилѣ, но въ несравненно значительнѣйшихъ размѣрахъ. Это красивое зданіе только частичка тѣхъ сооруженій, которыя осуществлены въ послѣднее время, потому что Антверпенъ принадлежитъ вообще къ числу городовъ, наиболѣе быстро обстраивающихся въ Западной Европѣ.

Долгое время, благодаря существованію крѣпостныхъ верковъ вокругъ города, онъ не могъ развиваться сообразно расширенію своей торговли и приливу населенія. Измѣненіе системы обороны произвело здѣсь то же явленіе, что и въ Лиллѣ. Когда старыя укрѣпленія были куплены нашимъ знакомцемъ Струсбергомъ и снесены, а образовавшіяся площади земли распроданы по частямъ, Антверпенъ началъ расти по днямъ, если не по

часамъ. Теперь это очень красивый городъ, съ широкими улицами и тротуарами и съ красивыми домами въ томъ стилѣ Возрожденія, который пущенъ въ моду вѣнскими архитекторами и мало вяжется съ фламандскою архитектурою стараго города, приводившею въ восхищеніе Гвичіардини. Часть разрушенныхъ бастіоновъ обращена, конечно, въ красивый городской паркъ, съ прудами и фонтанами; устроенъ большой зоологическій садъ; всюду наставлены монументы, въ особенности живописцамъ. Красивѣйшій—Теньеру, по мѣстному произношенію Тенирсу. Между новыми зданіями выдается судебная палата, еще неоконченная, противъ которой скачетъ на конѣ, поражая невѣдомыхъ враговъ Бельгіи, король Леопольдъ I. Новому городу, кромѣ стиля, недостаетъ еще населенія: всѣ эти красивыя улицы довольно пусты, и вагоны конно-желѣзки, позванивающіе по разнымъ направленіямъ, двигаются порожнемъ.

Послѣ девяти часовъ вечера тутъ водворяется гробовое молчаніе. Зато, если въ какомъ отношеніи не измѣнился Антверпенъ съ Карла V,—такъ это оставшись однимъ изъ крупныхъ центровъ европейской проституціи. Она гнѣздится, однако, исключительно въ старомъ городѣ, гдѣ вся набережная вдоль Шельды—одинъ безконечный рядъ кабаковъ и разныхъ притоновъ. Улицы, примыкающія къ набережной, также оживлены всю ночь, и благоразумный путешественникъ не долженъ заглядывать сюда, не желая получить по ошибкѣ ударъ ножемъ отъ какого нибудь разгулявшагося итальянскаго матроса. Старый городъ, съ его узкими улицами, грязноватъ; всюду воняетъ жареной рыбой, и мостовая не совсѣмъ гладкая; должно быть она сохранилась отъ той

эпохи, когда во Фландріи города мостились весьма первобытнымъ способомъ—обязательнымъ трудомъ провинившихся передъ своими женами мужей. Согрѣшилъ мужъ противъ седьмой заповѣди: сейчасъ городская дума дѣлаетъ нарядъ — ступай, мости камни. Видно такихъ мужей было не мало, ибо Антверпенъ вымостился весь еще въ средніе вѣка. Исторія гласитъ, что были мужья такіе проказники, отъ которыхъ требовали по двадцати тысячъ кирпичей заразъ!

Говоря о Нидерландахъ, нельзя не возвращаться постоянно къ живописи, но въ особенности это необходимо въ Антверпенѣ, съ его знаменитою школою и ultra-знаменитыми картинами. Если еще другихъ живописцевъ можно обойти молчаніемъ, то быть въ Антверпенѣ и не вспомнить о Рубенсѣ также непростительно, какъ въ Римѣ не видѣть папы. Уже изъ оконъ моей гостинницы я увидѣлъ на „Зеленой площади“ монументъ Рубенсу, а на заднемъ планѣ, какъ колоссъ, сравнительно съ окружающими его зданіями, соборъ Богоматери, это чудо архитектуры, заключающее неменьшія чудеса живописи. Въ этомъ соборѣ, одна колокольня котораго, строившаяся двѣсти лѣтъ, окупаетъ поѣздку въ Антверпенъ, находится знаменитѣйшая изъ всѣхъ полутора тысячъ картинъ, написанныхъ Рубенсомъ — „Снятіе со креста“ и ея pendant „Водруженіе креста“. Послѣднее нѣкоторые современные критики считаютъ едва ли не выше „Снятія“. Впрочемъ, современная художественная критика въ томъ и состоитъ, чтобъ находить бѣлымъ то, что вчера считали чернымъ, и наоборотъ.

Вообще, нигдѣ такъ быстро не мѣняютъ себѣ кумировъ, какъ въ искусствахъ. Ещё въ началѣ нынѣшняго

столѣтія живописцы клялись Рафаэлемъ, иронически улыбались при имени Рубенса и почти съ презрѣніемъ смотрѣли на Рембрандта. Въ тридцатыхъ годахъ, въ эпоху господства романтизма, Рубенсъ сдѣлался первымъ живописцемъ; великіе мастера эпохи итальянскаго Возрожденія отошли на второй планъ. Теперь не стѣсняются уже называть „манернымъ“ Рафаэля и выше всего превозноситъ Рембрандта. Восхищеніе Рубенсомъ слабѣетъ, и современные художественные критики видятъ въ немъ только величайшаго лирика между художниками.

„Если подъ стилемъ понимать—пишетъ Фромантенъ въ своей болтливой книгѣ: „Les maitres d'autrefois“,—идеалъ всего красиваго и правильнаго, выраженный извѣстными формулами, то у Рубенса нѣтъ стиля; если подъ величіемъ разумѣть высоту, проницательность и глубину великаго мыслителя, то у Рубенса нѣтъ ни величія, ни мысли. Если остановимся на вкусѣ, Рубенсу недостаетъ вкуса. Кто любитъ искусство скромное, сжатое, такъ сказать, конденсированное, напримѣръ искусство Леонарда де-Винчи, тому Рубенсъ не понравится; онъ даже раздражитъ своею размашистостью. Кто всѣ человѣческіе типы сводитъ къ Рафаэлю и другимъ знатокамъ женской граціи и изящныхъ формъ, тотъ никогда не одобритъ роскошной красоты и богатаго тѣла рубенсовскихъ женщинъ *). Если, наконецъ, все болѣе и бо-

*) Профессоръ эстетики лейпцигскаго университета Шпрингеръ дѣлаетъ Рубенсу тотъ же нелѣпый упрекъ: „Нельзя не согласиться, говоритъ премудрый профессоръ, съ тѣмъ, что у Рубенса недоставало вкуса при передачѣ женскаго тѣла. Одна изъ важнѣйшихъ обязанностей (?!?) искусства состоитъ въ представленіи красоты въ

лѣе приближаясь къ требованіямъ пластики, отъ картинъ Рубенса будутъ требовать строгой простоты и серьезнаго спокойствія, то отъ Рубенса ничего не останется, кромѣ человѣка атлетической силы, излишне жестикулирующаго, мало развитаго и заразительно дѣйствующаго своимъ примѣромъ“...

Тотъ же критикъ не могъ, однако, не признать, что Рубенсъ былъ первоклассным геніемъ и что этотъ геній проявлялся болѣе всего въ его умѣніи владѣть красками. Въ послѣднемъ справедливая оцѣнка Рубенса вполнѣ доступна лишь знатокамъ дѣла, хотя самъ Рубенсъ понималъ эту сторону своего таланта, отвѣчая алхимику, предлагавшему ему секретъ философскаго камня: „Я нашелъ золото у себя на палитрѣ“... Само собою, что я не думаю въ нѣсколькихъ бѣглыхъ замѣткахъ очертить характеръ великаго артиста, вѣчной гордости Нидерландовъ. Любуясь, однако, его произведеніями въ соборѣ, въ картинной галлереѣ, гдѣ цѣлая зала заключаетъ массу превосходныхъ вещей, вышедшихъ изъ-подъ его кисти, въ церкви св. Іакова и др. художественныхъ собраніяхъ Антверпена и сопоставляя ихъ съ тѣмъ, что разбросано по всѣмъ галлереямъ Европы, нельзя не признать весьма узкимъ мнѣніе, по которому Рубенсъ лишь художникъ, возведшій „шикъ“ на степень генія, или чрезвычайно ловкій работникъ, мастерски владѣвшій эффектами декоративнаго свойства, авторъ роскошныхъ драпировокъ, раззолоченныхъ матерій,

---

видѣ формъ молодой и непорочной дѣвы; намъ противно видѣть нагими формы женщины, уже рожавшей дѣтей“.

красивыхъ группъ и т. п., нѣчто въ родѣ Макарта en grand.

Истинный геній этого человѣка не въ техникѣ, которая, впрочемъ, тоже удивительна, но въ силѣ чувства и религіознаго вдохновенія. Великій художникъ совмѣщается въ Рубенсѣ съ великимъ драматургомъ. Многое замѣчательно въ его произведеніяхъ, но впереди всего стоитъ необыкновенное разнообразіе. За какой бы сюжетъ онъ ни брался, вездѣ онъ отыщетъ наиболѣе драматическій моментъ, который и передастъ съ поразительною силою и увлеченіемъ. Однимъ изъ лучшихъ образчиковъ живой и увлекательной манеры Рубенса можетъ служить картина „Послѣднее причастіе св. Франциска“ въ антверпенскомъ музеѣ. Эту картину по блеску красокъ, драматическому впечатлѣнію и историческому пониманію предмета справедливо сравниваютъ съ лучшими драмами Шекспира. Параллель двухъ геніевъ, близко стоявшихъ по времени другъ къ другу, довольно вѣрно указана покойнымъ Монтегю. Шпрингеръ менѣе удачно, по моему мнѣнію, сопоставляетъ съ Шекспиромъ Рембрандта. Кто полагаетъ, что Рубенсъ исключительно гоняется за внѣшними эффектами, по этой картинѣ оцѣнитъ возвышенность его образа мыслей. Въ данномъ случаѣ, приведенный выше отзывъ Фромантена покажется черезчуръ пристрастнымъ, или вѣрнѣе, бьющимъ на оригинальность, такъ какъ въ той же книгѣ талантливый живописецъ отвергаетъ достоинство двухъ картинъ, которыя до сихъ поръ признавались nec plus ultra фламандской и голландской школы: „Снятія съ креста“ Рубенса и „Ночнаго караула“—Рембрандта.

Чтобы вѣрнѣе оцѣнить Рубенса, надобно стать на историческую точку зрѣнія, вернуться къ эпохѣ, когда послѣ долголѣтней борьбы Фландрія была вырвана изъ рукъ торжествующаго протестантства, и католицизмъ, при помощи испанскаго оружія, снова сталъ господствующимъ въ странѣ. Іезуиты, измѣнивъ систему Альбы, старались сдѣлать религію въ глазахъ массы пріятною и болѣе доступною. У Рубенса ничего, впрочемъ, іезуитскаго въ характерѣ не было, но католицизмъ никогда не былъ во Фландріи отвлеченнымъ и суровымъ; онъ всегда оставался тамъ пластическимъ и человѣческимъ; чувственная сторона преобладала въ немъ. Для эпохи подобнаго религіознаго возрожденія геній Рубенса подходилъ вполнѣ. Художникъ родился среди распадавшагося въ нравственномъ отношеніи общества и выросъ въ созерцаніи истинныхъ, а не воображаемыхъ трагедій.

„Какъ Викторъ Гюго и Жоржъ Сандъ,—говоритъ Тенъ въ своихъ блестящихъ лекціяхъ о нидерландскомъ искусствѣ,—Рубенсъ еще дитятею въ изгнаніи около своего отца, умершаго отъ отравы, слышалъ вблизи и вокругъ себя раскаты бури и видѣлъ крушеніе. Послѣ поколѣнія, которое дѣйствовало, воевало и создавало, явилось поколѣніе поэтическое, которое писало, рисовало и ваяло. Оно выражало и пополняло энергію и стремленія общества, пересозданнаго отцами. Вотъ почему фламандское искусство возводитъ въ героическіе типы чувственные инстинкты, грубыя и сильныя удовольствія, крутую отвагу окружающей среды и находитъ свой Олимпъ въ трактирахъ Теньера...“

Рубенсъ не былъ только величайшимъ изъ фламандскихъ живописцевъ въ этомъ смыслѣ, но инстинктив-

ною силою своего генія онъ воплотилъ цѣлую философію религіи. Его картины даютъ наилучшее понятіе о христіанствѣ, какъ понималось и практиковалось оно фламандцами въ XVII столѣтіи. Онъ резюмируетъ, такъ сказать, все, что создала фламандская школа по этой части. Ученики Рубенса Ванъ-Дейкъ и другіе пошли быть можетъ далѣе по части патетичности и изящества исполненія, но новаго уже ничего эта школа сказать въ культурномъ отношеніи не могла.

Трехсотлѣтній юбилей рожденія Рубенса въ 1877 году далъ возможность антверпенцамъ почтить своего знаменитаго согражданина, отвергнувшаго самыя соблазнительныя предложенія дворовъ англійскаго и французскаго, чтобы оставаться жителемъ Антверпена. Музей, гдѣ помѣщаются лучшія картины Рубенса, расписанъ по случаю юбилея цѣлымъ рядомъ фресковъ изъ жизни Нидерландовъ и самого Рубенса, который былъ не только живописцемъ, но и тонкимъ дипломатомъ и государственнымъ дѣятелемъ. Эти фрески писаны Кейзеромъ. Они, а равно нѣсколько бюстовъ украсили зданіе галлереи, очень удачно перестроенной изъ церкви бывшаго францисканскаго монастыря, окруженной прекраснымъ садомъ. Ранѣе того былъ реставрированъ домъ, гдѣ жилъ и умеръ Рубенсъ—умеръ завидною смертью, окруженный массою учениковъ, общимъ уваженіемъ и свершивъ почти все, что доступно свершить смертному. Едва ли не одному Торвальдсену выпала потомъ въ теченіи артистической карьеры завидная участь пользоваться еще при жизни такою славою, какой пользовался среди современниковъ Рубенсъ.

Въ своихъ безчисленныхъ картинахъ Рубенсъ чаще всего моделями бралъ двухъ собственныхъ женъ; въ особенности онѣ фигурируютъ въ картинахъ религіознаго содержанія; для картинъ миѳологическихъ Рубенсъ не стѣснялся моделями изъ антверпенскаго рыбнаго рынка. Рынокъ этотъ, помѣщающійся на набережной Шельды, и до сихъ поръ рекомендуется путешественникамъ для осмотра; онъ перестроенъ заново и любопытенъ по типамъ собирающихся тутъ фламандскихъ бабъ и по громадному количеству свѣжей рыбы, продающейся каждое утро съ аукціона. Я всталъ очень рано, чтобы исполнить указаніе гида, но ничего особенно любопытнаго не нашелъ. Рыбы было мало,—говорятъ, она тогда плохо ловилась въ Нѣмецкомъ морѣ по случаю постоянныхъ бурь; только камбала красовалась во всѣхъ видахъ. Бабы тоже не походили что-то на граціи, даже рубенсовскія.

Я спрашивалъ о причинахъ разницы одного француза-художника, постоянно живущаго въ Бельгіи; онъ улыбаясь отвѣчалъ:

— Вы вращаетесь еще въ старыхъ понятіяхъ о красотѣ: для васъ, какъ для Винкельмана, „красота, какъ чистая вода, не должна имѣть ни вкуса, ни запаха“...

Тотъ же французъ сообщилъ мнѣ нѣкоторыя характерныя черты Бельгіи. Первая касается бельгійскихъ чиновниковъ. Положеніе ихъ въ Бельгіи весьма незавидное и охотниковъ служить немного, причина — ограниченное содержаніе. Въ губернаторы, напримѣръ, и не назначаютъ, если не имѣешь своего состоянія. Въ Бельгіи, впрочемъ, при устройствѣ, схожемъ съ Франціей, чиновниковъ меньше, чѣмъ во Фран-

ціи. Это зависитъ отъ развитія муниципальныхъ учрежденій. Агенты послѣднихъ не очень одобряются и выборная система въ Бельгіи страдаетъ многими злоупотребленіями, особенно эти злоупотребленія сильны въ Антверпенѣ. Кабатчики и здѣсь имѣютъ въ избирательномъ корпусѣ преобладающее значеніе. Замѣчательно что въ Бельгіи либералы стоятъ за ограниченіе избирательнаго права, наоборотъ, консерваторы, т. е. клерикалы желали бы всеобщей подачи голосовъ. Въ настоящее время подъ видомъ „очищенія“ избирательнаго корпуса либералы провели законъ, при помощи котораго они надѣются настолько урѣзать число клерикальныхъ избирателей, что правая сторона не проведетъ при новыхъ выборахъ болѣе тридцати своихъ депутатовъ. Точно также бельгійскіе либералы являются въ палатахъ противниками всѣхъ мѣръ къ улучшенію быта рабочаго сословія, лицемѣрно ссылаясь на принципъ laisser-faire, laisser-passer. Стоитъ вспомнить, напримѣръ, рѣчи предводителя ихъ Фреръ Орбана противъ сокращенія рабочихъ часовъ.

Другая черта — это то, что въ Бельгіи французскія вина лучше чѣмъ во Франціи, особенно бургундскія. Многіе богатые люди изъ Парижа посылаютъ нарочно свое вино въ восточную, валлонскую Бельгію, гдѣ въ горахъ, въ холодныхъ погребахъ вино пріобрѣтаетъ отличныя качества, которыя оно никогда не въ силахъ пріобрѣсти въ столицѣ, тамъ постоянная тряска отъ экипажей, вино же любитъ спокойствіе.

— Вина, впрочемъ, еще не въ экипажахъ, а въ нашемъ характерѣ, замѣтилъ французъ. Нашъ братъ парижанинъ слишкомъ нетерпѣливъ, чтобы, подобно бель-

гійцу, дожидаться семь, восемь лѣтъ улучшенія вина. У насъ непремѣнно будутъ пробовать вино, чтобы узнать улучшается ли его качество, пока не перепробуютъ всѣхъ бутылокъ...

ЭКСКУРСІЯ ВЪ ОБЛАСТЬ МЕДИЦИНЫ.

ВЪ ДОРОГѢ.

Волею судебъ пришлось мнѣ провести цѣлое лѣто въ соприкосновеніи съ докторами разныхъ націй. Такъ какъ число недугующихъ россіянъ не малое, то, полагаю, что мои бѣглыя наблюденія на этотъ счетъ будутъ не лишнія въ печати.

Въ Стокгольмѣ я почувствовалъ себя нездоровымъ и послалъ за докторомъ. Докторъ шведъ осмотрѣлъ меня и нашелъ, что я, вѣроятно, не боленъ, а усталъ отъ дороги. На мою просьбу прописать мнѣ что-либо онъ отвѣчалъ:

— Знаете, я не вѣрю въ терапію. Вотъ, вашъ генеральный консулъ молодецъ, никогда не обращается ни къ какимъ докторамъ.

Не смотря на подобную теорію, докторъ спокойно опустилъ въ карманъ десять кронъ, которыя я вручилъ ему.

Въ Копенгагенѣ я почувствовалъ себя значительно хуже. Изъ гостинницы послали за докторомъ. Онъ осмотрѣлъ меня со скандинавскою точностью.

— Что же у меня? спросилъ я.

— Право не знаю, отвѣчалъ докторъ-датчанинъ, что не помѣшало ему съ такимъ же спокойствіемъ взять десять кронъ, которыя отличались отъ стокгольмскихъ только штемпелемъ.

— Полагаю, впрочемъ, прибавилъ великодушно докторъ, что вамъ нужно посовѣтываться съ докторомъ Бергомъ.

Докторъ Бергъ—копенгагенская знаменитость, директоръ казеннаго госпиталя и спеціалистъ, извѣстный въ Европѣ. Онъ оказался порядочнымъ человѣкомъ,—по крайней мѣрѣ, увидѣвъ меня, онъ прямо сказалъ:

— Васъ постигло большое несчастіе; самое лучшее, что вы можете сдѣлать—это сѣсть на пароходъ и вернуться въ Россію. Впрочемъ, я дамъ вамъ точный отвѣтъ черезъ два дня.

Прошло нѣсколько дней; мнѣ было все хуже, и я соображалъ, что до Россіи мнѣ не добраться, жизнь же въ датской гостинницѣ была не совсѣмъ удобна для больного. Поэтому я рѣшилъ ѣхать въ Парижъ. Докторъ Бергъ далъ мнѣ рекомендательныя письма и діетическія наставленія.

— Супъ, рыба, цыпленокъ и бутылка вина; избѣгать мяса и пива, наставлялъ этотъ благороднѣйшій житель острова Зеландіи.

Я остановился по дорогѣ въ Гамбургѣ, послалъ за докторомъ. Докторъ, нѣмецъ, осмотрѣлъ меня и нашелъ, что у меня не одна, а двѣ болѣзни; одна, которую онъ не понимаетъ, другая же лихорадка. Онъ взялъ, однако, двадцать марокъ, какъ будто бы за двѣ болѣзни, и, какъ житель континента, сказалъ въ наставленіе:

— Супъ, мясо, бутылка пива, избѣгать вина и особенно рыбы.

Нѣмецкая публика относилась ко мнѣ на желѣзной дорогѣ не очень дружелюбно. Видя больного, чувствительныя дамы ахали и закрывались вѣерами, пассажиры убѣгали изъ купэ, за табельд'отомъ садились подалѣе; никто не помогалъ мнѣ входить и выходить изъ вагона. Въ таможнѣ положеніе мое было отчаянное,—таскать багажъ было некому, а я буквально не могъ шевельнуть пальцемъ. Нашлась, однако, добрая душа, оказавшаяся американцемъ, слѣдовательно человѣкомъ, привыкшимъ къ тасканію чемодановъ. Прозрѣвъ во мнѣ русскаго, янки сталъ ругать берлинскую конференцію, печальные результаты которой только-что тогда сдѣлались извѣстны, и предсказывать, что не позже, какъ черезъ два года, мы утремъ носъ англичанамъ. О медицинѣ американецъ имѣлъ свои понятія и показалъ мнѣ у себя въ сакъ-вояжѣ нѣсколько оригинальныхъ пузырьковъ, содержавшихъ разныя сильнодѣйствующія средства на всякіе случаи.

— Кстати, сказалъ онъ, вы русскій, и можете мнѣ дать совѣтъ. Я тщетно искалъ въ Ротердамѣ мыла вашего извѣстнаго фабриканта Кессена; оно у насъ въ модѣ для бритья.

— Мнѣ хорошо знакомы всѣ русскіе заводы, отвѣчалъ я, но фабриканта Кессена я, признаться, никогда не слыхалъ.

Американецъ взялъ тогда кусокъ бумаги и написалъ карандашемъ: Kazan. Оказалось, что онъ искалъ въ Ротердамѣ казанскаго мыла! Я объяснилъ ему, что этого добра и въ Петербургѣ не легко сыщешь, и что въ Ка-

зани оно выдѣлывается кустарнымъ способомъ. Во всякомъ случаѣ, avis казанскимъ татарамъ о рынкѣ, который они могутъ имѣть своему продукту на дальнемъ Западѣ.

ВЪ ПАРИЖѢ.

Въ Парижѣ одно изъ писемъ доктора Берга я послалъ извѣстному профессору Лалье. Замѣчу при этомъ, что за доставку этого и еще одного письма комиссіонеръ „Grand-Hôtel“ поставилъ мнѣ въ счетъ только 10 франковъ, т. е. по курсу 4 р. 20 коп.! Лалье любезнѣйшимъ образомъ. не дожидаясь моего визита, явился самъ въ гостинницу.

— Ваша болѣзнь очень рѣдкая, сказалъ онъ мнѣ послѣ изслѣдованія, но ничто не ново подъ луною. Она называется такъ-то...

Впослѣдствіи я узналъ, что названіе, сочиненное Лалье, не существуетъ въ медицинской терминологіи, и его латинское опредѣленіе напоминало приблизительно опредѣленіе въ зоологіи: кошка, похожая на собаку. Но французъ никогда не задумывается. Я разговорился съ Лалье о леченіи; ему было трудно понимать меня, вслѣдствіе офранцуживанія названій лекарствъ. Рѣчь зашла, напримѣръ, о минеральныхъ водахъ Гуніади-Яношъ и Фридрихсгалле. Лалье никогда, по его словамъ, не слыхалъ о таковыхъ водахъ, но затѣмъ, послѣ глубокихъ размышленій, воскликнулъ съ сожалѣніемъ:

— Вы извращаете названія и хотите, вѣроятно, сказать о водахъ Жаносъ и Фридришаль!

Я не спорилъ о точности. Мы разстались друзьями; Лалье посовѣтывалъ мнѣ пока „немного гольдъ-криму и побольше терпѣнія“ и обѣщалъ похлопотать о принятіи меня въ клиническій госпиталь St. Louis, гдѣ онъ также состоитъ профессоромъ. Черезъ нѣсколько дней я получилъ любезнѣйшее письмо, что хотя профессоръ Иллэре, вѣдающій палату отдѣльныхъ номеровъ, уѣхалъ въ Біарицъ, но Лалье принялъ на себя рискъ опредѣлить меня въ больницу безъ согласія Иллэре.

Такого рода поступокъ былъ въ дѣйствительности большой услугой, потому что жить въ госпиталѣ St. Louis чистѣйшая находка для больного въ Парижѣ, а особенно во время выставки. За 5 франковъ въ день вамъ даютъ отдѣльную комнату со столомъ, ванною, прислугою, медикаментами, включая сюда и гонораръ врачу. Такая дешевизна объясняется тѣмъ, что госпиталь принадлежитъ къ учрежденіямъ Assistance publique и, кромѣ ея капиталовъ, пользуется субсидіями отъ города Парижа и казны. Каждое изъ его шести отдѣленій завѣдывается профессоромъ, съ извѣстнымъ числомъ помощниковъ-студентовъ, такъ называемыхъ internes. Какъ клинической госпиталь, это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ по матеріалу; тутъ собраны сотни больныхъ съ самыми рѣдкими накожными болѣзнями; особенно католическіе миссіонеры изъ Китая и Канады доставляютъ удивительные образчики разныхъ язвъ. Около меня, въ особой комнатѣ, больной монахъ лежалъ съ 1848 года! Вотъ уже тридцать первый годъ доктора утѣшаютъ его скорымъ выздоровленіемъ. Цѣлое отдѣленіе занято больными восточною проказою, для которыхъ существуетъ совершенно особое платье, бѣлье, прачешная, ванны и пр.

Госпиталь St. Louis занимаетъ цѣлый кварталъ съ великолѣпнымъ садомъ, полнымъ цвѣтами внутри, въ предмѣстьи Тампль. Это центръ рабочаго населенія, поэтому коммунары дали здѣсь послѣдній отчаянный бой версальцамъ.

— Перестрѣлка была такая, разсказывала мнѣ сестра милосердія, что мы цѣлый день сидѣли въ погребѣ, вылѣзая только, чтобы перевязывать нашихъ больныхъ.

По пріѣздѣ въ госпиталь, прежде всего нужно уплатить деньги за недѣлю впередъ, á M. le Directeur, т. е., по нашему, смотрителю, и получить отъ него réglement, гдѣ, по французскому обычаю, объяснено подробно, какъ вы себя должны вести: на ковры не плевать, съ приходящими къ вамъ въ гости дамами на ключъ не запираться, домой возвращаться непремѣнно къ восьми часамъ вечера, и т. д., и т. д. Затѣмъ меня повели въ мою комнату. Она помѣщалась въ такъ-называемомъ Pavillon Gabrielle, окномъ въ садъ; омеблирована была комната очень скромно, но прилично; только на толстомъ бѣльѣ вездѣ было написано крупными черными буквами: Hôpital St. Louis, и вся посуда была оловянная. Кровать была очень высокая и надъ нею съ потолка висѣла веревка съ ручкою. Это очень удобно для больныхъ, чтобы переворачиваться на постели безъ посторонней помощи, а при случаѣ повѣситься съ отчаянія... Сейчасъ сбѣжались ко мнѣ сестры милосердія и спросили, не голоденъ ли я, не хочу ли яичницы, и заставили таки съѣсть чашку бульону. Сестры, монахини августинскаго ордена, всѣ въ бѣломъ—толстыя, живыя и веселыя; онѣ болтали безъ умолку. Я спросилъ, отчего павильонъ называется Gabrielle.

— Зданіе госпиталя было прежде загороднымъ дворцомъ короля Генриха IV, отвѣчала одна изъ сестеръ,—а въ этомъ павильонѣ жила его любовница Габріэль д'Эстре... О, они тутъ грѣшили не мало, но нашими молитвами мѣсто это очищено.

Я очень полюбилъ веселыхъ и простыхъ сестеръ, которыя не только не избѣгали разговоровъ о скабрезныхъ предметахъ, но, напротивъ, искали ихъ, какъ бы подтверждая тѣмъ прочность своихъ клятвъ передъ алтаремъ.

Вотъ день во французскомъ госпиталѣ. Это маленькая панорама французской жизни, тѣмъ болѣе занимательная для больного, что всѣ служащіе отличаются любезностью и веселымъ настроеніемъ. Утромъ въ 6 часовъ входила горничная и приносила кофе, шоколадъ или горячее молоко. Не успѣла она перекинуться словечкомъ и подать совѣтъ qu'il ne faut pas trop se grater, какъ являлся старый фельдшеръ съ неизмѣнной остротой:

— Ваши лошади запряжены.

Подъ этимъ разумѣлось двое сильныхъ оверніатовъ, которые клали меня на носилки и, завернувъ въ простыни и одѣяла и сдѣлавъ кокетливо изъ одѣяла же капюшонъ отъ солнца, несли черезъ садъ въ ванную. Цѣлое зданіе занято исключительно ваннами и особый prépose съ важностью руководитъ тутъ вами, согласно предписанію доктора. Простыни всегда подаются горячими. Сразу купается человѣкъ двадцать и изъ-за холстинныхъ перегородокъ перебрасываются остротами и анекдотами. Во время купанья здоровыя крестьянки убираютъ комнаты, особый человѣкъ натираетъ паркетъ, а особая горничная вытираетъ пыль. Затѣмъ влеталъ

interne, усталый отъ танцевъ въ Closerie des Lilas и, бѣгло взглянувъ, чтобы представить свой рапортъ доктору, непремѣнно острилъ, видя куски моей кожи на полу:

— Au moins on ne dira pas que vous n'avez pas laissé votre peau à Paris.

Въ десять часовъ раздавался звонокъ и двери всѣхъ комнатъ мигомъ отпирались настежь: это сигналъ, что идетъ докторъ. Послѣдній, впрочемъ, не очень-то аккуратно исполнялъ свою обязанность; онъ не являлся ни въ день своей лекціи, ни въ день пріема; то уѣзжалъ въ Біарицъ къ больнымъ, то не ходилъ по комнатамъ, а лишь принималъ raport интерна въ своемъ кабинетѣ. Вообще леченіе во французскихъ госпиталяхъ небрежно и лежитъ болѣе на студентахъ, за недостаткомъ врачей. Въ первое посѣщеніе я увидѣлъ такую картину. Профессоръ Иллэре, сѣдой, полный старикъ, фигурою и манерами напоминающій очень комика Леритье изъ Палероялькаго театра, въ черномъ сюртукѣ, бѣломъ галстукѣ, бѣломъ фартукѣ, съ ночнымъ колпакомъ на бекрень, вошелъ съ толпою студентовъ. Онъ подошелъ ко мнѣ, и, не спрашивая ничего, что со мною, театральнымъ жестомъ отбросилъ одѣяло и сказалъ:

— Вы видите, господа, то, что называется—имя рекъ болѣзни.

Затѣмъ, поймавъ кусокъ отставшей кожи, оторвалъ его; студенты также полѣзли отрывать кусочки кожи; я закричалъ:

— Вы мнѣ дѣлаете больно!

— Кому вы говорите; еще бы я не зналъ, что это

больно, сказалъ Иллэре.—Не такъ, однако, больно, какъ вы дѣлали туркамъ во время votre coquine de guerre!

Какъ французскій буржуа, онъ, конечно, не переваривалъ результатовъ войны и при каждомъ посѣщеніи ругалъ ее.

— Вы будете больны еще три недѣли, сказалъ онъ при первомъ посѣщеніи.

На мой вздохъ профессоръ отвѣчалъ съ важностью:

— Менѣе я не могу сдѣлать.

Потомъ, однако, вышло, что и трехнедѣльный срокъ доктору пригрезился. Онъ бѣгло отдавалъ приказанія. Замѣчателѣно, какая въ этомъ случаѣ во французскихъ госпиталяхъ пунктуальная точность. Не успѣетъ докторъ выйдти за дверь, какъ уже начинаютъ приносить изъ аптеки все прописанное. Надобно, однако, замѣтить, что аптечное дѣло находится во Франціи въ очень дурномъ видѣ, и я всегда съ недовѣріемъ смотрѣлъ на разнокалиберные пузырьки безъ сигнатурокъ и пробокъ, которые мнѣ приносили, хотя старичекъ аптекарскій помощникъ внушительно мнѣ заявлялъ каждый разъ, что не пожалѣлъ для меня сахара. Изъ аптеки же приносятъ больнымъ лимонадъ и другіе прохладительные напитки.

Въ $10^1/_2$ часовъ утра подается обѣдъ изъ трехъ блюдъ съ полубутылкою весьма сноснаго краснаго вина. При дороговизнѣ въ Парижѣ продуктовъ, надобно еще удивляться, какъ умудряются тамъ кормить больныхъ такимъ образомъ; обѣдъ состоялъ обыкновенно изъ soupe grasse, т. е. бульона изъ костей, съ накрошенной булкой, жаренной баранины или говядины съ бобами и другою зеленью и сладкаго. Въ пять часовъ полагается ужинъ

опять изъ трехъ блюдъ съ 1/2 бутылкою вина, состоящій изъ супа съ крупою, мясного блюда, сыра или фруктовъ. Эти répas можно ѣсть въ общей столовой, можно получать и у себя въ комнатѣ; тогда горничная приноситъ ихъ, а сестры милосердія рѣжутъ кушанье и болтовней развлекаютъ больного. Вечеромъ ничего не полагается, кромѣ противной tisane, не полагается также свѣчей, потому что, по теоріи, въ 8 часовъ больные должны спать, почему и зажигаются, если угодно, ночники. Понятно, что всѣ пьютъ кофе или чай, покупаютъ свѣчи и многое другое на свой собственный счетъ.

Въ 10 часовъ вечера незамѣтно появлялась съ потайнымъ фонаремъ молодая, очень некрасивая монахиня, одна изъ тѣхъ réligieuses, которыя пополняются въ Франціи изъ разряда дѣвъ, потерявшихъ надежду выйдти замужъ. Если монахиня видѣла, что я не спалъ, то, опустивъ глаза, подходила и спрашивала, какъ я себя чувствую и не надо ли мнѣ чего-либо. Такъ какъ я обыкновенно жаловался, что мнѣ дурно, то по своему долгу она старалась отвлечь мои мысли отъ болѣзни и какъ нибудь утѣшить. По большей части, разговоръ сводился къ душеспасительнымъ или религіознымъ предметамъ; подчасъ эти бесѣды своею наивностью забавляли меня.

— Вы католикъ? спросила меня въ одно изъ первыхъ свиданій монахиня.

— Нѣтъ, православный.

— Значитъ, греческой схизмы? А большая разница въ нашихъ догматахъ?

— Не очень; главное отличіе въ понятіи о св. Троицѣ. У насъ св. Духъ исходитъ только отъ Отца.

— Ah, quelle horreur! набожно воскликнула монахиня.—У васъ, русскихъ, также императоръ вашъ папа.

— Нисколько, это чистѣйшее недоразумѣніе...

— О нѣтъ, я знаю отлично, что это такъ, возразила монахиня, но это не законно. „Ты Петръ камень, и на семъ камнѣ я воздвигну церковь“,—развѣ Іисусъ говорилъ это одному изъ русскихъ императоровъ?...

На такіе аргументы оставалось только развести руками; къ несчастію, я не могъ даже шевельнуть пальцемъ. Во всякомъ случаѣ, я благодаренъ моей собесѣдницѣ за ея желаніе обратить меня въ католицизмъ. Эта система занимать больныхъ во время безсонницы весьма похвальна, да и вообще самоотверженная дѣятельность французскихъ монахинь заслуживаетъ полной похвалы. Конечно, аскетическій принципъ можетъ возбуждать ту или другую оцѣнку въ наше время, но что въ практической дѣятельности монахини съумѣли заслужить сочувствіе во Франціи—не подлежитъ сомнѣнію.

Извѣстно, что до революціи всѣ жаловались тамъ на изобиліе монашескихъ орденовъ. Тогда, однако, монахинь было менѣе 40,000, теперь ихъ болѣе 90,000 (Taine. Origines de la France, v. I) и, не смотря на конфискацію ихъ имуществъ, онѣ располагаютъ огромными капиталами. Эти цифры доказываютъ, что подобное учрежденіе, худо-ли, хорошо-ли оно, составляетъ пока живую потребность французскаго общества и подлежитъ не уничтоженію, а замѣнѣ.

ВЪ ВѢНѢ.

— Хорошій народъ французы, но всѣ они болѣе или менѣе шарлатаны, а особенно въ медицинѣ, говорилъ мнѣ на выставкѣ одинъ почтенный русскій докторъ, потому очень не вѣрьте вашимъ профессорамъ, а проѣздомъ черезъ Вѣну заходите къ доктору Гебрѣ.

Такъ я и сдѣлалъ. Гебра живетъ *) въ собственномъ великолѣпномъ домѣ на Mariannengasse; нѣсколько домовъ рядомъ также составляютъ его собственность, а внутри устроенъ роскошный паркъ; кромѣ того, въ Рейхенгалѣ у него, говорятъ, большое помѣстье, нажитое отъ практики. Гебра родомъ изъ Моравіи, изъ города Ольмюца, гдѣ и былъ прежде докторомъ. По словамъ однихъ онъ еврей, по словамъ другихъ чехъ; онъ, однако, отрицаетъ теперь свое славянское происхожденіе и объявляетъ себя чистѣйшимъ нѣмцемъ, очевидно въ надеждѣ, за смертью Рокитанскаго, попасть въ верхнюю палату, потому что Гебра едва ли не самая въ настоящую минуту крупная знаменитость вѣнскаго университета, гдѣ вообще много знаменитостей.

Между тѣмъ наружность у Гебры—весьма замѣчательная и легкоостающаяся въ памяти, какъ бы изобличаетъ славянское происхожденіе. Онъ очень напоминаетъ малоросса съ широкимъ лицомъ, густыми бровями и добродушно-лукавою улыбкою.

Гебру въ шутку зовутъ: Selbstherscher aller Häute in

*) Во время печатанія этой книги почтенный Ф. Гебра скончался.

Europa, и этотъ титулъ полученъ имъ не даромъ. Онъ отецъ современной дерматологіи, а теперь уже осталось очень мало докторовъ, которые-бы не раздѣляли его воззрѣній. Увѣряютъ даже, что, благодаря трудамъ Гебры, леченіе накожныхъ болѣзней сдѣлалось самою положительною частью медицины. Оригинальность его воззрѣній состоитъ въ томъ, что, за немногими исключеніями, онъ считаетъ накожныя болѣзни мѣстными и лечитъ ихъ почти исключительно наружными средствами и притомъ самыми простыми: зеленое мыло, деготъ, вазелинъ, каучуковая ткань составляютъ главное оружіе его арсенала. Вся цѣль леченія состоитъ въ томъ, чтобы сколь возможно энергичнѣе удалить старую кожу въ предположеніи, что новая наростаетъ при лучшихъ условіяхъ и слѣдовательно имѣетъ болѣе здоровыя свойства. Поэтому больныхъ у Гебра цѣлый день по очереди скоблятъ, скребутъ, чистятъ щетками и купаютъ. Самъ Гебра обращается съ кожею своихъ паціентовъ, какъ сапожникъ съ подошвами.

При мнѣ было два такихъ случая. Пріѣхала барыня изъ Петербурга, жалуясь, что у ней слишкомъ красныя щечки. Гебра преспокойно взялъ острую ложечку со стола и буквально выскоблилъ ей всю физіономію; мало того, надѣлалъ еще нарѣзовъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

— Теперь черезъ два мѣсяца будете здоровы, сказалъ онъ.

Барыня чуть не упала въ обморокъ. Она полагала, что черезъ недѣлю уже оставитъ Вѣну и заведеніе Гебры.

Другой случай. Я засталъ господина, у котораго носъ былъ завязанъ и закутанъ. У Гебры вообще паціенты

особенно вечеромъ, разгуливаютъ съ весьма хитрыми повязками на носахъ, ушахъ и т. п. Это былъ бургомистръ города Брюна, у котораго носъ такъ разросся, что, по словамъ почтеннаго головы, подчиненные надъ нимъ смѣялись въ торжественныхъ случаяхъ. Гебра цѣлый мѣсяцъ рѣзалъ и скоблилъ этотъ оригинальный носъ; наконецъ наступило время отъѣзда, бургомистръ пришелъ прощаться. Гебра посмотрѣлъ на носъ и, взявъ ножъ, сказалъ: нѣтъ, не нравится мнѣ форма вашего носа, я вамъ его еще заострю", и при этомъ отрѣзалъ спокойно по кусочку носа съ каждой стороны.

Бургомистръ послѣ того ходилъ цѣлую недѣлю съ колпачкомъ на носу, ожидая, когда его носъ приметъ желанную греческую форму.

Когда я къ нему явился, Гебра посмотрѣлъ на меня поверхъ очковъ, повертѣлъ концы моихъ ногтей, весьма небрежно выслушалъ мой разсказъ о парижскомъ леченіи и, выразивъ сильное сомнѣніе на счетъ тамошняго опредѣленія болѣзни, спросилъ, что я намѣренъ дѣлать. Я на это возразилъ, что именно такой вопросъ хотѣлъ предложить ему.

— Ваша болѣзнь, сказалъ онъ, многихъ, многихъ мѣсяцевъ.

— Много, много мѣсяцевъ образуютъ нѣсколько лѣтъ, замѣтилъ я.

— Не совсѣмъ. Во всякомъ случаѣ въ Россіи ни одинъ докторъ вашей болѣзни не пойметъ. Вы останетесь у меня примѣрно мѣсяцъ и затѣмъ вернетесь на $^3/_4$ вылеченнымъ; въ мѣсяцъ же я только могу научить васъ, какъ себя нужно лечить... Кстати у меня есть и комната свободная, № 27.

— Мнѣ остается только спросить, что я буду платить за это удовольствіе?

— 14 гульденовъ.

— Въ недѣлю? сказалъ я, вспомнивъ парижскія цѣны.

— Нѣтъ, въ день. Самое лучшее пріѣзжайте сейчасъ-же, такъ и приступимъ немедленно къ леченію.

Въ дѣйствительности прошелъ день, а все леченіе ограничилось взятіемъ съ меня особой контрибуціи за фуфайку новаго фасона.

Хотя Гебра объявилъ мнѣ, что едва мѣсяцъ нужно, дабы выучить меня системѣ леченія, но, къ моему удивленію, оказалось, что эту мудрую систему можно изучить въ 5 минутъ: она состояла изъ ваннъ и намазыванія вазелиномъ. Послѣднее производилъ старый нѣмецкій фельдшеръ Урманъ, неразлучный спутникъ Гебры. Этотъ добрый нѣмецъ съ 8 часовъ утра и буквально до 11 часовъ ночи непрерывно растиралъ и намазывалъ кого нибудь, только урывками бѣгая въ пивную и тамъ вливая въ себя кружки по три пива. Навѣрное Рафаэль не рисовалъ съ такою любовью своихъ мадоннъ, какъ Урманъ красилъ паціентовъ вазелиномъ. Бывало помажетъ ногу, затѣмъ полюбуется ею на свѣтъ, повертитъ, повертитъ и еще покраситъ, и все это методически и аккуратно. Женщинъ мажетъ и купаетъ старая фельдшерица, въ свободныхъ промежуткахъ вмѣсто питья пива вяжущая чулокъ.

Уже на третій день мнѣ стало гораздо лучше. Прійдетъ Гебра въ ванную, гдѣ ни зги не видать, мазнетъ пальцемъ по голому тѣлу и скажетъ: Charmant!

— Да помилуйте, какъ вы видите, когда я не могу разглядѣть своей руки.

— А я вижу, скажетъ докторъ, быстро удирая.

Зашелъ я въ книжный магазинъ, купилъ два громадныхъ тома „Hautkrankheiten“, классическаго сочиненія того же Гебры, развернулъ ее въ томъ мѣстѣ, гдѣ описана яко бы моя болѣзнь—и волосы стали дыбомъ. Пишетъ Гебра, что изъ 14 больныхъ этою болѣзнію у него умерло 14, что никакихъ онъ лекарствъ противъ нея не знаетъ, да никакія лекарства на эту болѣзнь и не дѣйствуютъ. Бѣгу къ Гебрѣ.

— Какъ же вы говорили: charmant, и я самъ вижу, что мнѣ гораздо лучше, а въ книгѣ у васъ вонъ что написано? спрашиваю я.

— Это ничего не значитъ, вы у меня лечитесь и нѣтъ причины сомнѣваться.

Я потомъ спрашивалъ у многихъ докторовъ разъясненія такого противорѣчія.

— А зачѣмъ вы читаете медицинскія книги, былъ общій отвѣтъ этихъ авгуровъ. Только одинъ прибавилъ:

— Какъ же вы литераторъ, а еще вѣрите печатному.

Вотъ тутъ и лечись какъ знаешь! Я спросилъ было сына Гебры, писавшаго диссертацію о моей болѣзни.

— Знаете, вы насъ удивляете необыкновеннымъ ходомъ вашей болѣзни.

Я возрадовался, но на другой день, входя въ комнату одного изъ русскихъ, также лечившагося у Гебры, изъ прихожей еще услышалъ, какъ ему тотъ же Гебринъ сынъ говорилъ:

— Знаете, вы насъ удивляете необыкновенно быстрымъ ходомъ вашей болѣзни.

Видно ужъ мы нарочно собрались такіе удивительные люди...

По части діагноза, однако, Гебра-отецъ, что называется, собаку съѣлъ. Я видѣлъ дѣвицу изъ Симферополя, которую мѣстные эскулапы лечили отъ волчанки и довели до того, что она сначала ходила на костыляхъ, а затѣмъ годъ лежала въ постели не двигаясь. Когда же Гебра прочелъ описаніе болѣзни, сдѣланное мѣстными эскулапами, то на третьей строчкѣ швырнулъ письмо на полъ и сказалъ:

— Что за глупость, черезъ мѣсяцъ будете танцовать.

И дѣйствительно сдержалъ слово. Болѣзнь оказалась обыкновенною золотухою.

Къ сожалѣнію, Гебра, постарѣвъ и крѣпко разбогатѣвъ, не такъ внимательно теперь занимается своими больными. Главную роль играетъ въ лечебницѣ его сынъ, доцентъ университета; зять Гебры, Капози, также профессоръ накожныхъ болѣзней; такимъ образомъ, ихъ семейство монополизировало всю вѣнскую дерматологію. Гансъ Гебра не составляетъ изъятія изъ извѣстнаго закона о сыновьяхъ очень умныхъ отцевъ. Онъ вполнѣ вѣнскій докторъ, искусство которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы лечить паціентовъ по возможности долѣе, затѣмъ передавать ихъ для эксплоатаціи какому-нибудь пріятелю, имѣющему водолечебное заведеніе, который, въ свою очередь, посылаетъ больного къ другу на новооткрытыя минеральныя воды и т. д., пока у паціента имѣются деньги. Особенно на эту удочку ловятся женщины, а также евреи, отличающіеся изо всѣхъ народовъ страстью лечиться.

Для характеристики молодаго доктора, я приведу два факта. Одной моей знакомой Гансъ прописалъ такой сильный пріемъ морфина, что ей сдѣлалось дурно во время визита.

— Чѣмъ бы вамъ помочь? сказалъ онъ съ участіемъ,— лучше всего, выпейте чашку кофе.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчала дама.

— Да, но въ такомъ случаѣ пошлите за кофе въ сосѣднее кафе.

Въ другой разъ, одинъ мой знакомый больной зашелъ рано утромъ получить и уплатить счетъ за свое пребываніе, счетъ довольно крупный. Спросивъ о состояніи здоровья, докторъ написалъ счетъ и прибавилъ текущій день, т. е. ни мало, ни много 14 гульденовъ.

— Да я сію минуту уѣзжаю, возопилъ больной.

— Вы такую серьезную консультацію имѣли сейчасъ, что ее нужно считать за сутки.

Это еще ничего. Я слышалъ, что одинъ профессоръ въ Вѣнѣ объявилъ пріѣзжей русской дамѣ, что можетъ сдѣлать ей операцію только въ такомъ случаѣ, если она поступитъ въ лечебницу его пріятеля. Больная была съ дѣтьми и находила житье въ больницѣ не по своимъ средствамъ. Она была въ отчаяніи, но люди опытные посовѣтовали ей послать профессору въ подарокъ коробку скверныхъ сигаръ въ 6 гульденовъ. Дѣйствительно, знаменитость нашла тогда операцію на дому весьма возможною. И это за 6 гульденовъ!

Всѣ вѣнскіе доктора, отпуская васъ, просятъ писать имъ почаще о ходѣ вашей болѣзни, но никогда не отвѣчаютъ, если въ письмо не вложено 10 гульденовъ.

Хотя за леченіе взимается весьма приличная сумма,

но само заведеніе Гебры устроено на эксплоататорскихъ началахъ. Для больныхъ нѣтъ даже общей комнаты. гдѣ бы они могли собираться, нѣтъ фортепіано, билліарда, даже газетъ. Обѣдъ состоитъ изъ четырехъ нѣмецкихъ блюдъ: супа, говядины изъ супа, соуса и сладкаго; ужинъ изъ одного блюда, кромѣ воскресеній и праздниковъ, когда на ужинъ полагается кусокъ холоднаго языка или ветчины. Гебра — врагъ діеты, но его кушанья составляютъ косвенно весьма приличную діету. Комнаты неопрятны, ваннъ всего двѣ, а въ нихъ купаются десятки лицъ; прислуги же тамъ такъ мало, что обѣдъ тянется 2 часа; каждое кушанье приходится ждать по получасу, ибо нѣкоторые больные живутъ въ бесѣдкахъ въ саду.

Не смотря на это, репутація Гебры такъ велика, да и польза, приносимая имъ, такъ очевидна, что всѣ номера его лечебницы постоянно полны; больные пріѣзжаютъ не только со всѣхъ концовъ Европы, но и изъ Малой Азіи, Бразиліи и другихъ мѣстъ и живутъ подолгу. При мнѣ одна богатая португалка жила уже другой годъ. Дядя ея, забавный старикъ, былъ однимъ изъ послѣднихъ остатковъ партіи Санъ-Мигуэля и съ отчаяніемъ говорилъ о современной конституціонной Португаліи.

— Какъ вы счастливы въ Россіи, что у васъ нѣтъ конституціи, повторялъ онъ, уныло бродя по аллеямъ сада. Издали Россія кажется Европѣ очень гадкою, но я увѣренъ, что вблизи она отлично устроена.

Я не возражалъ полоумному старику, племянница котораго каждый день сидѣла по три часа въ ваннѣ. Россія вообще занимала португальца.

— Знаете, я придумалъ, говорилъ онъ, чтобы ваши балтійскіе порты торговали и зимою. Для этого нужно въ обшивкѣ корабля сдѣлать мѣдныя трубки и, [illegible]ская туда паръ, вы будете легко протаивать ледъ и выходить въ открытое море.

Онъ видѣлъ ледъ только въ Португаліи и думалъ, вѣроятно, что слой его не толще листа бумаги.

Высокія особы также не брезгаютъ Геброй. При мнѣ двѣ комнаты приготовлялись для какого-то нѣмецкаго наслѣднаго принца, пріѣзжающаго, говорятъ, аккуратно лечиться къ Гебрѣ. Понятно, что послѣ такихъ сильныхъ міра, на простыхъ смертныхъ смотрятъ слегка. Лѣтомъ Гебра наѣзжалъ всего на три дня въ недѣлю, а четыре жилъ у себя въ деревнѣ; при этомъ, если не зайдешь самъ къ доктору, то никто о тебѣ и не справится.

Проживъ мѣсяцъ и совершенно выздоровѣвъ, я пришелъ къ Гебрѣ получить инструкціи на дорогу. Онъ посмотрѣлъ на меня черезъ очки и спросилъ въ недоумѣніи:

— Что вамъ угодно?

Оказалось, что онъ уже забылъ, кто я и чѣмъ я боленъ...

КОНЕЦЪ.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ .....
..... 193 г.

СОЧИНЕНІЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

У СКАНДИНАВОВЪ и ФЛАМАНДЦЕВЪ, путевыя впечатлѣнія по Швеціи, Даніи и Бельгіи . . . . . 1 р. — к.

ВЪ СТРАНѢ ИГА и СВОБОДЫ, путевыя впечатлѣнія по Кавказу, Малой Азіи, Европейской Турціи, Черногоріи, Сербіи, Австро-Венгріи и Соединеннымъ Штатамъ . 2 „ 50 „

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ въ Испаніи, Египтѣ, Аравіи и Индіи . . . . . 2 „ — „

СУЭЗСКІЙ КАНАЛЪ . . . . . 1 „ 50 „

СРОЧНОЕ и ПОЧТОВОЕ ПАРОХОДСТВО въ Россіи и заграницею . . . . . 2 „ — „

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ВОКРУГЪ СВѢТА, впечатлѣнія туриста.